

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

12

1989

Сорок три народных депутата, представляющих различные регионы страны, входят в Комитет Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка. Председатель Комитета — Сергей Сергеевич АЛЕКСЕЕВ, член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Государственной премии СССР. На первой странице обложки — одно из заседаний Комитета.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

№ 12 (228) ДЕКАБРЬ 1989. ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1971 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

В НОМЕРЕ

4

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

Нужна ли суду «министерская шапка». Веседа с министром юстиции РСФСР В. А. АВОЛЕНЦЕ-ВЫМ

3

По следам наших выступлений. На публикацию журнала отвечает прокурор Азово-Черноморской природоохранной прокуратуры В. ЕВСТАФЬЕВ

9

11

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

С. КОРКИН. Что такое рабочий отряд?

11

В интересах жителей планеты Земля. Договор граждан СССР и США об экологической безопасности

15

18

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Об увеличении продолжительности отпусков женщинам, имеющим малолетних детей. Постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС

18

ЮРИСТ КОНСУЛЬТИРУЕТ
ДИРЕКТОРА 19

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ПРАКТИКУМ 20, 128

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

В. СЛАВИН. «А где он будет жить?» 21

ОТ «А» ДО «Я»

Ставки квартирной платы 24

Студенческая стипендия 25

МОЛОДЕЖИ О ПРАВЕ

С. ВЛАДИМИРОВ. Покатались... 29

ЗАОЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

И. КОМИССАРЕНКО. Еще раз о наследовании 31

КНИЖНАЯ ПОЛКА 35

Знакомьтесь: Правительственный вестник 36

ПО ПРОТЕСТУ ПРОКУРОРА 37

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА 37

МИНИ-ДЕТЕКТИВ 38

39

СОБЕСЕДНИК

«Неистовый «Гринпис». Беседа нашего корреспондента П. МОРГУНОВА 39

В. СТЕРИН. «Иалитка заперта, и во дворе собака...» 44

В. ЛОКТЕВ. «Окна перестройки»	50
В. МАЛЫШЕВ. Сделки в южном порту	52
ЗАМЕТКИ САТИРИКА	
В. ГАЛКИН. Минздрав предупреждает	55

59

М. ФУРМАН. По следам полярной Одиссеи. Записки эксперта	59
Под девизом дружбы и сотрудничества	71

72

ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ	
Г. ПЕТРОВ. Профессор Фрейташ рвется к власти	72
Нью-Йоркская полиция: борьба с наркоманией и проституцией	76

92

Б. ГОРАЙ. Либерия раритетов. Повесть. Окончание	92
---	----

120

В. СТРЕЛКОВ. И все-таки они пахнут!	120
-------------------------------------	-----

122

КРОССВОРД	
Знаете ли вы право?	122

124

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН» ЗА 1989 ГОД	124
--	-----

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Главный редактор В. М. СИРЕНКО

Редакционная коллегия:

В. А. АБОЛЕНЦЕВ,
Г. К. БОЛЬШАКОВА (заместитель главного редактора),
В. А. ЖУРАВЛЕВ (ответственный секретарь),
И. В. ИЛЬИН, И. Н. КУЗНЕЦОВ,
В. Д. ПОВОЛЯЕВ, И. С. САМОЩЕНКО,
П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ,
Е. В. СМИРНОВА, А. Я. СУХАРЕВ,
А. А. ТРЕБКОВ, А. М. ФИЛАТОВ
И. Ф. ШИЛОВ

Технический редактор Л. С. АЛЕКСЕЕВА

Оформление В. А. БУРКИНА

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

Могут ли органы юстиции защитить судей? На вопросы нашего корреспондента отвечает министр юстиции РСФСР В. А. АБОЛЕНЦЕВ.

«Крымский синдром, или Потери плюс... потери» — так называлась статья И. Старостиной (№ 8, 1989 г.), в которой журналист делился своей тревогой за будущее Крыма.

Разговор на эту тему сегодня продолжает Азово-Черноморский природоохранный прокурор Б. ЕВСТАФЬЕВ.

НУЖНА ЛИ СУДУ «МИНИСТЕРСКАЯ ШАПКА»

Слова, вынесенные в заголовок, может, и покажутся кое-кому специальным приемом для привлечения внимания читателя, который скорее всего подумает: а зачем вообще судам министерство? Действительно, зачем?

На вопросы нашего корреспондента отвечает министр юстиции РСФСР ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ АБОЛЕНЦЕВ.

Корреспондент. Итак, Владимир Александрович, принят Закон о статусе судей в СССР. В нем несколько раз упоминаются министерства и органы юстиции. В какой степени российские суды будут ощущать на себе заботу республиканского Минюста? И в чем она должна выражаться?

В. Аболенцев. Да, в Законе упоминаются органы юстиции. Но лишь в той мере, в какой это необходимо для определения статуса судей. В остальном же вопросы работы Министерства юстиции, его органов регулируются другими законами, постановлениями Правительства. И круг этих вопросов, сразу скажу, не сужается. Напротив, в связи с повышением роли судей в обществе забот значительно прибавится.

Корреспондент. А нет ли противоречия в том, что суд как орган правосудия, с одной стороны, независим, а с другой — как учреждение подчиняется Минюсту? Прокуратура — тоже учреждение и тем не менее никакому министерству не подчиняется.

В. Аболенцев. Нельзя забывать, что суд и прокуратура — особые органы государства. Они не входят в состав ни органов законодательной власти, ни органов государственного управления. Что же касается прокуратуры, то там существует строгая административная иерархия — нижестоящий прокурор назначается вышестоящим и подчиняется вышестоящему. В судебной же системе, напротив, каждое звено (а только у нас в республике более двух с половиной тысяч судов) автономно: вышестоящий суд при наличии оснований может отменить или изменить решение нижестоящего, но ни в коей мере не руководит им.

Корреспондент. Иными словами, «вышестояние» здесь касается только рассмотрения судебных дел?

В. Аболенцев. Конечно. И это справедливо. Ведь всякая другая зависимость по вертикали одной судебной инстанции от другой мешала бы судопроизводству. У нас уже был печальный опыт соединения в одних и тех же судебных учреждениях функций судебного надзора и одновременно организационного руководства нижестоящими судами. Ни к чему хорошему это не привело. У судей, которые должны были руководить нижестоящими судами, просто не было времени для их основной работы. Им приходилось корректировать свою судебно-надзорную деятельность, пересматривать дела с учетом ответственности за качество правосудия в судах первой инстанции. Кстати, посмотрите, какую остроту приобрел ныне вопрос разграничения прокурорского надзора и предварительного следствия. Аналогия здесь, разумеется, отдаленная, но сама проблема разграничения надзора и руководства в свое время не менее остро стояла и перед судами.

Сейчас все организационные заботы возложены на Минюст — орган, который сам не осуществляет правосудия.

Корреспондент. Что именно имеется в виду? И почему вывески с указанием конкретного судебного органа (скажем, Киевский районный народный суд) непременно украшены титулом органа юстиции, например, министерства?

В. Аболенцев. Прежде всего мы занимаемся вопросами дислокации, структуры, штатов судов. Подбор кадров, организация выборов и отчетов судей и народных заседателей, их профессиональная подготовка и переподготовка. Органы юстиции содействуют судам в организации их работы, осуществляют руководство и контроль за работой по исполнению судебных решений, организуют ведение судебной статистики. Здесь также материально-техническое оснащение судов, условия труда и быта судебных работников и многое, многое другое. Эти функции существуют объективно, и, как бы ни была устроена судебная система, их кому-то нужно выполнять.

Что касается титульной стороны дела, то есть вывесок, бланков судов, то, по моему мнению, нет принципиальных препятствий для того, чтобы снять «шапку» органов юстиции. Нынешнее положение объясняется действительно укоренившейся традицией, по которой любой государственный орган должен «проходить» по тому или иному ведомству. Считают (в том числе и многие руководители судов), что это прибавляет авторитета. Будем надеяться, что с формированием правового государства судебная власть займет подобающее ей место и не станет нуждаться в заемном авторитете.

Попутно отмечу, что тогда необходимо и судебные здания исключить из разряда административных контор, а самих судей — из категории так называемого административно-управленческого персон

нала. Благодаря этому нам перестали бы перекрывать финансирование строительства судов (как недавно было, например, со строящимся зданием Московского городского суда) и периодически покушаться на сокращение числа судей. Это поважнее, чем вывески и бланки.

Корреспондент. Нужно ли понимать так, что отношения органов юстиции и судов не нуждаются в обновлении?

В. Аболенцев. Нуждаются, и более чем когда-либо прежде. Ведь нам предстоит научиться охранять судебскую независимость. В Законе о статусе судей в СССР приоритет определен четко — вопрос об обеспечении этой независимости выдвинут на самое первое место.

Корреспондент. Только ли от внешних влияний надо защищать суды? Не нужно ли поработать и над тем, чтобы правильно отрегулировать отношения с другими правоохранительными органами и в первую очередь с прокуратурой?

В. Аболенцев. Бесспорно. Требования закона о судебской независимости относятся к прокурорам в такой же мере, как и ко всем. Здесь есть глобальные проблемы, скажем, о прокурорском надзоре за правосудием. Трудно не согласиться с тем, что принципу независимости судей противоречит одновременное выполнение прокурором в суде функций обвинения и надзора за рассмотрением дела. Скажем, именно благодаря этой второй своей ипостаси прокурор участвует в распорядительном заседании суда, а защитника здесь нет. Или, например, прокурор пользуется в судебном заседании правом давать заключения. В таких условиях о состязательности можно говорить лишь с известной поправкой. Да и в чисто житейском плане в отношениях судей и прокуроров накопилось немало такого, от чего нужно поскорее отказываться. В судебном заседании никто не вправе демонстрировать свое особое положение, а судья — позволять такую демонстрацию. Иначе формируется весьма своеобразное представление о равенстве перед судом. Отсюда и неизбежные обиды, даже требования призвать некоторых судей «к порядку».

Вот недавний пример. Верховный суд Чечено-Ингушской АССР дважды возвратил на доследование дело о взяточничестве — органы следствия упорно не выполняли определение о проверке причастности к преступлению других лиц. Протест прокурора автономной республики отозван Прокуратурой РСФСР, правильными признал действия суда и Верховный суд РСФСР, рассмотревший жалобы этих самых «других лиц». Однако вместо устранения волокиты по делу на месте стали проводить расследования в отношении работников суда: оказывается, в судебном протоколе несколько слов записаны не тем цветом. Для того чтобы защитить судей, Министерству юстиции пришлось обратиться в Прокуратуру РСФСР, которой приняты оперативные меры.

Корреспондент. Что ж, финал вполне в духе перестройки. Но давайте вернемся к тому, что звучит сегодня рефреном в любой критике по адресу Минюста: суды совсем не обеспечены материально. Это касается и убогих зданий, и отсутствия элементарной оргтехники, да и внимания к самим судьям... Согласны вы с тем, что дешевое правосудие обходится дорого?

В. Аболенцев. Согласен ли я... Не то что согласен, а приводил и готов еще приводить множество неоспоримых доказательств этому. Главное из них — колоссальная текучесть судебных кадров. Сегодня почти треть судей имеют стаж работы менее трех лет. Основная причина в том, что их зарплата неоправданно низка — она меньше

средней по стране. И это при таких психофизических нагрузках, из-за которых каждый четвертый судья досрочно освобождается от работы из-за ухудшения здоровья.

Больной вопрос — судебные здания. Почти тысяча из них вообще непригодны для отправления правосудия. А наше министерство лишено возможности что-либо исправить. Мы не можем создать необходимые условия для быта и отдыха работников судов. У нас нет жилого фонда, медицинских учреждений, детсадов, пионерлагерей, санаториев и т. д. Все это приходится выпрашивать. Хотя, казалось бы, именно юстиции такое приниженное положение противопоставлено.

Разумеется, доля ответственности лежит и на самом Минюсте. Однако не нужно ее преувеличивать. Ведь речь идет о дополнительных бюджетных ассигнованиях, а не о том, что нам удалось их получить, но мы неправильно вложили средства. Вопрос сложнее — его корни в общественном понимании значения правовых ценностей, мере потребности в сильном и независимом суде. И разве не показательно, что решение об улучшении материального обеспечения работников судов, прокуратуры и юстиции принято на первой же сессии нового Верховного Совета СССР? Причем постановление Совета Министров СССР по этому вопросу будет принято в соответствии с ранее внесенными Верховным судом СССР, Министерством юстиции СССР и Прокуратурой Союза ССР предложениями. В них, в частности, предусматривается повышение уровня оплаты труда.

Корреспондент. Нельзя ли назвать хотя бы некоторые из тех предложений, что поступили в Правительство?

В. Аболенцев. Прежде всего это новая схема должностных окладов для всех судебных работников. В Законе о статусе судей в СССР решен вопрос о присвоении судьям квалификационных классов. За них предложено производить доплаты. Поднят вопрос об особом вознаграждении для судебных исполнителей за взыскание ими сумм с тем, чтобы оно выплачивалось за счет должника. Затронуты проблемы санаторно-курортного обслуживания, пенсионного обеспечения судей и многое другое.

Решение всех этих вопросов позволит намного эффективнее осуществлять подбор кадров для судов — эта важнейшая функция возложена на органы юстиции статьей 9 Закона о статусе судей в СССР. Тогда уже очередные выборы судей можно проводить на конкурсной основе. Убежден, что выигрыш от такой «инвестиции» превзойдет затраты.

Корреспондент. Итак, у Минюста «болит голова» прежде всего о судах...

В. Аболенцев. Если исходить из классической теории разделения властей, то суд — одна из трех вершин в правовом государстве. Однако в том, что касается функций органов юстиции как части исполнительной власти, то здесь едва ли стоит торопиться с определением приоритетов. Никому же не придет в голову утверждать, что судебная власть имеет преимущество перед законодательной. А ведь мы «обслуживаем» обе ветви. Причем правовая реформа ежедневно вносит коррективы в объем этой работы.

Взять, к примеру, законопроектную работу, систематизацию законодательства. Она и прежде держала нас в напряжении. Достаточно сказать, что занимающееся этим подразделение — самое многочисленное в министерстве. Но можно сравнить прежнюю законо-

дательную практику с той, что ожидает союзные республики в перспективе? Растет число законов за счет уменьшения ведомственного нормотворчества и одновременно идет передача решения многих вопросов в компетенцию союзных республик — каждая из них, как и Союз в целом, станет правовым государством.

Еще недавно министерства и ведомства издавали ежегодно сотни нормативных актов, затрагивающих права граждан. Немало из этих решений, особенно в сфере обслуживания (бытовое и коммунальное хозяйство, торговля, связь и т. д.), весьма уязвимы с точки зрения соответствия закону, склоняются к откровенно ведомственной интерпретации воли законодателя. Отсюда еще одна важная задача — помочь разгрести эти, прямо скажем, «авгиевы конюшни». Но не только. Пришло время в принципе определить, вправе ли ведомства устанавливать нормы поведения для людей, которые у них не работают. В той части, в какой за ними это право останется, целесообразно ввести так называемую государственную регистрацию нормативных актов министерств и ведомств. Эта функция может быть возложена на Министерство юстиции. Оно воздержится от регистрации, если акт принят с нарушением закона, а если противоречия нет, то зарегистрирует документ, после чего он вступит в силу. Хочу подчеркнуть: речь идет именно о предварительной регистрации, она составляет прерогативу государственного управления и никак не пересекается с прокурорским надзором за соответствием закону уже введенных в действие нормативных актов. Такой порядок успешно применяется в ряде европейских социалистических стран и заслужил положительную оценку. Кстати сказать, и в нашей стране был подобный опыт. В декабре 1920 года В. И. Ленин подписал декрет, по которому все ведомства обязывались направлять свои законодательные и важнейшие правительственные предположения в Наркомюст. А тот, в свою очередь, представлял в правительство заключение по проектам или перередактированный проект. В этом декрете содержалось и другое любопытное правило. Согласно ему все законодательные и правительственные акты, подлежащие опубликованию, направляются в Народный комиссариат юстиции и без его отметки не могут публиковаться в официальных органах печати. Народный комиссариат юстиции обязан дать свою отметку о печатании не позднее чем в трехдневный срок. Вот в какое время уходит истоками идея предварительного контроля Минюста.

Корреспондент. Теперь, Владимир Александрович, позвольте мне такую «ересь»: юстиция — и хозрасчет. Можно ли найти точки для их соприкосновения?

В. Аболенцев. Знаете, не такая уж это ересь, если учесть, что в системе нашего министерства полным ходом идут эксперименты по переводу ряда учреждений на хозрасчет. В частности, нотариальных контор. Пока в четырех регионах — в Москве, Московской, Калининской и Кемеровской областях. Здесь уже становится заметным и сокращение очередей, и повышение качества обслуживания.

Все активнее внедряются хозрасчетные начала и в деятельность судебно-экспертных учреждений. Решен вопрос о том, чтобы они проводили экспертизу по гражданским делам. Например, о разделе домовладений, другого имущества. Ранее эту работу выполняли специалисты «со стороны», по гораздо более высокой цене. Оказалось, что хозрасчетная экспертиза в государственном учреждении и качеством выше, и сроком короче. Кроме того, в шести регионах ведем эксперимент по поводу хозрасчетных экспертиз по уголовным де-

лам. Речь идет о новых для наших учреждений видах экспертиз: пожарно-технической, строительно-технической, технологической и т. д. Ранее их выполняли опять же специалисты, призванные извне.

Корреспондент. А есть ли шансы для внедрения хозрасчета и на других участках, которые курирует Минюст? Вот мы говорили о составлении проектов законов...

В. Аболенцев. Если имеете в виду законопроектную работу аппарата министерства, то она, конечно, не может строиться на договорных началах. Другое дело — формирование системы юридических организаций, предоставляющих контрагентам (так называемым хозяйствующим субъектам) полный набор правового сервиса, включающего, разумеется, и составление проектов нормативных актов. Сейчас этим занимаются коллегии адвокатов и правовые кооперативы — у них хозрасчет, как говорится, от бога. Вместе с тем вопрос можно бы ставить шире, поскольку создаются и государственные организации по юридическому обслуживанию предприятий.

Недавно, например, на коллегии нашего министерства шел разговор о первых шагах Московского государственного центра правовой помощи предприятиям. Это самостоятельная хозрасчетная организация, наделенная статусом юридического лица. В ее штате не только юристы, но и экономисты, бухгалтеры. Госюрцентр (так он сокращенно называется) уже заключил ряд договоров с предприятиями на постоянное обслуживание, охотно оказывает и разовые правовые услуги. Он намерен обеспечить эффективную защиту законных прав и интересов предприятий, помогать во внедрении различных моделей хозрасчета, арендных отношений, заключении и исполнении договоров, выходе на внешнеэкономические связи, организации учета законодательства с использованием компьютерных средств и т. д.

Сегодня еще рано давать оценку этому конкретному опыту. Однако сама идея заслуживает внимания. Если существуют государственные организации, которые производят продукцию, то почему бы не создавать государственные организации, которые оказывают им правовые услуги? Конкуренция на рынке этих услуг с адвокатами и правовыми кооперативами пошла бы только на пользу потребителям. Разумеется, все формы правового сервиса должны получать одинаковые стартовые условия. В перспективе можно подумать и о создании республиканского хозрасчетного объединения для подобного рода государственных организаций. Тогда бы к методическому руководству правовой работой в народном хозяйстве, которое осуществляет ныне Минюст, добавилась еще одна вполне конкретная функция. Разумеется, при самом активном содействии со стороны органов государственного арбитража. Со временем на этих принципах мог бы быть перестроен и ряд других подразделений министерства. Скажем, те, что руководят ныне правовым обслуживанием населения, судебно-экспертными учреждениями, распространением правовых знаний.

Корреспондент. Будем надеяться, что это дело не такого уж далекого будущего.

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Разделяем боль и тревогу за настоящее и будущее Крыма, прозвучавшие в публикации И. Старостиной «Крымский синдром», или Потери... плюс потери» («ЧиЗ» № 8—1989 г.).

Работники Азово-Черноморской природоохранной прокуратуры понимают степень своей огромной ответственности за состояние и сохранность экологической системы большого региона (более трех тысяч километров), омываемого благодатными водами Черного и Азовского морей.

Решение о создании прокуратуры принято в конце прошлого года, но реально ее становление началось в 1989 году. По мере комплектования аппарата работники «с ходу» включались в рассмотрение десятилетиями не решавшихся вопросов.

Вопросов и проблем, над которыми надо работать, много. Нужны время и напряженный труд. Все это мы учитываем в планах своей деятельности, выделяя приоритетные направления прокурорского надзора. Если сказать коротко, то всей своей деятельностью мы стремимся насаждать экологический, а не технологический подход к охране природы, то есть не просто охранять отдельные объекты природы (на что у нас не хватает сил и возможностей), а брать под надзор комплекс этих объектов, все живые сообщества, обеспечивающие сохранение этой среды.

Возбуждено дело и ведется предварительное следствие о загрязнении Черного моря сточными водами из г. Саки. Принято решение возбудить уголовное дело по факту ненадлежащего технического состояния Симеизских очистных сооружений, о которых идет речь в публикации И. Старостиной. По случаям нарушения природоохранного законодательства мною внесено представление в августе 1989 года исполкому Ялтинского городского Совета народных депутатов, а председатель исполкома Н. И. Семенчук был приглашен в прокуратуру, где ему было указано на его личную ответственность за положение дел с охраной природы в районе Большой Ялты. Мною было внесено представление в Минхимпром СССР по предприятиям химической промышленности, загрязняющим природную среду в Крыму. Минхимпромом СССР принято решение о приостановлении строительства и выводе из эксплуатации некоторых вредных производств.

За нарушение природоохранного законодательства к различным видам ответственности привлечено 220 человек. К виновным в несоблюдении природоохранного законодательства предъявлены иски с целью возмещения причиненного ими ущерба природе.

Но это только первые шаги. Впереди еще большая работа, которую мы ведем в тесном взаимодействии с другими природоохранными органами РСФСР, Грузии, Украины, в том числе и в Крымской области.

Создание Азово-Черноморской природоохранной прокуратуры со сложными и специфическими задачами не изменило обязанностей территориальных прокуратур, которые по-прежнему осуществляют надзор за соблюдением природоохранного законодательства. К сожалению, в газетных и журнальных публикациях это порой не учитывается. Ряд вопросов, поднятых в публикации Ирины Старостиной и в по-

слесловин отдела правового воспитания журнала «Человек и закон», относится к компетенции местных Советов народных депутатов, а также Ялтинского, Алуштинского городских и Крымского областного прокуроров...

Мною в порядке координации совместных действий об этих фактах поставлен в известность и. о. прокурора Крымской области Г. А. Скворцов, который уже дал необходимые указания подчиненным прокурорам.

И еще о важной проблеме, волнующей крымчан и высказанной Ириной Старостиной. Автор пишет: «Двух мнений нет — только резкое ограничение отдыхающих, запрещение въезда иногороднего транспорта на территорию курортных местностей поможет всесоюзной здравнице выйти из тупиковой ситуации».

Существуют два подхода к решению проблемы. Первый — запретить въезд граждан в Крым, объявив, что он находится в зоне экологического бедствия.

Второй — резко ограничить въезд в Крым транспортных средств.

При любом подходе ограничение въезда количества пассажирского транспорта всех видов (железнодорожного, воздушного, автомобильного, морского) в значительной степени послужило бы задаче экологического оздоровления Крыма.

Но вот беда! Средства массовой информации недавно с пафосом сообщили о плане строительства магистрали Центр — Юг.

Так, еженедельник «Неделя» (№ 29—1989 г.) пишет: «...Проектировщики планируют для эксплуатации на трассе Центр — Юг около 200 поездов (в режиме «туда-обратно»), следующих один за другим с интервалом в 15—20 мин... В 1996 году скоростной поезд Москва — Симферополь совершит первый рейс: 1464 километра — за пять часов (сейчас обычный скорый тратит на этот путь 21 час. 50 мин.), из Москвы в Сочи (более 2500 километров) скорый пролетит за 8 часов (пока на такую дорогу требуется 33 часа), и произойдет это в 1999 году. Строительство скоростной электрифицированной трассы Центр — Юг обойдется в 5 миллиардов рублей, а окупится дорога за 4—5 лет (подчеркнуто мною. — Б. Е.)».

Итак, проектировщики предполагают окупить дорогу за 4—5 лет. А чем это обернется для Крыма, Сочи, Кавказского побережья?

Заметим, что при эксплуатации дороги Центр — Юг она ежегодно способна перевозить колоссальные потоки людей, превращая Крымское и Кавказское побережья в «пригород» Москвы, Тулы, Орла, Харькова и других городов. При этом никто не собирается ограничивать транспортные потоки в эти уже сегодня экологически неблагоприятные районы с других направлений: Севера, Запада и Востока. Поэтому всем нам нужно бить в экологический набат: «Крым, Кавказ, Одесса, Азовское побережье в бедственном положении!» Уже сегодня они утратили или утрачивают свое былое величие, славу всесоюзных здравниц! Мы не против скоростного движения, но мы против эксплуатации курортов без учета их рекреационных возможностей. Здесь уже последнее слово не за прокурором, а за Советами народных депутатов.

Помочь в мобилизации общественного мнения должна пресса, и, думаем, не останется в стороне и популярный журнал «Человек и закон».

**С уважением Б. ЕВСТАФЬЕВ,
Азово-Черноморский природоохранный прокурор**

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Рабочие отряды охраны правопорядка делают первые шаги. Как сделать их деятельность эффективной? Читайте заметки С. КОРКИНА.

ЧТО ТАКОЕ РАБОЧИЙ ОТРЯД?

Мы прекрасно знаем, что с отменой трех льготных дней к отпуску наша хваленая на всех уровнях народная дружина стала распадаться как карточный домик. И даже комсомольские оперотряды разбежались довольно-таки быстро. Здесь я хочу приоткрыть некую «тайну», причинную связь. Дело в том, что в КООД было немало студентов-дневников. И когда выходили они на свою вечернюю вахту, то думали вовсе не о правопорядке, а о неких благах. Ну, например, участие в КООД дает льготы при сдаче экзаменов, зачетов. Учитывалось то, что боец КООД шел в ночной рейд и по этой причине никак не мог забивать голову знаниями. Второй пример. Малопопулярным у многих кооодовцев считается простое патрулирование по улицам или содействие уголовному розыску. Куда лучше зайти в кафе, съесть салатик, а потом предъявить бордовую книжку и сообщить: «Контрольная закупка!» Весь обед, кроме салатика на столе, взвешивают, понятно, чего-то там недостает...

Кое-кто воскликнет: ложь, не было такого никогда! Наши оперотряды блюли чистоту! Не бдюли, товарищи! Сам был очевидцем «рейдов». Впрочем, о нравственном облике некоторых членов КООД говорить, вероятно, следует отдельно. А вот о дружине можно и нужно сказать, чтобы понять, что же привело ее к нынешнему плачевному состоянию. Но заглянем сначала в историю наших общественных формирований содействия милиции.

В начале 30-х годов зародился в стране бригадмил. Бригадмил был формированием небольших групп содействия милиции. В его задачи входило патрулирование, выполнение заданий участкового уполномоченного. Часто бригадмилы участвовали в рейдах по линии уголовного розыска. Но были это, подчеркиваю, малочисленные группы при райотделениях милиции.

После войны бригадмил получил хорошую, здоровую струю в лице комсомольцев, вчерашних фронтовиков. Это были уже иные люди. Отряды БСМ стали предшественниками нашей ДНД. Уже во время фестиваля 1957 года народ увидел много нового — впервые в нашу страну, сменяя «железный занавес», хлынул поток молодежи планеты. Страна вздохнула по-новому. По инициативе ЦК ВЛКСМ создавалась и новая организация — комсомольские оперативные отряды. Эти первые группы в будущем стали основой КООД. А в 1959 году на предприятиях Ленинграда, затем Москвы стали зарож-

даться народные дружины — широкая, массовая организация. Она прочно вошла и в заводские цеха. Вот и появились со временем на улицах женщины с авоськами в руках, старушки у подъездов с повязкой ДНД. И дедочки, которым бы в пору у телевизора сидеть, разгуливали со свистками в руках. А в дружине, чтобы каждый выход был полным, пришлось руководителям парторганизаций заводов делать перемещения: заталкивать в наряд «добровольцев» даже тех, кто и не состоял в ДНД. Потому бывали случаи появления людей с повязкой, но без удостоверений, даже под хмельком.

И вот отняты льготные три дня к отпуску. Сразу наметился большой отток из ДНД. Ушли прежде всего те, кто в ДНД был случайным, те, кто играл в общественные игры. Вспомним — на каждом общественном пункте охраны порядка были такие. Они образовывали штаб, рисовали стенгазеты, были агитаторами и пропагандистами на час-другой. И вот «мотыльки» исчезли. Потеряла ли от этого дружина? Конечно, нет. Напротив, сохранились деньги у государства. Меньше трудовых дней стало «улетать» в качестве поощрения.

Однако жизнь показала: меньше стало нарядов на улицах — больше антиобщественных проявлений. И вот тогда стали создаваться в городе Горьком отряды РОСМ — рабочие отряды содействия милиции. Что же это такое, почему сегодня именно им отдается предпочтение? Давайте рассмотрим формирование со всех точек зрения. А изберем для этого столичное 21-е отделение милиции, где недавно стала внедряться новая форма работы.

Начальник отделения В. Литвяков рассказал о том, как действует РООП (рабочий отряд охраны правопорядка), как именуется эта организация в Москве. Два предприятия района выступили инициаторами перестройки дружины. В чем же разница? Дружинник выходил на вахту лишь один-два раза в месяц. И, как правило, хождение по несколько часов по улицам ничего не давало. Однако три дня к отпуску, как говорится, вынь да положь. Участие есть, а будет ли отдача — неважно. РООП строится иначе — рабочие от станка приходят на несколько месяцев в стены отделения. Пока решено трудиться на постах три месяца. Член РООП заступает на дежурство тогда, когда это требуется милиции. Чаще всего в ночные смены, чтобы предотвратить автоугоны или кражи из автомашин. Мы знаем, что острейший дефицит с комплектующими деталями к автомобилям породил новый вид преступления.

Члены РООП по основному месту работы получают среднюю сдельную зарплату или должностной оклад. В любом случае проигрыша в зарплате нет. А вот участие не в пустом патрулировании, а в конкретном целевом рейде, содействие уголовному розыску дает рооповцу лучшее представление о милиции, он как бы срастается с милицейской тревожной службой.

Но не только это является преимуществом. Давайте вновь обратимся к истории. Какие права были у бригадильца? Никаких. Он был орудием в руках милиционера. А дружинник? Тоже. Его право — сопровождать милиционера в патруле. И быть еще свидетелем, расписываться в протоколе как понятому. Новое формирование резко отличается от ДНД. Во-первых, рооповец может не только доставлять задержанного, но и составлять на него протокол, если имеется правонарушение. Если требует ситуация, нарушитель доставляется в орган милиции или в штаб дружины, где в течение часа его можно содержать либо для установления личности, либо для последующей передачи милицейскому автоэкипажу.

Удостоверение члена РООП дает право посетить стадион, клуб, кинотеатр, любой центр и организацию для выполнения своих задач по пресечению правонарушений. Член РООП бесплатно пользуется любым видом городского транспорта, кроме такси, при выполнении своих задач. Более того, его удостоверение дает право остановить любой вид транспорта для отправления на нем в больницу пострадавшего на месте преступления человека.

Но вот написал я эти строки и слышу каверзный вопрос:

— А вы забыли, как часто многие дружинники, размахивая удостоверениями, проходили на стадионы, вовсе не являясь членами группы по обеспечению порядка?

Было такое. Вспоминается случай, когда группа парней, слегка подвыпив, рвалась на «Динамо». И тогда сотрудники 12-го отделения милиции г. Москвы отобрали у них удостоверения ДНД. И тут мы должны сказать о том новом, что прежде игнорировалось у нас: сотрудник РООП в отличие от случайных людей с повязками будет иметь специальную форму. Я видел ее. Весной и летом боец правопорядка будет носить брюки и курточку цвета морской волны. Красивая одежда спортивного покроя. В жаркую погоду предполагается носить такого же цвета рубашку с коротким рукавом, погонычиками. На ногах легкая спортивная обувь. А зимой форма изменяет не только цвет (фиолетовый), но появится красивая, утепленная куртка наподобие полупальто, брюки из шерстяной ткани и теплые меховые полусапожки.

Мне вспоминается 1980 год, Москва, Олимпиада. Красивые курточки с перекрестьем алых и синих полос сразу отличали наших дружинников. К ним и отношение было иным. Москвичи видели в них не случайную публику с повязками на рукаве, а действительно бойцов правопорядка, которые не сбросят повязку, не отвернутся от нарушения, а так же, как и милиционер, пойдут навстречу хулигану, бандиту, вступят с ним в схватку.

Член РООП получит не только форму. В его обязанности входит изучение законодательства СССР, понятно, не всего, а необходимых разделов кодексов. Он обязан заниматься в спортивных секциях, изучать самбо, регулярно отчитываться о своей работе в милиции на заседаниях партийных и комсомольских бюро в своем учреждении или на предприятии.

Ну а теперь, когда в адрес новой группы бойцов сказано немало добрых слов, хочу привести несколько диалогов с теми, кто не один год отдал работе в ДНД. Руководитель штаба ДНД НПО «Ротор» Александр Кулешов знает дружину еще с тех пор, когда она была по-настоящему боевой, в ней состояли те, кто предварительно обсуждался на бюро партийной организации завода.

— Я не считаю РООП лучше дружины,— говорит мой собеседник,— денег затратится много, а результата не будет. Лучше каждому дружиннику дать по пять—десять рублей за выход. Тогда у рабочего появится интерес, он станет стремиться в патруль. И у нас появится возможность отбора людей. Будет конкуренция.

Разумное зерно в этом предложении есть. Но специалисты довольно быстро сделали расклад: изготовить форму для члена РООП дороговато, но ведь она на длительный срок, правда, никем и ни в одной инструкции не оговоренный. Льготы активисту — путевки в санатории и дома отдыха, выделение мест для детей в детских учреждениях, сохранение за ним очереди на жилплощадь или улуч-

шение ее. Ну и премирование, конечно же. Но только не за участие, а за активную работу в РООП.

Член ДНД Алексей Зюзин считает, что произойдет перерасход в деньгах.

— И почему, собственно,— вопрошает он,— человек с одного завода, находясь в патруле, будет получать больше денег, чем другой, представитель соседнего завода? Нужно равенство.

Наверное, он прав. Однако здесь пока критерий не выработан. Думается, в процессе становления РООП определится и финансовая сторона проблемы.

Но в том, что предложение А. Кулешова проигрывает в сравнении с расчетами финансов на отряд, меня убедили быстро. И оказывается, даже оставление небольшой, мобильной группой заводчан родного цеха на несколько месяцев не скажется на его плане, если правильно построить работу.

Теперь взглянем на ситуацию с точки зрения милиции. Обычно говорят, что столица богато живет. В чем-то жители периферии правы. Но в одном согласиться с ними нельзя — самый изношенный автотранспорт сегодня у милиции. Машины с прогнившими днищами едва дышат после десяти—пятнадцати лет напряженной работы. Таков, увы, автомобильный парк столичной милиции. Я разговаривал с начальником автохозяйства ГУВД Мосгорисполкома капитаном внутренней службы А. Кормиловым. Он показал документы. За последние два года в гараж вместо запланированного количества машин поступило лишь... пять процентов! Иными словами, весь запас комплектующих деталей идет только на ремонт постоянно повреждающейся автотехники. У того же 21-го отделения милиции из пяти оперативных машин на ходу к моему приезду оказалось лишь две — «уазик» и патрульный «Москвич». Остальные на ремонте. Знаю отделение, где приходится на ночном дежурстве «прикрываться» приданным из города экипажем патрульной группы специального подразделения «ПГ». Вот почему поступают от жителей жалобы на отсутствие оперативного реагирования.

Заводчане и тут пришли на помощь милиции. Те предприятия, о которых мы вели разговор, предоставили в распоряжение рооповцев две автомашины. Правда, и эти не подарок, однако машины на ходу, значит, появилась возможность более оперативно вмешаться в конфликты. И милиционеры с большой благодарностью воспользовались знаком внимания заводчан. К сожалению, я не смог заснять мобильный патруль — по срочному заданию он выехал в район. Но мне показали книгу задержаний: эта группа за короткий срок доставила в отделение около сорока нарушителей.

Само время подсказывает — пора от игр в борьбу с преступностью перейти к настоящей работе. Чтобы рядом с милиционером на посту оказался не случайный, а всесторонне подготовленный к выполнению своих задач человек.

С. КОРКИН,
корреспондент газеты «На боевом посту»
ГУВД Мосгорисполкома

В ИНТЕРЕСАХ ЖИТЕЛЕЙ ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

В сентябре — октябре нынешнего года в США завершила работу вторая сессия Советско-американского форума по правам человека. С американской стороны в дискуссиях участвовали представители различных научных и религиозных организаций США. С советской — ученые, общественные и религиозные деятели, журналисты. Обсуждения проблем, связанных с правами человека, носили откровенный, доброжелательный характер. По многим вопросам достигнуто взаимопонимание.

В частности, решено наладить регулярный обмен студентами и преподавателями университета Сан-Диего и Всесоюзного юридического института. Установлены контакты между журналом «Человек и закон» и рядом американских изданий.

В ходе встречи был тщательно обсужден проект советско-американского договора граждан об экологической безопасности. Договор содержит ряд новых правовых норм и, по мнению участников встречи, может иметь практическое значение для развития сотрудничества между СССР и США в этой области.

Предлагаем вниманию читателей полный текст договора.

ДОГОВОР ГРАЖДАН СССР и США об экологической безопасности

Мы, жители планеты Земля и граждане Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, с глубокой озабоченностью приходим к заключению, что, несмотря на усилия международного сообщества и национальных правительств, качество окружающей среды на планете все более ухудшается. Человечество стоит на грани глобальной экологической катастрофы. Под угрозой находится продолжение всех форм жизни.

Мы согласны в том, что для радикального улучшения глобального экологического положения должна быть создана всеобъемлющая система экологической безопасности.

Однако мы не можем ждать того момента, когда начнут действовать правительства. В перечисленных ниже принципах сформулирован кодекс поведения каждого отдельного лица, а также правительств. Претворение в жизнь этих принципов создаст подлинную экологическую безопасность. Поэтому мы берем на себя личную и общественную обязанность соблюдать эти принципы и добиваться того, чтобы правительства действовали аналогичным образом:

1. Неотъемлемое право на здоровую окружающую среду.
2. Примат экологической целостности.
3. Предотвращение экологического ущерба.
4. Свобода информации по вопросам экологии.
5. Равная экологическая безопасность.

6. Запрещение агрессивных действий, способных нанести экологический ущерб.
7. Ответственность за экологическую безопасность.
8. Сотрудничество в чрезвычайных экологических обстоятельствах.
9. Доступ к экологически безопасным технологиям.
10. Мирное урегулирование споров по вопросам экологии.

1. Неотъемлемое право на здоровую окружающую среду

Каждый человек имеет неотъемлемое право на здоровую окружающую среду. Это право принадлежит настоящему и будущему поколениям. Это право должно быть гарантировано и защищено законом. Должны быть установлены соответствующие гарантии в международном масштабе.

2. Примат экологической целостности

Экологическая целостность, под которой подразумевается долговременная жизнеспособность и продуктивность экосистем, служащих поддержанию жизни на Земле, имеет первостепенное значение. В случае возникновения конфликта с политическими, экономическими и социальными интересами сохранение экологической целостности должно превалировать над всем. Пренебрежение экологической целостностью неминуемо ведет к непоправимому ущербу для биосферы и представляет серьезную угрозу политическому, социальному и экономическому благополучию человечества и устойчивому развитию.

3. Предотвращение экологического ущерба

Последствия экологического ущерба не могут быть должным образом оценены, компенсированы и устранены. Предотвращение экологического ущерба предпочтительнее обременительной и дорогостоящей компенсации. Предотвращение экологического ущерба требует оценки воздействия на окружающую среду и обмена соответствующей информацией. Предотвращение экологического ущерба должно стать ключевым элементом политики в области охраны окружающей среды на любом уровне принятия решений.

4. Свобода информации по вопросам экологии

Информация по вопросам экологии должна быть полной, открытой и доступной гражданам, общественным организациям, средствам массовой информации и другим институтам. Мотивы, связанные с государственными секретами или национальной безопасностью, не могут препятствовать свободному доступу к информации по экологическим вопросам. Скрытие или извращение информации по экологическим вопросам наказуемо по закону. Незнание или недостаточная информация по экологическим вопросам не освобождают от ответственности за экологический ущерб.

5. Равная экологическая безопасность

Каждый гражданин и каждая страна имеют право на равную экологическую безопасность. Запрещается добиваться благ применительно к экологии за счет экологических благ других граждан и

стран, в частности путем передачи экологически вредных производств, захоронения отходов и грабительского использования природных ресурсов.

6. Запрещение агрессивных действий, способных нанести экологический ущерб

Действия, способные вызвать изменение окружающей среды или изменения в природных процессах в результате военных акций или в других враждебных целях, считаются международным преступлением и влекут за собой международную ответственность.

7. Ответственность за экологическую безопасность

Экологическая безопасность является вопросом нравственной, политической и юридической ответственности. Те, кто нарушают экологическую безопасность, должны, как минимум, немедленно прекратить свою наносящую экологический ущерб деятельность и предоставить должную компенсацию. Должны быть созданы юридические механизмы для контроля за экологической безопасностью, включая группы общественности, выборных представителей и соответствующие международные организации и учреждения.

8. Сотрудничество в чрезвычайных экологических обстоятельствах

Своевременное и хорошо организованное сотрудничество является основным инструментом для предотвращения и сведения до минимума ущерба в чрезвычайных экологических обстоятельствах. Для достижения этого должны быть созданы местные, региональные и международные центры сотрудничества, разработаны планы мер в чрезвычайных обстоятельствах, а также образованы системы связи и обмена информацией.

9. Доступ к экологически безопасным технологиям

Всеобъемлющая и равная экологическая безопасность требует доступа к наиболее экологически рациональным технологиям. С этой целью должны быть созданы наиболее благоприятные условия для обмена такими технологиями.

10. Мирное урегулирование споров по вопросам экологии

Споры по вопросам экологии не должны решаться с применением силы и другими враждебными средствами. Споры по вопросам экологии должны решаться мирными средствами, такими, как переговоры, посредничество и арбитраж. Обязательная юрисдикция международных судебных институтов крайне необходима для мирного урегулирования споров по экологическим вопросам.

ИМЕЯ В ВИДУ, ЧТО ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НА ЗЕМЛЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОБЕСПЕЧЕНА ТОЛЬКО СОВМЕСТНЫМИ УСИЛИЯМИ НАРОДОВ, ЭТОТ ДОГОВОР ОТКРЫТ ДЛЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К НЕМУ ГРАЖДАН ЛЮБОЙ СТРАНЫ.

Принят на Советско-американском форуме в Сан-Диего (штат Калифорния) 29 сентября 1989 г.д.д.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

ОБ УВЕЛИЧЕНИИ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ОТПУСКОВ ЖЕНЩИНАМ, ИМЕЮЩИМ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

**Постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС
№ 677 от 22 августа 1989 г.**

Во исполнение постановления Съезда народных депутатов СССР «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР» и в целях создания более благоприятных возможностей для материнского ухода за малолетними детьми Совет Министров СССР и Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов постановляют:

1. Увеличить продолжительность частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет в следующие сроки:

в районах Дальнего Востока и Сибири, в северных районах страны (в Карельской АССР и Коми АССР, Архангельской и Мурманской областях), а также в Вологодской, Новгородской и Псковской областях — с 1 декабря 1989 г.;

в остальных районах РСФСР, Украины, Белоруссии, Молдавии и республик Прибалтики — с 1 июля 1990 г.;

в районах Казахстана, Средней Азии и Закавказья — с 1 января 1991 г.

2. Увеличить повсеместно с 1 декабря 1989 г. продолжительность дополнительного отпуска без сохранения заработной платы по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет.

Указанный дополнительный отпуск засчитывается в общий и непрерывный стаж, а также в стаж работы по специальности.

3. Государственному комитету СССР по труду и социальным вопросам и Министерству юстиции СССР с участием ВЦСПС представить в Совет Министров СССР предложения о внесении изменений в законодательные акты СССР, вытекающих из настоящего постановления.

ЮРИСТ КОНСУЛЬТИРУЕТ ДИРЕКТОРА

— Да сколько же это может продолжаться?! Как так можно работать?! — возмущенно начал я.

→ Добрый день, Степан Степанович,— прервал директор.

— Извините, Василий Иванович,— сбавил я тон.— Жаловаться к вам пришел. А дело вот в чем. Мы получили от завода «Импульс» продукцию, затаренную ненадлежащим образом, в картонных коробках вместо деревянных ящиков. В результате почти все стеклянные детали оборудования разбились.

— Так мы же можем взыскать с завода штраф. Ведь закон это предусматривает? — спросил Демократов.

— Предусматривает. В соответствии с Положением о поставках продукции производственно-технического назначения, утвержденным Постановлением Совета Министров СССР от 25 июля 1988 года № 888, за поставку вопреки требованиям стандартов, технических условий или договора продукции без тары или в ненадлежащей таре поставщик должен уплатить штраф в размере 5 процентов стоимости такой продукции (п. 60), а за поставку продукции ненадлежащего качества — в размере 20 процентов ее стоимости (п. 59). При этом, если взыскивается штраф за поставку некачественной продукции, штраф за ненадлежащее затаривание не взимается (п. 61).

— Ну вот видите! Мы можем возместить свои убытки?

— Да нет, Василий Иванович, к сожалению, не можем. Мы нарушили правила приемки продукции. Инструкция о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по качеству, утвержденная постановлением Госарбитража СССР от 25 апреля 1966 года № П-7 (с последующими изменениями и дополнениями), устанавливает, что при обнаружении несоответствия качества, комплектности, маркировки поступившей продукции, тары или упаковки требованиям стандартов, технических условий, чертежам, образцам (эталонам), договору либо данным, указанным в маркировке и сопроводительных документах, удостоверяющих качество продукции, получатель приостанавливает дальнейшую приемку продукции и составляет акт, в котором указывает количество осмотренной продукции и характер выявленных при приемке дефектов. Затем получатель должен вызвать для участия в продолжении приемки продукции представителя предприятия-изготовителя (отправителя) и обеспечить хранение продукции ненадлежащего качества или некомплектной продукции в условиях, предотвращающих ухудшение ее качества и смешение с другой однородной продукцией (п. 16). Причем, если поставщиком является организация, расположенная в том же городе, что и получатель, то вызов ее представителя обязателен всегда, а если поставщик — иногородняя организация, он вызывается только тогда, когда это предусмотрено договором. В противном случае, а также когда вызванный представитель изготовителя не прибыл в установленный срок (3 дня для иногороднего поставщика и один день (4 часа по скоропортящейся продукции) — для одногороднего), проверка качест-

ва продукции при продолжении приемки производится представителем соответствующей отраслевой инспекции по качеству продукции. Если в месте нахождения предприятия-получателя такой инспекции нет или если она отказывается выделить своего представителя, то проверка качества производится с участием компетентного представителя другого предприятия, выделенного его руководителем или заместителем руководителя, либо с участием компетентного представителя общественности предприятия-получателя, назначенного руководителем из числа лиц, утвержденных решением профсоюзного комитета. Односторонне получатель может проводить приемку продукции, только если изготовитель (отправитель) дал на это согласие (п. 20).

Наш же начальник ОТК этими правилами пренебрегает. Когда ему сообщили, что многие детали побиты, он вместе с кладовщиком завершил приемку и составил акт. А от меня теперь требует, чтобы я взыскивал с «Импурса» штраф. Причем это уже не первый раз. Устал я с ним ругаться.

— Тут не ругаться, а к дисциплинарной ответственности привлекать надо,— возмутился директор.— Но вместе с тем продукция-то негодной оказалась по вине завода «Импурс». Неужели из-за халатности нашего начальника ОТК он освобождается от ответственности?

— Увы, арбитраж в таких случаях иск не удовлетворяет.

С. ИСТИНОВ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

Задача 1

С согласия директора завода начальник цеха Рябов пригласил на временную работу трех слесарей-наладчиков для установки нового оборудования. По окончании работы бухгалтерия отказалась выплатить наладчикам заработную плату, мотивируя тем, что приказ об их зачислении на работу не издавался, а начальник цеха правом приема и увольнения не пользуется. Основательны ли эти доводы?

Задача 2

Заведующая секцией универмага Бакина была уволена за утрату доверия в связи с недостачей, которая обнаружилась при ревизии.

Бакина обратилась в суд с иском о восстановлении на работе. В исковом заявлении она указала, что недостачу погасила добровольно, к уголовной ответственности в связи с недостачей не привлекалась, других замечаний по работе не имеет, поэтому считает, что оснований для ее увольнения нет. Права ли она?

Задача 3

Администрацией политехнического института были уволены доцент Алиев в связи с неперезабранием его на новый срок и старший преподаватель Коваленко за систематические пропуски занятий без уважительных причин и другие нарушения трудовой дисциплины.

Оба работника не согласны с увольнением. Куда им следует обратиться за разрешением спора?

«А ГДЕ ОН БУДЕТ ЖИТЬ?»

«Любопытно, между прочим, получается! — размышляла Вита, нетерпеливо расхаживая возле молчащего телефонного аппарата.— Когда у нас с Семеном все было хорошо, телефон звонил не переставая: то меня спрашивали подруги, то Семена просили товарищи с работы. Всем мы были нужны. А когда узнали, что мы разводимся, для всех мы всякий интерес потеряли. Что ж, выходит, мы никому не нужны? Что, мол, проку общаться с разведенкой?»

Однако Вита лукавила. Ей, говоря откровенно, тоже не хотелось болтать по телефону с подружками. Она ждала звонка от Семена. Уже несколько недель он молчал.

«Гордость показывает! Передал для Леночки деньги и на том свои обязанности посчитал выполненными, эгоист несчастный!» — распалила она себя, хотя прекрасно знала, что Семен дочку не забыл: воспитательница детского садика не раз говорила ей, что Семен приходит в садик пораньше и гуляет с Леночкой до ее прихода. Поначалу Вита злилась и выговаривала воспитательнице: зачем она позволяет мужу брать ребенка? Не понимает разве, что Семен будет настраивать ребенка против нее!

— Как я могу запретить отцу гулять с собственным ребенком? — спорила с Витой воспитательница.— У него такие же права на ребенка, как и у вас, и по закону он еще ваш муж,— брак, как мне известно, пока не расторгнут.

И Вита замолкала, признавая правоту воспитательницы. А сегодня, кружа возле молчащего телефона, задумалась: «Быстро бежит время. Прошло уже три с половиной месяца из того срока, что дал нам народный суд для размышлений. За оставшиеся два с половиной надо решить уйму проблем. Разделить хотя бы имущество!»

При этой мысли Вита оглядела комнату и усмехнулась: ну что тут особенно делить? Вот разве сервант или книжный шкаф распилить пополам да кастрюли со сковородками. Особо ценных вещей у них не было. А что было ценного — фотоаппарат да магнитофон, и те у них украли в гостинице на юге, когда они были в очередном отпуске. Дом же в деревне, доставшийся Семену по наследству, делить не надо — это собственность Семена, его личное имущество. Делится же только нажитое за совместную супружескую жизнь. А она оказалась короткой. Правда, надо решить вопрос, где будет после развода жить Семен, то есть подыскать обмен квартиры. А он молчит, не звонит!

Вита в который раз враждебно посмотрела на молчащий телефонный аппарат и решила: если Семен не позвонит в течение пяти минут, она сама наберет номер общежития и попросит его к телефону.

Семен не позвонил. Вита набрала номер и долго упрасивала дежурную по этажу позвать из комнаты 517 Семена Гражданкина по очень важному и безотлагательному делу.

Наконец в трубке возник хрипловатый от сдерживаемого волнения голос Семена:

— Что случилось? Что-нибудь с Леночкой?

— Случилось то, что идет время, а ты ничего не хочешь делать! Ты узнавал насчет обмена? Какие ты подобрал варианты?— И Вита решила пробудить в Семене ревность — пусть не зазнается и не думает, что она будет сидеть в четырех стенах и томиться от одиночества.— Я же не могу ждать бесконечно. Я все-таки молодая женщина и должна подумать о своем будущем.

— У тебя уже есть варианты... такого будущего?

Вита с мстительным удовлетворением отметила — голос у Семена предательски дрогнул. «Ага, заволновался — значит, я ему совсем не безразлична!» — и она даже немножко обрадовалась.

— Мои варианты тебя не касаются — не один ты пользуешься успехом, — гнула она свое, желая позлить мужа. — Ты занимайся лучше вариантами обмена. Осталось всего два с половиной месяца до развода. Уж не думаешь ли ты жить с разведенной женой под одной крышей и на ее глазах заниматься своими шашнями?.. Ищи обмен, и как можно скорее!

— Я категорически против обмена. Меня наша квартира абсолютно устраивает, и никаких вариантов искать не буду. Тебе нужен для своего будущего обмен, ты и ищи варианты. И учти: в скором времени я возвращаюсь на свое постоянное местожительство. Мне надоело ночевать у друзей, имея квартиру...— И Семен положил трубку.

«Каков нахал! Он возвращается жить в свою квартиру!» Но, хотя Вита ругала Семена, его решение вернуться домой было ей приятно. И она вдруг ясно осознала, что на всем огромном белом свете никто ей абсолютно не нужен, кроме ее долговязого, немножко неуклюжего Семена, что она дальше просто не в состоянии жить вдали от его несмелой улыбки и чуть-чуть хрипловатого голоса. «Господи, да неужели я смогу простить ему такое оскорбление, такое унижение, неужели я все еще люблю его?» — ужаснулась она и усилием воли заставила себя избавиться от этих мыслей.

«Надо быть непреклонной, т а к о е прощать нельзя. Тот, кто изменил один раз, будет изменять всегда. Ишь, захотел вернуться — и все должны безропотно потакать его прихотям. Не бывать этому! Нет, нам надо обязательно разехаться — от этого всем будет спокойнее. И мне, и Леночке. Должен же быть закон, который бы обязывал человека покинуть квартиру, если с ним не хотят жить под одной крышей?»

И она отправилась в юридическую консультацию.

— Такой закон есть, — сказал ей адвокат, вежливо поздоровавшись и предложив сесть.

— В Жилищном кодексе РСФСР, введенном в действие с 1 января 1984 года, содержится статья 67 — «Обмен жилыми помещениями». Я ее вам прочитаю целиком:

«Наниматель жилого помещения вправе с письменного согласия проживающих совместно с ним членов семьи, включая временно отсутствующих, произвести обмен занимаемого жилого помещения с другим нанимателем или членом жилищно-строительного кооператива, в том числе с проживающими в другом населенном пункте. Обмен жилыми помещениями производится со взаимной передачей прав и обязанностей, вытекающих из договора найма жилого помещения, а при обмене жилого помещения с членом жилищно-строительного кооператива — с учетом требований, предусмотренных статьей 119 настоящего Кодекса».

Так что берите письменное согласие с супруга и подыскивайте варианты размена своей квартиры.

— Но я не хочу искать варианты, зачем мне брать с него письменное согласие? Он виноват в нашем разрыве, пусть он и занимается этим. А он, между прочим, категорически отказывается от обмена и нашего разезда. Что говорит по этому поводу закон?

— В этом же Кодексе есть статья 68, гласящая:

«Если между членами семьи не достигнуто соглашение об обмене, то любой из них вправе требовать в судебном порядке принудительного обмена занимаемого помещения на помещения в разных домах [квартирах]. При этом учитываются заслуживающие внимание доводы и интересы лиц, проживающих в обмениваемом помещении».

— У вас кто еще проживает в квартире?

— С нами живет дочка. Ей три годика с половиной. Уж ее интересы я учитываю...

— Следовательно, после расторжения брака вам надо обратиться в суд с иском о принудительном обмене с бывшим супругом. Суд обяжет произвести этот обмен.

— Еще раз идти в суд по этому поводу? — Вита даже поморщилась, вспомнив, какие неприятные ощущения испытала она после разговора с судьей. — Неужели я всю жизнь должна бегать по судам?

Адвокат в ответ только пожал плечами и спросил:

— Сколько вам осталось от срока, данного судом на размышление?

— Два с половиной месяца!

— И вы по-прежнему желаете развода?

Вита ничего не ответила и, попрощавшись, вышла из кабинета юридической консультации.

Она не зря промолчала в ответ на вопрос адвоката, не раздумала ли она разводиться. Поняла — разойтись с Семеном свыше ее сил.

...Возле своей двери она увидела переминающегося с ноги на ногу Семена. Рядом стоял чемодан. «С этим чемоданом мы ездили на юг, в отпуск. И нас там обокрали в гостинице. И мы тоже судились. И выиграли процесс. А что выиграю я, если суд разведет нас?» — опять невесело подумала Вита.

— Я тебя давно поджидаю, — с упреком сказал ей Семен. — Ключей-то у меня нет.

Вита хотела наругать ему, сказать, что она свободная женщина и может распоряжаться собственным временем, никого не ставя в известность о своих делах и никому не позволяя учитывать ее время, но вместо этого достала из сумочки ключи и молча протянула Семену. А затем сказала:

— Извини, задержалась. Открывай нашу квартиру, чего же ты ждешь?

Семен с изумлением глянул на Виту — в последние месяцы он отвык от таких ласковых интонаций в голосе жены.

В прихожей Вита сказала:

— Я хочу серьезно поговорить с тобой, Сеня...

СТАВКИ КВАРТИРНОЙ ПЛАТЫ

В отношении жителя Москвы Иванова, который в течение длительного времени не платил за квартиру, было возбуждено уголовное дело. Его родственник Комаров обратился в юридическую консультацию с просьбой разъяснить, как должна взиматься квартирная плата и какая установлена ответственность за ее неуплату или просрочку. Там ему объяснили, что против злостных неплательщиков квартирной платы может быть возбуждено уголовное дело по статье 94 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за причинение имущественного ущерба государству путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения в виде лишения свободы на срок до одного года или исправительных работ на тот же срок, либо применения мер общественного воздействия.

Предельный размер ставки квартирной платы установлен в РСФСР 13,2 коп. за 1 квадратный метр, а в домах, выстроенных или капитально отремонтированных начиная с 1924 года,— 16,5 коп.

В одинарном размере оплачивается жилая площадь, полагающаяся нанимателю и членам его семьи по установленным нормам, а также излишняя площадь, если ее размеры не превышают на всю семью половины нормы жилой площади, полагающейся на одного человека (например, в РСФСР, Азербайджанской ССР норма жилой площади установлена в размере 12 квадратных метров).

В одинарном размере также оплачивается дополнительная жилая площадь, излишняя жилая площадь (до 15 кв. метров), занимаемая инвалидами Великой Отечественной войны. Плата за пользование остальной излишней площадью взывается в повышенном размере (в РСФСР и некоторых других союзных республиках — трехкратном).

Некоторые категории граждан имеют льготы по квартирной плате. Так, персональные пенсионеры, Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, инвалиды Великой Отечественной войны, лица, награжденные орденами Славы трех степеней, военнослужащие (в силу специальных правил) оплачивают жилую площадь в размере 50 процентов квартирной платы, установленной для рабочих и служащих. Гражданам, проживающим в домах, принадлежащих колхозам, могут быть предоставлены льготы по квартирной плате по решению общего собрания членов колхоза или собрания уполномоченных.

Согласно статье 59 Жилищного кодекса РСФСР (и соответствующим статьям ЖК других союзных республик) для некоторых категорий граждан-специалистов, проживающих и работающих в сельской местности, вне населенных пунктов жилая площадь с отопле-

нием и освещением предоставляется бесплатно (например, врачи, учителя, лесники и т. п.).

Квартирная плата в домах, принадлежащих гражданам на праве личной собственности, определяется специальным соглашением сторон, но не может превышать предельных ставок (например, в РСФСР и некоторых других союзных республиках 16 коп. за 1 квадратный метр).

Как известно, наниматель жилого помещения вправе с согласия проживающих с ним членов семьи и с согласия наймодателя сдавать в поднаем жилое помещение, а размер платы за пользование жилым помещением и коммунальные услуги по этому договору устанавливаются соглашением сторон, но не может превышать размера квартирной платы, уплачиваемой за это помещение нанимателем, и платы за коммунальные услуги. Незаконно полученные суммы за сдачу жилья в поднаем подлежат взысканию по иску в доход государства. В случае же систематической сдачи жилой площади в поднаем с целью извлечения нетрудовых доходов сдаваемая изолированная жилая площадь подлежит изъятию в судебном порядке (ст. 79 ЖК РСФСР и соответствующие статьи ЖК других союзных республик).

Наниматель обязан вносить квартирную плату ежемесячно не позднее десятого числа следующего за прожитым месяца. Если квартирная плата не внесена в эти сроки, то взыскивается пеня в размере 0,1 процента за каждый день просрочки. Квартирная плата, не внесенная нанимателем жилого помещения, может быть взыскана с любого совершеннолетнего члена его семьи. Взыскание задолженности по квартирной плате в домах местных Советов народных депутатов производится в бесспорном порядке по исполнительной надписи нотариуса, а в домах ЖСК и принадлежащих гражданам на праве личной собственности — в судебном порядке. Действующим законодательством не предусмотрено выселение нанимателей из жилого помещения за неуплату квартирной платы, кроме как из домов, принадлежащих на праве личной собственности.

Н. КОРШУНОВ,
кандидат юридических наук

СТУДЕНЧЕСКАЯ СТИПЕНДИЯ

— Сейчас я вам докажу! Всем докажу! — приговаривал Юра Белов, студент первого курса медицинского института.

Коротко расскажем, что же случилось с Юрой, кому и что συμβирается он доказывать.

А дело вот в чем. Сегодня первокурсники мединститута получили первую в своей жизни студенческую стипендию. Наш герой этот день ждал с большим нетерпением. Шутка ли — первая стипендия, да еще повышенная! А в том, что стипендия будет повышенной,

Юра не сомневался. Года два назад он сам лично читал в газете новое постановление, в котором говорилось, что студентам, имеющим только отличные оценки, полагается повышенная стипендия. Юра же на вступительных экзаменах по всем предметам получил отличные оценки. Велико же было его разочарование, когда всем первокурсникам, сдавшим вступительные экзамены без троек, выдали стипендии в обычном размере. Юра отправился в деканат устанавливать «справедливость». Но его там не слушали (так ему казалось), говорили, что все сделали правильно, ссылались на какие-то инструкции. Белов решил, что «победить бюрократов» и «доказать свою правоту» он сможет, когда у него на руках будет то постановление, которое он читал в газете. Где же его найти? Ну, конечно же, у Севки Ковалева. У него отец юрист, наверняка собирает все эти постановления и инструкции.

Юре повезло, когда он, запыхавшись, позвонил в квартиру Ковалевых. Дверь ему открыл сам Николай Васильевич. И уже через полчаса Юра внимательно читал постановление Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ от 13 марта 1987 года № 328 «О мерах по улучшению материальных и жилищно-бытовых условий аспирантов, студентов высших и учащихся средних специальных учебных заведений».

— Ну, что я говорил. Вот же написано «...повысить с 1 сентября 1987 года стипендии... студентам высших и учащихся средних специальных учебных заведений, имеющим по результатам экзаменационной сессии только отличные оценки,— на 50 процентов, а имеющим только хорошие и отличные оценки — на 25 процентов».

— Погоди, скандалист, не горячись,— остановил Юру Николай Васильевич. — На вот, ознакомься еще и с этим документом. Это Инструкция о порядке назначения и выплаты стипендий студентам высших учебных заведений. Она была утверждена Министерством высшего и среднего специального образования СССР 15 июля 1987 года, го есть вслед за постановлением. Видишь, здесь записано, что студентам первого курса высших учебных заведений в первом семестре стипендии назначаются с учетом оценок, полученных на вступительных экзаменах, в обычном размере, то есть без 50- и 25-процентных надбавок за получение отличных и хороших оценок на вступительных экзаменах. А уже во втором и последующих семестрах стипендия им будет назначена на общих основаниях с первого числа следующего за экзаменационной сессией месяца. Так что ты зря шумел. Ваши институтские «власти» все сделали правильно, в соответствии с законом.

И вот что Юра узнал.

Стипендия — это постоянное денежное пособие, выдаваемое учащимся в учебном заведении. Лица, получающие стипендию, именуются стипендиатами.

Установлены следующие размеры стипендий: для обучающихся на I—IV курсах — 40 рублей в месяц, на V—VI курсах и на IV курсе при 4-летнем сроке обучения — 45 рублей в месяц.

Кроме того, некоторым категориям студентов, например, обучающимся горным, металлургическим, нефтяным, лесным, педагогическим специальностям, стипендии устанавливаются на 10 рублей выше. А обучающимся, к примеру, по специальностям «Философия», «Политическая экономия», «Научный коммунизм», «История КПСС», «Специальной техники, дефектологии, а также студентам юридических институтов, институтов радиотехники, электроники и автоматики,

электронной техники и некоторых других — на 15 рублей выше указанных.

В размере 70 рублей на I—III курсах, а на IV—VI курсах в размере 75 рублей в месяц выплачивается стипендия обучающимся по специальностям «Прикладная математика», «Математика», «Механика», «Атомные электростанции и установки», а также по всем специальностям в Московском государственном техническом университете имени Н. Э. Баумана и Обнинском институте атомной энергетики.

Успевающим студентам и учащимся, направленным на учебу предприятиями и организациями, стипендия выплачивается за счет средств соответствующих предприятий и организаций на 30 процентов выше, а при стаже работы более трех лет — на 50 процентов выше государственной, но не свыше 100 рублей в месяц.

Как вы уже знаете, студентам-отличникам и успевающим на «хорошо» и «отлично» все эти стипендии повышаются соответственно на 50 и 25 процентов.

Кроме того, существуют именные стипендии. Так, стипендии имени В. И. Ленина и имени К. Маркса для студентов высших учебных заведений установлены в размере 130 рублей в месяц. Размер стипендии имени В. И. Ленина для учащихся средних специальных учебных заведений — 90 рублей в месяц.

Решениями Правительства СССР могут учреждаться стипендии имени выдающихся партийных, государственных и общественных деятелей, деятелей науки, техники и культуры для студентов высших учебных заведений в размере 110 рублей в месяц, а решениями Советов Министров союзных республик — 100 рублей в месяц.

Стипендии имени Ленинского комсомола для студентов высших учебных заведений устанавливаются в размере 100 рублей в месяц, а для учащихся средних специальных учебных заведений — в размере 80 рублей в месяц с выплатой стипендий за счет средств ЦК ВЛКСМ.

Для студентов вузов разрешено устанавливать персональные стипендии ученого совета вуза в размере до 90 рублей за особые достижения в изучении отдельных дисциплин и научно-техническом творчестве. Эти стипендии устанавливаются: для Московского государственного университета в количестве десяти, для ведущих высших учебных заведений — семи, для всех остальных — не более трех стипендий.

Установлены специальные стипендии в размере 100 рублей в месяц для студентов высших и учащихся средних учебных заведений — Героям Советского Союза и Героям Социалистического Труда.

Правом на получение специальной стипендии в размере 80 рублей в месяц стали пользоваться учащиеся высших и средних специальных учебных заведений из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Для студентов-сирот, находящихся на полном государственном обеспечении, эта стипендия устанавливается в размере 40 рублей в месяц, а для других лиц, находящихся на полном государственном обеспечении, соответственно 20 рублей.

Законодательством предусмотрены льготы для студентов, проживающих и обучающихся в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к ним. Там, где установлены коэффициенты к заработной плате рабочих и служащих, стипендия должна выплачиваться в повышенных на этот коэффициент размерах.

Теперь несколько слов о порядке назначения стипендий студентам и учащимся.

Стипендия назначается руководителем учебного заведения с участием студенческих, профсоюзных и комсомольских организаций с учетом рекомендаций общественных организаций и коллективов учебных групп, по представлению стипендиальных комиссий факультетов в пределах стипендиального фонда, выделенного учебному заведению. В вузах, где нет факультетов, назначение стипендий производится ректором вуза по представлению стипендиальной комиссии вуза.

Стипендиальные комиссии организуются под председательством декана или его заместителя, а в вузах, где нет факультетов, — проректора сроком на один год из представителей партийных, студенческих, профсоюзных и комсомольских организаций, студенческих групп, бухгалтерии и утверждаются руководителями высших учебных заведений. Стипендиальные комиссии более чем на 50 процентов должны состоять из студентов, что значительно способствует развитию студенческого самоуправления и демократизации процесса назначения стипендии.

Списки студентов, которым назначена стипендия, утверждаются руководителем учебного заведения.

Назначение стипендии производится по результатам экзаменационных сессий с первого числа следующего за экзаменационной сессией месяца.

Студентам, имеющим удовлетворительные оценки по результатам экзаменационной сессии, стипендия назначается по представлению коллективов студенческих групп и общественных организаций.

Законодательством установлен перечень категорий студентов, которым стипендия выплачивается в обязательном порядке даже при наличии оценок не ниже «удовлетворительно». Так, в обязательном порядке стипендия выплачивается студентам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: инвалидам I и II групп; студентам, имеющим детей (обоим родителям, если они студенты); детям инвалидов Великой Отечественной войны и инвалидов труда I и II групп; некоторым категориям военнослужащих и другим.

В отдельных случаях назначить стипендию в межсессионный период разрешено только ректорам вузов.

Студент, несогласный с решением стипендиальной комиссии об отказе ему в стипендии, может обжаловать это решение ректору вуза, который совместно с представителями деканата, учебной группы, партийной, профсоюзной и комсомольской организаций вуза выносит решение по данному вопросу.

Студентам, назначенным на стипендию по результатам весенней сессии, за период летних каникул стипендия выплачивается суммарно за два месяца (июль, август) не позднее 10 июля.

В случае болезни, удостоверенной соответствующим документом лечебного учреждения, имеющего право выдачи листка о временной нетрудоспособности, и неявки на экзамены в период сессии по другим уважительным причинам, подтвержденным необходимыми документами, студенты со стипендии не снимаются. Они сдают экзамены в индивидуальные сроки, установленные деканатом факультета, после чего получают стипендию на общих основаниях.

А. УЛИСКО,
кандидат юридических наук

ПОКАТАЛИСЬ...

Дело было вечером, делать было нечего... Эти заученные в глухом детстве стишки назойливо лезли в Витькину голову. Пытаясь сосредоточиться на чем-то другом, он ковырял перочинным ножом деревянную оградку песочницы, в которой днем обычно возилась дворовая детвора. Сейчас на площадке, кроме него да Тольки Рыжого, никого не было. Сгущались сумерки, и одно за другим разноцветно загорались окна большого, многоэтажного дома.

— Весело вчера было, Витек! — нарушил молчание Толька.

— Ну! — согласился с ним Витька.

Еще бы. Вчера отмечали его шестнадцатилетие. Вначале у него в квартире, а потом до полуночи плясали во дворе, пока бабка с третьего этажа не устроила скандал, грозить стала, что в милицию позвонит. Добро бы пьяные были — так ведь на компанию мальчишек и девчонок из семи человек всего четыре бутылки «сухого» и выпили. Просто весело было — и все тут! А сегодня — и скучно, и грустно...

— Может, встряхнемся? — неожиданно предложил Толька. — Предлагаю промчаться «с ветерком».

— На чем? — хмыкнул Витька. — На твоём собственном «мерседесе»?

— Не... Я без шуток. Есть тут рядом один «мотор». Пошли покажу.

Отойдя за два квартала от своего дома, приятели остановились возле стоящего на улице мотоцикла «Ява». Поковырявшись гаоздиком в замке, Толька открыл его и освободил мотоцикл от цепи, которой он был заблокирован от воров. Ухватившись за руль, Толька покатаил мотоцикл по улице.

...И вот уже машина помчалась — вначале по темным улицам, затем выскочила на ярко освещенный проспект. Толька обгонял попутные машины, «срезал» их перед самыми радиаторами. Сзади слышался отчаянный визг тормозов. Обернувшись, Витька видел искаженные лица водителей и грозящие вслед кулаки. Чтобы не свалиться на лихом выраже, он мертвой хваткой вцепился в приятеля.

Часа два они гоняли по улицам города. Наконец усталый, но довольный Толька остановил мотоцикл неподалеку от того места, где они его взяли.

— Вот и все! — выдохнул он. — Теперь можно и домой идти.

— Я и не знал, как ты хорошо водишь мотоцикл! — уважительно произнес Витька. — Ну, и потом... Ты мне хотел объяснить...

— Ну, положим, я всего второй раз в жизни за рулем мотоцикла, — ухмыльнулся приятель. — Видать, я способный такой. А мотоцикл мы вернули назад. Значит, никакого вреда для его владельца не было. И наказывать нас не за что. Тем более что мы малолетки. Вот если бы украли его, тогда другое дело.

В одном лишь был прав Толька: действительно, то, что они совершили, не было кражей. Но это тоже преступление, которое в уголовном законодательстве называется **угоном транспортных средств или других самоходных машин без цели их хищения**. И Уголовный кодекс РСФСР устанавливает на него наказание: **лишение свободы на срок до одного года, или исправительные работы на тот же срок, или штраф до ста рублей, либо применение мер общественного воздействия**.

Не прав был юноша и в том, что «по малолетству» ребята не подлежат уголовной ответственности: за это преступление ответственность наступает с 16-летнего возраста.

...Ночная поездка понравилась Витьке. И через неделю он предложил своему другу снова покататься. Хотя другой мотоцикл пришлось искать по улицам и дворам не один час, все же ребята снова мчались сломя голову по городу.

Не знали они, что эти действия подпадают под часть 2 статьи 212¹ УК РСФСР, которая устанавливает более строгое наказание: угон, совершенный повторно либо по предварительному сговору группой лиц, а равно соединенный с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или угрозой применения такого насилия, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до двух лет.

Как видно, ребята совершили угон как повторно, так и по предварительному сговору (а двое — это уже группа). И по этой же статье ребята несли бы ответственность даже в том случае, если бы они угнали мотоцикл, скажем, в первый раз, но предварительно сговорившись. Или даже если бы кто-нибудь из них отобрал мотоцикл у владельца, пригрозив ему. Да и не только владельцу, а и каждому, даже постороннему человеку, кто бы вмешался, чтобы предотвратить угон.

Но еще строже наказываются все те действия, о которых было рассказано выше, если они соединены с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия.

А что такое транспортное средство? Это мопед, мотороллер, мотоцикл, автомашина, автобус, трамвай, трактор, бульдозер, самоходная дорожная машина и так далее. И если даже не удалось угнать транспортное средство, чтобы поехать на нем, к примеру, не завелся мотор или не открылась дверца автомобиля, виновный все равно будет нести ответственность как за покушение на угон. Не имеет значения, кто из группы угонщиков находился за рулем, а кто был «пассажиром»: все считаются угонщиками.

Любой угон — это серьезное посягательство на безопасность движения. Ведь нередко автомобили и мотоциклы угоняют люди в нетрезвом виде. Очень часто, как это было с Толькой, не имеющие водительских прав. Нередко угонщики нарушают правила дорожного движения, особенно когда чувствуют, что за ними идет погоня и надо скрыться. Порой угонщики сталкиваются со встречными автомобилями или мотоциклами, сбивают прохожих и велосипедистов, что в большинстве случаев кончается смертельным исходом. Гибнут и сами...

Бывает, что, покатавшись на угнанной машине или мотоцикле, угонщики снимают с них «на запчасти» отдельные детали, колеса, радиоприемники — и тогда уже это квалифицируется как кража.

Витька и Толька еще несколько раз угоняли мотоциклы, чтобы покататься. Они ничего не украли и, к счастью, никого не сбиди и не разбили сами. Обошлось, как говорится.

Обошлось? Нет, для них не обошлось. Потому что в конце концов милиция установила, кто совершает это преступление. Ребята были задержаны, привлечены к уголовной ответственности и осуждены. Так закончились их ночные «прогулки» на чужих мотоциклах...

С. ВЛАДИМИРОВ

ЕЩЕ РАЗ О НАСЛЕДОВАНИИ

Передо мной лежат письма читателей. Написанные разными людьми, пришедшие из разных городов Союза, все они начинаются одинаково: «Уважаемая редакция! В третьем номере вашего журнала за 1989 год прочитал статью Р. Виноградовой «Дом в наследство...». А дальше следует просьба еще раз разъяснить то или иное положение наследственного права. Вообще вопросы, касающиеся наследования, всегда интересовали наших читателей. Будем откровенны, жизнь подсказывает, что во второй ее половине не зазорно подумать, что оставить после себя из честно нажитого своим близким, порой нуждающимся в твоей помощи.

Но незнание правовых норм подчас приводит к возникновению споров о разделе наследства, затрудняет их разрешение, а порой приводит к тому, что гражданско-правовые отношения перерастают в криминальные.

Так, Ф. Р. Нешкова (Куйбышевская обл.) сообщает: «Моего мужа искалечил родственник — сосед Фаркин — по причине вражды из-за наследства. Он избил мужа железной трубкой, нанес ему тяжелые травмы».

Ей вторит С. И. Гришина из Ростовской области: «Мама умерла, оставив завещание нам с сестрой на дом. Брат не согласен, он кидается на нас то с ножом, то с топором. Помогите».

Подобные случаи не единичны. Однако значительная часть писем, поступающих в редакцию, проникнута озабоченностью, тревогой и заботой о наследниках. Многие авторы писем выражают готовность помочь близкому, отказаться от наследства в пользу менее обеспеченных родственников. И спрашивают, как правильно это оформить.

Итак, постараемся ответить на некоторые вопросы читателей.

Вначале уточним, что такое наследование! Это переход имущества, принадлежавшего умершему гражданину [наследодателю], к другим лицам [наследникам]. Наследование может осуществляться по закону и по завещанию (ст. 527 ГК РСФСР, соответствующие статьи ГК других союзных республик).

Завещание — это распоряжение гражданина своим имуществом на случай смерти (ст. 534 ГК РСФСР, соответствующие статьи ГК других союзных республик). Составить завещание может каждый дееспособный гражданин, причем свое имущество он может завещать любому другому гражданину (одному или нескольким, как входящему, так и не входящему в круг наследников по закону, а также государству либо отдельным государственным, кооперативным, другим общественным организациям).

Завещатель может лишить права наследования одного, нескольких или всех наследников по закону (ст. 534 ГК РСФСР, соответствующие статьи ГК других союзных республик). Казалось бы, он может поступить, как ему заблагорассудится, не стесняясь никаким род-

ством, обойти жену, детей и завещать все свое имущество постороннему близкому лицу. Однако это не совсем так. Закон установил круг лиц, которые в силу их возраста или состояния здоровья не могут быть полностью лишены наследства и независимо от содержания завещания наследуют долю в имуществе (обязательная доля).

В соответствии со статьей 535 ГК РСФСР (аналогичными статьями ГК других союзных республик) право на обязательную долю в наследстве имеют несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя (в том числе усыновленные), а также нетрудоспособные супруг, родители (усыновители) и иждивенцы умершего. Они наследуют независимо от содержания завещания не менее двух третей доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону (при определении размера обязательной доли учитывается и стоимость наследственного имущества, состоящего из предметов обычной домашней обстановки).

Как видим, в статье 535 ГК не упоминаются внуки и правнуки наследодателя, а также его братья и сестры, дед и бабушка. Следовательно, они не имеют права на обязательную долю в наследстве.

Теперь несколько слов о форме завещания. Оно должно быть составлено письменно с указанием места и времени его составления, собственноручно подписано завещателем и нотариально удостоверено (ст. 540 ГК РСФСР и соответствующие статьи ГК других союзных республик). Завещатель вправе в любое время изменить или отменить сделанное им завещание (ст. 543 ГК РСФСР, соответствующие статьи ГК других союзных республик).

Но сплошь и рядом бывает, что люди не пишут никакого завещания. А порой случается и так, что завещание составляется лишь на часть имущества либо полностью или частично признается недействительным. И вот тогда наступает наследование по закону. Что это такое? Это переход имущества, принадлежавшего умершему, к лицам, перечисленным в законе. Законодатель, как бы нейтрализуя оплошность умершего, которая может привести к полнейшей неразберихе, установил перечень родственников, которые в случае, если завещание отсутствует либо если оно не может быть реализовано (скажем, признано недействительным либо перечисленные в нем наследники отказались от наследства), допускаются к наследованию в строго определенной очереди. Без этого было бы невозможно определить, кому из родственников покойного надлежит передать никому не завещанное.

Итак, Гражданские кодексы большинства союзных республик устанавливают две очереди наследников. Статья 532 ГК РСФСР (и соответствующие статьи ГК некоторых других союзных республик) определяет, что при наследовании по закону наследниками в равных долях являются:

в первую очередь — дети (в том числе усыновленные), супруг и родители (усыновители) умершего, а также ребенок умершего, родившийся после его смерти;

во вторую очередь — братья и сестры умершего, его дед и бабушка со стороны как отца, так и матери.

Наследники второй очереди призываются к наследованию по закону лишь при отсутствии наследников первой очереди или при непринятии ими наследства, а также в случае, когда наследники первой очереди лишены завещателем права наследования.

Внуки и правнуки наследодателя являются наследниками по за-

кону, если ко времени открытия наследства нет в живых того из их родителей, который был бы наследником. Они наследуют поровну в той доле, которая причиталась бы при наследовании по закону их умершему родителю. (Заметим, что Гражданские кодексы некоторых союзных республик включают в круг наследников по закону племянников и племянниц.)

К числу наследников по закону относятся нетрудоспособные лица, состоящие на иждивении умершего не менее одного года. При наличии других наследников они наследуют наравне с той очередью (первой или второй), которая призывается к наследованию.

Возникает вопрос, что означает: «Нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего»? К нетрудоспособным относятся женщины, достигшие 55 лет, мужчины — 60 лет, инвалиды, а также лица, не достигшие 16 лет [учащиеся — 18 лет]. Понятие «иждивение» предполагает, что наследники находились на полном содержании наследодателя или получали от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию. Иными словами, такая помощь не была разовой, единовременной, от случая к случаю.

Для приобретения наследства наследник должен его принять. Признается, что наследник принял наследство, когда он фактически вступил во владение наследственным имуществом или когда он подал нотариальному органу заявление о принятии наследства. Такое заявление подается в государственную нотариальную контору по месту открытия наследства. Оно должно быть сделано в письменной форме. Все это должно быть совершено в течение шести месяцев со дня открытия наследства (ст. 546 ГК РСФСР и соответствующие статьи ГК других союзных республик).

Свидетельство о праве на наследство выдается по истечении шести месяцев со дня открытия наследства. Но такое свидетельство может быть выдано и ранее указанного срока, если в нотариальной конторе имеются данные об отсутствии других наследников, кроме заявивших о выдаче свидетельства.

Наследник может отказаться от наследства. Об этом он также должен подать заявление в нотариальный орган.

Таковы в общих чертах основания наследования по закону и завещанию. При всем этом хотелось бы обратить внимание читателей на несколько особый порядок, установленный для распоряжения гражданами своими денежными вкладами в учреждениях Сберегательного банка. Нередко это вызывает недоумение у читателей.

Н. Дубинцев (Костромская обл.) пишет в редакцию: «Я похоронил жену, с которой прожил 21 год. Жили мы дружно. Был у нас совместный денежный вклад, который она хранила в сберкассе на свое имя. Я считал, что какая-то доля вклада должна принадлежать мне. Когда я обратился в сберкасса, то выяснилось, что жена сделала завещание на сына и дочь в равных долях.

Я обратился к нотариусу, она ответила, что по статье 561 ГК РСФСР ничего мне не положено, так как вклад завещан. Прошу, дайте мне подробный ответ».

Автора письма понять можно: рассчитывал на денежный вклад в сберкассе, а оказалось, что его уже нет. Единственное утешение, что деньги все же были завещаны и перешли к детям. А ведь вклад мог быть завещан и постороннему лицу.

Ничего не поделаешь. Закон есть закон. Граждане, имеющие

вклады в Сберегательном банке, имеют право сделать распоряжение о выдаче вклада в случае своей смерти любому лицу или государству.

В этих случаях вклад не входит в состав наследственного имущества и на него не распространяются установленные правила наследования. К примеру, здесь не применимо положение статьи 535 ГК РСФСР о праве на обязательную долю в наследстве.

А как быть, если гражданин, имеющий денежный вклад в учреждении Сберегательного банка СССР, не определил судьбу этого вклада, то есть никакого распоряжения о его выдаче на случай своей смерти не сделал? Закон предусматривает, что в данной ситуации вклад переходит к наследникам на общих основаниях по правилам о наследовании. Например, наследодатель никакого специального распоряжения о выдаче денежного вклада не сделал, однако оставил завещание, в котором определил судьбу всего своего имущества. В этом случае денежный вклад переходит к наследникам по завещанию. Здесь возможен его раздел между наследниками в соответствующих долях.

Другая ситуация. В завещании определена судьба только части имущества, распоряжение о выдаче вклада также отсутствует. В этом случае денежный вклад вместе с незавещанным имуществом переходит к наследникам по закону.

Разумеется, что при отсутствии завещания на имущество незавещанный денежный вклад выдается наследникам по закону.

В редакционной почте, касающейся вопросов наследования, есть и такие письма. В. Огуречный (Удмуртская АССР) пишет: «Я рано женился и поэтому вскоре разочаровался. Отношения с женой были натянутые. Начал выпивать, плохо относился к дочери. Как-то в командировке я познакомился с красивой женщиной. И остался с ней. Больше года прожил я у новой жены, не работая на предприятии. Но настало время, она меня выгнала. Началась бродячая жизнь. Все это время алименты дочери от первого брака не платил, за что меня судили. Случайно встретил односельчанина, и он рассказал мне, что моя первая жена умерла, а недавно в автомобильной аварии погибла дочь. Я поспешил обратиться к нотариусу о наследстве на усадьбу, которую я когда-то строил вместе с родителями. Однако нотариус сообщил, что я был лишен судом родительских прав и поэтому теперь не могу наследовать. Как же это так? Прошу редакцию помочь, так как жить мне негде, а старость наступает».

Что здесь можно сказать? Как говорится, долг платежом красен. А закон четко определяет, что не могут наследовать по закону родители после детей, в отношении которых они были лишены родительских прав и не восстановлены в этих правах на момент открытия наследства (ст. 531 ГК РСФСР, соответствующие статьи ГК других союзных республик).

Значительная доля писем читателей журнала касается госпошлины по наследственному имуществу. В. Кулиш (г. Брянск) просит: «Объясните мне, почему с сестрой за свой родной дом, где выросли, должны платить такую большую пошлину — 780 руб.? Выросли мы в деревне. А сейчас живем в городе, у обоих семьи».

Созвучно с этим письмо Г. Лужновой (г. Батайск): «После смерти родителей нужно было дом на себя переписать. Оказалось, что за него нужно доплачивать почти 600 руб., а не заплатишь, перехо-

дит колхозу. Ну это же невероятно! В законе нет никаких оговорок!»

Есть такая оговорка. Статья 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1979 года предусматривает освобождение от уплаты госпошлины граждан за выдачу им свидетельства о праве на наследство на жилой дом, если они проживали и продолжают проживать в этом доме после смерти наследодателя.

Что же касается авторов писем, то они в свое время, вероятно, проживали вместе с родителями, но затем покинули их, переселившись в город. Поэтому к ним указанная норма не применима, и они не освобождаются от уплаты госпошлины.

И. КОМИССАРЕНКО,
заслуженный юрист РСФСР

КНИЖНАЯ ПОЛКА

В декабре исполняется 41 год со дня принятия Всеобщей декларации прав человека. Так сложилось, что в нашей стране лишь немногие могли ознакомиться с ее текстом, поскольку она почти нигде не публиковалась.

И вот в издательстве «Юридическая литература» выходит в свет книга *Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов*, которая открывается текстом Всеобщей декларации прав человека. Помимо нее, читатель сможет ознакомиться с другими важнейшими международно-правовыми актами, запрещающими геноцид, апартеид, расовую дискриминацию, пытки, защищающими права женщин, детей и т. п.

Представляемый сборник включает в себя международные соглашения, как ратифицированные Советским Союзом, так и не ратифицированные им до 1 января 1989 года.

Книга безусловно заинтересует не только специалистов, но и широкий круг читателей. Она может служить хорошим справочным пособием всем интересующимся данной проблематикой.

Природа. Человек. Закон — так называется новая книга В. С. Городнинской и В. Ф. Иванова.

Она дает широкое представление о мире, в котором мы живем, о становлении и развитии биосферы как единого организма. Говоря о дне сегодняшнем, авторы поднимают проблемы защиты природы и человека от вредоносных воздействий «жизнедеятельности» людей, вскрывают несовершенство природоохранного законодательства.

Эта книга — своеобразный вклад авторов и издательства в развернувшееся в нашей стране экологическое движение.

С. СИДОРОВ

ЗНАКОМЬТЕСЬ: «ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК»

Если вы хотите быть в курсе повседневной работы Советского правительства, знать, как готовятся и выполняются его решения, если вы стремитесь принимать самое непосредственное участие в обсуждении экономических и социальных вопросов перестройки, оказывать личное влияние на работу государственных и правительственных органов, читайте и выписывайте новое еженедельное издание — «Правительственный Вестник» — орган Совета Министров СССР.

«Правительственный Вестник» — это своеобразная трибуна прямого диалога Правительства и народа. Это знание подробностей рассмотрения важнейших вопросов экономической реформы, знакомство с различными позициями и мнениями членов Правительства страны, работников аппарата Совета Министров СССР, министерств и ведомств, местных советских и хозяйственных руководителей, возможность понять их точки зрения, оценить стиль и методы работы.

«Правительственный Вестник» — это широкое участие читателей в обсуждении важнейших законопроектов, это живой обмен мнениями с ведущими учеными, видными хозяйственниками и специалистами, талантливыми рабочими, колхозниками и кооператорами, это рейды и экспресс-опросы, изучение общественного мнения.

«Правительственный Вестник» — это «Клуб молодых экономистов», участником которого на страницах газеты может стать каждый, у кого есть яркая идея, смелая мысль, интересное предложение, — словом, все, что может пополнить теоретический и практический арсенал радикальной экономической реформы.

«Правительственный Вестник» — это очные и заочные читательские конференции, «круглые столы» и дискуссии с участием руководителей центральных экономических органов, министерств и ведомств, ассоциаций и концернов, представителей администрации и советов трудовых коллективов предприятий и организаций. Это развернутые комментарии к важнейшим государственным решениям и данным статистики. Это «Заочная школа управленца», помогающая становлению советских менеджеров. Это разнообразная интересная информация в материалах рубрик: «Страницы истории», «Как выполняется постановление?», «Министерский телетайп», «Почта правительства: резонанс», «Назначения: страницы биографии и первые интервью», «Управление: зарубежный опыт» — и других.

«Правительственный Вестник» — это открытый канал для диалога всего населения с Правительством страны.

В 1990 году «Правительственный Вестник» будет выходить еженедельно. Стоимость годовой подписки — 5 руб. 16 коп., на 6 месяцев — 2 руб. 58 коп., на 3 месяца — 1 руб. 29 коп. Индекс — 50105.

Напоминаем: в розницу поступает ограниченное количество тиража «Правительственного Вестника», а вот подписка на него принимается с любого месяца и без ограничений.

ПО ПРОТЕСТУ ПРОКУРОРА

Товарищеский суд совхоза им. Черняховского Дубровенского района Витебской области за совершенное правонарушение подверг штрафу Ш. Сочтя это решение незаконным, исполком Дубровенского районного Совета народных депутатов обязал дирекцию совхоза отменить решение товарищеского суда.

Прокурор Витебской области, государственный советник юстиции 3-го класса Г. Молодцов направил председателю исполкома протест. Он указал, что решение товарищеского суда может быть обжаловано в профсоюзный комитет предприятия, учреждения, организации или в исполнительный комитет местного Совета народных депутатов. Указанные органы вправе отменить решение товарищеского суда и направить материал в тот же суд на новое рассмотрение либо прекратить производство по делу. Администрация предприятий, учреждений, организаций правом отмены решений товарищеских судов не наделена. Таким образом, получается, что, обнаружив незаконность решения товарищеского суда, исполком предлагает устранить допущенное нарушение опять же незаконным способом.

Протест прокурора удовлетворен.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА

Поздно ночью в дежурной части Ленинского районного отдела внутренних дел города Калуги раздался телефонный звонок. Срывающимся голосом девушка сообщила, что двое неизвестных отобрали у нее сумочку и убежали. В поиск преступников сразу включились все оперативные силы РОВД. И вскоре милицейский автопатруль, проезжавший по улице К. Цеткин, обратил внимание на двух молодых людей, в руках у одного из мужчин они увидели дамскую сумочку. Их было решено задержать.

Задержанными оказались В. Маркин и А. Хорошилов, ранее судимые за грабежи. Опешившие от такой быстрой развязки, грабители не отрицали, что несколько минут назад отобрали сумочку у незнакомой девушки. Хорошилов не отрицал и то, что сделали они это из корыстных побуждений. Но более опытный Маркин вскоре пришел в себя и представил случившееся в ином свете: молоденькая девушка им очень понравилась, и они решили познакомиться, а чтобы та, не дай бог, не отказалась, забрали у нее сумочку — «в залог».

Эта версия пришлась по душе и Хорошилову, и на суде они оба ее придерживались.

Потерпевшая, однако, нарисовала другую картину «знакомства»: двое мужчин преградили ей вход в подъезд и стали настойчиво тащить к себе сумочку. Девушка сопротивлялась. Тогда Хорошилов повалил ее на землю и вырвал сумочку.

В. Маркин и А. Хорошилов были признаны виновными в грабеже личного имущества, совершенном по предварительномуговору группой лиц (часть 2 статьи 145 УК РСФСР). Суд определил им наказание в виде лишения свободы: Маркину — на срок 3 года, Хорошилову — 3 года и 6 месяцев

Г. ТАРАСЕНКО

АЖУРНАЯ ЗАВИСТЬ

В маленьком венгерском городке случилось чрезвычайное происшествие: у одной женщины украли скатерть, истинное произведение искусства.

Этому ЧП предшествовали такие события. Весь городок знал двух подруг-кружевниц: Еву Табори и Бланку Лунц. Говорили, что у первой талант от самого Господа Бога: кружева у нее получались что ни год, то ажурнее и воздушней. У Бланки же мастерство росло куда медленнее. И художественные достоинства ее поделок можно было расхваливать, только кривя душой. Удивительно ли, что в сердце Бланки зародилась и незаметно достигла опасного накала зависть.

Бесталанная кружевница часто бывала дома у своей талантливой подруги, пыталась у нее секреты мастерства, которые та не очень-то и таила, даже срисовывала наиболее удачные узоры. Так продолжалось до поры, пока из дома Евы не пропала очень дорогая кружевная скатерть, которую она накануне закончила плести по заказу одного кооператива, имеющего прямые связи со знаменитым парижским салоном.

Подозрение пало на частую гостью. Во время обыска у нее в квартире нашли прелестную ажурную скатерть, которую потерпевшая опознала как свою. Бланка Лунц, однако, отрицала факт кражи и утверждала, что действительно часто бывала в гостях у своей закадычной подруги, даже брала у нее уроки мастерства. Скатерть, которую плела Ева, ей очень понравилась, и она срисовала ее причудливые узоры. Чтобы доказать подруге, что и она кое на что годна, решила связать точную копию. Так что скатерть, обнаруженная при обыске, вовсе не ворованная, а сплетена ею собственноручно.

Для проверки было решено провести следственный эксперимент. За несколько часов работы Бланка сплела левый верхний угол скатерти. Рисунок получился очень похожий, но все же не совсем такой, как у оригинала. Эти отступления подозреваемая объяснила своим естественным волнением и необычностью условий — вязала при посторонних людях и очень спешила. Пришлось назначить технологическую экспертизу, которая установила, что сплетенные Бланкой Лунц кружева по стилю работы не соответствуют изъятой скатерти. Не тем оказался, если можно так выразиться, профессиональный «почерк» кружевницы. Зато...

Зато найденная у нее скатерть ничуть не отличалась от той, что была запечатлена на фотокарточке интерьера гостиной дома Евы Табори, которая, прежде чем передать заказ представителю кооператива, решила сфотографировать скатерть на память у себя на столе. Потом пришла подруга, принесла бутылку «Дебря». Ева завернула скатерть в полотно и спрятала в комод, который никогда не запирался. Они в тот вечер долго болтали о всякой всячине, пили вино, обмывая завершение долгой работы. Хозяйка отлучалась по делам в другие комнаты... А наутро, ожидая покупателя, обнаружила пропажу.

Так ажурная зависть привела кружевницу Бланку Лунц на скамью подсудимых.

Е. ИЩЕНКО

Наш корреспондент вернулся «из дальних странствий»... Читайте беседу П. Моргунова «Неистовый «Гринпис».

Журналист В. Стерин размышляет об истории... одной истории «болезни».

«Полемические заметки» — так назвал свое письмо в редакцию инженер В. Малышев, который пишет об острой проблеме сервиса.

Ежегодно на острове Сардиния с весны до поздней осени проходят международные парусные регаты, европейские и мировые первенства в разных классах яхт. В них принимают участие сотни экипажей многих стран мира.

5 июня этого года из города Сочи две крейсерские яхты «Ника» (капитан Александр Прокопенко) и «Мираж» (капитан Валерий Алексеев) стартовали к далекому курорту с мировым именем Порто-Черво для участия в регате.

Пройдено пять морей, за кормой осталось 2,5 тысячи миль, прежде чем «Ника» и «Мираж» пришвартовались в гавани яхт-клуба «Коста-Смеральда», что на Сардинии.

«Главное событие на острове — приход советских яхт», — так отметили пресса, телевидение Италии, Сардинии, Франции, Монте-Карло участие в регате наших яхтсменов.

Но сенсация не главное в нашем походе. Двадцать советских яхтсменов, представителей различных специальностей: рабочих, инженеров, врачей, юристов и журналистов — в многочисленных встречах в портах Турции, Греции, Италии еще раз убедились в том, что у людей, живущих на Земле, общие проблемы, увидели растущий интерес к происходящим у нас на Родине переменам.

Поход «Ники» и «Миража» к берегам Сардинии в значительной степени стал возможен благодаря благотворительной помощи кооперативов. Столичные кооперативы «Кропоткинская-36» (председатель Андрей Федоров) и «Фонд» (председатель Вадим Розенбаум) стали спонсорами похода.

Путешествие — это контакты, обмен информацией, и, право, нам всем было о чем говорить с людьми, с которыми удалось встретиться: с командованием военно-морской базы ВМС Италии, с членами Общества итало-советской дружбы, с представителями спонсора всей регаты — парходной компанией «Navarma Leins».

НЕИСТОВЫЙ «ГРИНПИС»

Сказано: «Случай ненадежен, но щедр». Уж сколько раз убеждался в справедливости этих слов, но такой удачи, какая приключилась на далеком итальянском острове Сардиния, честно говоря, не ждал.

Тут надобно объясниться. На Сардинию я попал в качестве участника международной парусной регаты, ежегодно проводимой на этом острове в курортном местечке Порто-Черво. И это само по себе было удачей. Но я еще рассчитывал и на другую, репортерскую: уж очень хотелось встретиться и побеседовать с представителем международной организации «Гринпис», которая известна во всем мире своими акциями в защиту окружающей среды, и особенно морей, причем акциями, которые многие считают не только экстравагантными, но и входящими в противоречие с существующими законами. Этот аспект меня как представителя журнала «Человек и закон» и интересовал в первую очередь.

Во всех портах, куда мы ни заходили, я пытался связаться с представителями «Гринписа», но тщетно. И вот, когда до отхода из Сардинии оставался всего лишь день, на нашей яхте появился невысокого роста средних лет человек в сопровождении миловидной девушки, как выяснилось впоследствии, его дочери. Представился — Джулио Романо Пироци, активный участник местного отделения «Гринписа». Узнал из итальянских газет об участии советских яхт в регате и пришел побеседовать с советскими людьми. Вот так и состоялась наша беседа, которую я и предлагаю вниманию читателей.

— Синьор Пироци, к движению «Гринпис» в мире отношение неоднозначное. Многие считают, что вы боретесь за охрану окружающей среды, за благородное и нужное дело, недозволенными, а то и противоправными методами. Что вы думаете по этому поводу?

— Вопрос, конечно, непростой, и надо сказать, что некоторые основания для такой его постановки действительно существуют. Но мы идем на это сознательно. Дело в том, что природе, всему живому на Земле сейчас наносится такой большой вред, что обычными средствами тут ничего не сделаешь. Мы сознательно идем на рискованные акции, чтобы привлечь внимание общественности к той или иной экологической проблеме. Например, участники «Гринписа» взобрались на статую Свободы и вывесили плакат с требованием запретить ядерные испытания, помешать движению японских и советских китобойных судов. И это прозвучало гораздо заметнее обычных запретов и представлений.

Многое в деятельности нашей организации объясняется личностью ее создателя Дэвида Мактэггарта. Это весьма примечательный человек. Он уроженец Канады, ему 57 лет, и ярким защитником природы он стал только в начале 70-х годов. До этого у Дэвида была строительная компания, затем он стал вице-президентом строительной компании, владевшей лыжным курортом в Калифорнии. В 1969 году этот курорт сильно пострадал в результате взрыва газа. И с тех пор Дэвид как бы прозрел. Он бросил предприни-

мательство, купил яхту «Вега» и три года провел в водах Тихого океана, борясь за его сохранение. Интересно, у вас в стране знают об этом?

— Да, наши газеты писали о яхте «Вега» и ее капитане. Мы знаем о предпринятой им акции протеста недалеко от атолла Муру-роа, где Франция планировала провести ядерные испытания.

— Ну тогда вы, наверное, знаете, что за этим последовало. Французские ВМС протаранили «Вегу» и не дали ей продвинуться в зону полигона. Скажите, это было правомерным, законным действием? А ведь второй подобный протест закончился еще более трагически: французские «коммандос» напали на экипаж яхты Дэвида, серьезно повредили ему глаз. И если мы говорим о законности, то как тут не вспомнить и тот факт, что принадлежащее «Гринпису» судно «Рейнбоу Уорриор» было взорвано агентами французских спецслужб у берегов Новой Зеландии?

Но Мактэггарт уже ничто не могло остановить. В 1977 году он переехал в Лондон и организовал независимую организацию «Гринпис». Из поначалу слабоорганизованного движения, состоящего из независимых групп в США, Канаде и Европе, Дэвид за пять лет сумел создать мощную международную организацию. Сейчас в ее рядах объединено более трех миллионов человек. «Гринпис» имеет более 30 филиалов в 19 странах мира, ее бюджет составляет 100 миллионов долларов, в распоряжении организации имеется свой флот. Словом, «Гринпис» превратилась в серьезную силу, причем Мактэггарт твердо настаивает на том, чтобы его организация в борьбе за охрану окружающей среды была абсолютно свободна от влияния со стороны правительства любого государства. Мы ни от кого не зависим, никому не подчиняемся и руководствуемся в своей деятельности девизом Дэвида Мактэггарта: «Первое, о чем надо помнить: вы боретесь за то, чтобы ваши дети оказались в XXI веке, и к черту правила!»

— Сказано сильно. Но все же вы, видимо, используете в своей деятельности и те права и возможности, которые вам дают законы об охране природы, не так ли?

— Стараемся использовать, но из этого мало что выходит. Законы об охране окружающей среды существуют во многих странах, но беда в том, что они сплошь и рядом не соблюдаются, игнорируются. Ну вот, скажем, в Италии существует закон об охране природы. Рядом с Сардинией расположен остров Мадалена, куда заходят военные корабли, атомные подводные лодки и тем самым наносят большой ущерб природе. И сколько мы ни взывали к закону, добиться отмены захода военных кораблей на Мадалену не смогли. Мы привлекли к этому вопросу внимание общественности, настаивали на проведении референдума, но центральные власти Италии воспротивились этому. Они хорошо понимали: если бы такой референдум состоялся, народ бы единодушно проголосовал против захода военных судов на Мадалену.

— Ну, а как же тогда вы практически боретесь за охрану окружающей среды Сардинии, коль скоро закон вам не помощник?

— Главная наша опора — сила общественного мнения. И это солидная опора. Мы стараемся привлечь внимание общественности к тому плачевному положению, в котором по нашей общей милости оказывается природа. Взять хотя бы нашу Сардинию. На побережье острова живет 16 000 человек, а летом, с наступлением курортного сезона, эта цифра возрастает до 100 000. Рекреационные нагрузки на

природу соответственно усиливаются во много раз, а ведь запас прочности у нее не беспределен. Вот мы и стараемся с помощью общественности, студентов заставить власти обратить внимание на экологические проблемы, выделить средства на охрану окружающей среды: моря, рек, лесов. В нашем распоряжении имеется немало способов, начиная от организации манифестаций и кончая выпуском специальных листовок, повествующих о той или иной экологической проблеме, организация публикаций в журналах и газетах, широких дискуссий для граждан по проблемам, которые их непосредственно касаются. Тут мы идем путем «народной дипломатии», стремимся к тому, чтобы возможно большее число людей осознало трагические последствия экологической катастрофы и активно включилось в борьбу за их предотвращение. Такая тактика дает свои плоды, и довольно часто нам удается добиться своего.

— А велика ли ваша организация на Сардинии?

— Не очень. Она объединяет менее 100 человек, но зато все они убежденные и горячие защитники природы. Каждый из них, можно сказать, стоит десятка. Взять хотя бы такого активного члена нашей организации, как Джон Хоук, который является почетным президентом нашего филиала. Это крупный ученый, геофизик, который помогает нам делать анализы окружающей среды, активно участвует в проводимых нами мероприятиях по сохранению популяции средиземноморских дельфинов, оказывает организации заметную материальную помощь. И таких людей, повторяю, у нас немало.

— Вы упомянули о дельфинах. Неужели этим превосходным животным что-либо угрожает? Во время перехода в Сардинию у нас сложилось впечатление, что это не так: мы довольно часто встречали дельфинов.

— Да, вы имели возможность их наблюдать, и это отрадно, как отрадно отметить и тот факт, что промысел на дельфинов у нас запрещен. Но беда в том, что серьезная опасность угрожает не дельфинам, а самой среде их обитания — Средиземному морю. Оно превратилось в море высокого риска. Уникально богатому, но в то же время и очень уязвимому живому миру этого сравнительно небольшого моря угрожает большая опасность. Ежегодный выброс городских и промышленных отходов в воды моря составляет астрономическую цифру 1 700 000 000 кубометров! Из-за этого многие морские животные, такие, например, как тюлень и морская черепаха, находятся на грани исчезновения. Вокруг Средиземного моря расположено 15 стран с 350-миллионным населением. Так что проблема сохранения этого моря может быть решена только совместными усилиями. «Гринпис» — как раз та организация, которая может и должна соединить эти усилия воедино. Мы боремся за то, чтобы Женевская декларация об охране Средиземного моря, подписанная всеми странами Средиземноморья (за исключением Албании), не осталась только на бумаге, а обрела силу обязательного для исполнения закона. Этот документ предлагает план действий из 10 пунктов, в числе которых такие важные, как восстановление использованных вод для судов-цистерн, строительство очистных сооружений для всех городов на побережье, защита территорий, находящихся под угрозой возникновения лесных пожаров.

— Но ведь вы говорили, что ваша организация в борьбе за охрану окружающей среды старается быть абсолютно свободной от влияния со стороны правительства любого государства. Как же вы

тогда намерены оказывать давление на эти государства? Какой тут действует механизм?

— Есть такой механизм. Это межгосударственные организации, и прежде всего ООН. Высокий уровень научных изысканий, независимость от партийных и правительственных связей сделали возможным официальное признание «Гринписа» Организацией Объединенных Наций, что дало нам право присутствовать на всех конференциях ООН по вопросам окружающей среды. Существование «Гринписа» признано также другими международными организациями, такими, как МКМ (Международная китовая комиссия) и Барселонская конвенция. Трибуну и авторитет этих организаций мы и намерены использовать для того, чтобы законы об охране окружающей среды неукоснительно выполнялись всеми государствами.

— Позвольте, синьор Пироци, задать вопрос личного характера. А как вы сами пришли в движение «Гринпис»?

— О, это случилось как-то само собой. Я с детства любил природу, и эта любовь осталась у меня на всю жизнь. Я долгое время сотрудничал в качестве фоторепортера с рядом римских газет, в основном с «Эспрессо ди Рома», часто снимал природу. Кроме того, десять лет отдал работе в Римском зоопарке, где снимал животных. Привлекали меня и для съемок земли с самолета в инфракрасном излучении. И я имел возможность воочию убедиться, как беззащитна перед нами природа, какой порой непоправимый вред мы ей наносим. А вернувшись на Сардинию, откуда родом, я увидел, что некогда благословенная и в свое время пребывавшая в относительно благополучном положении природа моего родного острова тоже нуждается в защите. Отсюда логический шаг в сторону «Гринписа». Вот и дочку — Сюзет-Катюшу — сделал активной сторонницей и участницей этого движения.

— Интересное имя у вашей дочери.

— Да, я именно так ее зову, хотя от рождения ей дали имя Сюзет. А второе имя объясняется тем большим интересом, любовью и уважением, которые я испытываю к вашей стране. Особенно в последнее время, когда у вас происходят такие интересные события. Я так много о них говорю, что моя дочь шутит: «Скоро ты меня начнешь называть Сюзет-Катюша-Перестройка». А что, неплохая мысль, не правда ли? Но если говорить без шуток, то надо отметить: в Италии, как и во всем мире, внимательно следят за ходом вашей перестройки, и многие от всей души желают ей успеха. Поверьте, это не просто слова. Все мы в этом мире взаимосвязаны. Катастрофа в Чернобыле наглядно показала всему миру, что чужого горя на планете Земля не бывает, что все мы должны быть заинтересованы в том, чтобы у всех соседей наших — дальних и близких — все было в порядке, чтобы дела ладились и шли хорошо. Я верю: дело перестройки в вашей стране непременно победит, и тогда Советский Союз, который и так выступил на международной арене с целым рядом ценнейших природоохранных инициатив, сумеет внести еще более весомый и зримый вклад в дело охраны окружающей среды.

* * *

Такую вот неожиданную встречу и интересную беседу на далеком острове Сардиния подарил мне случай, про который верно сказано: «Ненадежен, но щедр».

«КАЛИТКА ЗАПЕРТА, И ВО ДВОРЕ СОБАКА...»

ИСТОРИЯ ОБ ИСТОРИИ ОДНОЙ «БОЛЕЗНИ»

Так сложилось, что в обществе настороженно относятся к психически больным людям. Если, допустим, человека приглашал на прием врач-психиатр, то окружающие косо поглядывали на него. А уж если кого-то ставили на учет у районного психиатра, служебная карьера его кончалась — ни одна организация не принимала его на работу, коль узнавала такие подробности из его биографии.

До недавнего времени считалось, что говорить о методах работы наших врачей-психиатров нельзя, это, мол, профессиональные секреты. Однако обстановка гласности высветила многие, копившиеся годами проблемы, вытащила на свет такие факты, которые десятилетиями лежали в темных и сырых углах нашего общего дома. И одной из болевых проблем оказалась та, что иной раз наши врачи-психиатры по просьбе власть предержащих делали абсолютно здоровых людей больными, якобы требующими лечения и учета по месту жительства. О таких вопиющих фактах мы узнали совсем недавно из газет и журналов. Узнали о судьбе стропивого председателя колхоза из Латвии И. Яхимовича, о судьбе известного юриста Б. Проценко и рабочего В. Мостового. Все они были признаны шизофрениками, все они содержались не один день в сплошной изоляции от внешнего мира.

Однако история, о которой я хочу рассказать, даже на этом фоне фантастична. Поверить, что все так могло быть еще вчера, просто невозможно. Да, мы много знаем примеров, когда по требованию или просьбам «руководящих товарищей» людей признавали «психбольными» недобросовестные врачи-психиатры. Знаем, как незаконно ограничивали дееспособность здоровых людей и помещали их на бессрочный срок в больницы, тем более что до января 1988 года действовал приказ Минздрава СССР за № 60 от 11 февраля 1964 года, который давал психиатрам право поставить практически любого гражданина на учет в психоневрологический диспансер по месту жительства. И ни один прокурор до недавнего времени не считал своим долгом проверять законность помещения в психбольницу людей... Но я говорю о тех несчастных, которых хотя бы осматривал врач в больнице.

В моей же истории отсутствует даже это условие — с человеком расправились анонимно. Втайне объявили его шизофреником, втай-

не поставили на учет, втайне наблюдали за ним — и только на запросы разного ранга руководителей открыто писали: «на учете состоит, страдает шизофренией вялотекущей...» А тот, кто якобы «страдал вялотекущей шизофренией», и не подозревал, отчего ему отказывают в праве на работу, отчего на его жалобы в центральные органы партии и государства нет никакого ответа. Человек, о котором пойдет речь, не месяц, а долгие годы не мог найти работу и жил вместе с матерью, инвалидом второй группы, на 20 рублей ее месячной пенсии.

Произошла эта история не где-то в таежной глубинке, а всего в десяти минутах езды от столичных окраин, в зеленом и уютном городе Красногорске. Хотя, положив руку на сердце, могу с уверенностью сказать: она могла произойти в любой точке нашей страны.

Ну а теперь пора перейти к делу.

Врач-хирург Б-кая Эльвира Вячеславовна, 1933 года рождения, проживающая в Красногорском районе, 17 лет состояла на учете в психоневрологическом отделении Центральной районной больницы с диагнозом: «шизофрения вялотекущая». Хотя она и до сих пор не знает, а где же находится это самое психоневрологическое отделение.

Представьте, что кому-то по чьей-то прихоти поставили диагноз «СПИД» или «сифилис» и 17 лет держали в связи с этим на учете без лечения и наблюдения. Поставили этот диагноз, заведомо зная, что подобного заболевания у пациента нет! Нет, хотя бы потому, что у него не брали кровь на анализы, что его не осматривали. Однако в психиатрии не нужны анализы. Здесь главное — поведение человека. Следовательно, требуется изучать личность во многих обстоятельствах, наблюдать отклонения и т. д. Да мало ли что нужно объективному врачу? Врачу, давшему клятву Гиппократу и этим самым обрекшему себя на служение страждущим людям. Но медикам, озабоченным собственным благополучием, не до клятвы Гиппократу. Она им не нужна. Им нужно указание. И такое указание поступило. Оно подклеено к амбулаторной карте Э. В. Б-кой. Каждое свидетельство, которое я привожу, в этой карте зафиксировано. Все направления и запросы аккуратно подклеены. Нет в этой карте только назначений врача и названий лекарств, которые должна была принимать «страдающая вялотекущей шизофренией». Их и быть не могло. Б-кая ни сном ни духом не ведала, что ее «лечат» от шизофрении и наблюдают в связи с подобным заболеванием.

Приведу документ, который стал поводом для расправы и издевательств над человеком в течение долгих 17 лет!

«6 декабря 1972 г.
№ Н-17

Прокурор Красногорской городской прокуратуры Московской области

РАЙОННОМУ ПСИХИАТРУ КРАСНОГОРСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГОРБОЛЬНИЦЫ т. ЯЛОВОМУ А. Я.

По встретившейся надобности для ответа на многочисленные жалобы гр-ки Б-кой Э. В., адресованные в различные областные организации, прошу сообщить справкой, не страдает ли Б-кая психическим заболеванием и какой характер заболевания?

Старший советник юстиции
М. Савичев»¹.

¹ Документы, цитируемые в статье, приводятся дословно.

По-разному можно относиться к подобному посланию прокурора города Красногорска. С одной стороны, мы прекрасно знаем, есть множество людей, которые пишут жалобы даже в ООН на предмет изобличения во всех тяжких грехах дворника дяди Васи или сигнализируют во все инстанции, включая ОБХСС и Минсобес, что сосед Петр Ильич — натуральный инопланетянин. Есть такое заблуждение. Но жалобы, принадлежащие больным людям, можно отличить сразу по их алогичному содержанию. Ну а отчего и почему жаловалась в «различные областные организации» гражданка Б-кая из поселка Опалиха?

Несколько слов для прояснения ситуации, хотя оговорюсь сразу — я не исследую трудовой конфликт Б-кой. Задача этой статьи в другом.

Но — по порядку.

Работала Э. В. Б-кая хирургом в окружном госпитале. И почему-то не приглянулась начальству. Ну что ж, бывает. И от нее решили избавиться. Короче, хирурга Б-кую уволили за прогул. Она стала жаловаться на начальника госпиталя в самые различные инстанции — Главному военному прокурору, Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу. Ее жалобы, как было принято, возвращались в город Красногорск именно к тем людям, на которых она жаловалась. Вот отчего возникло письмо городского прокурора районному психиатру А. Я. Яловому. Наверно, думал тогдашний прокурор Красногорска, если Б-кую признают «не в себе» и поставят на учет в ПНД, то на жалобы можно будет не реагировать и с начальником госпиталя отношений не портить. В небольшом районном городке это далеко не маловажное обстоятельство, — медики многое могут, с ними надо всегда водить дружбу. Так или не так думал прокурор, выяснить сейчас невозможно, но судьба бывшего врача-хирурга была решена!

Прочитав послание прокурора, участковый врач-психиатр А. Ф. Красавина отправилась на квартиру Б-кой. Дальнейшие действия врача, по-моему, ясны — приказ Минздрава СССР за № 60 от 11 февраля 1964 года требует: психиатр должен представиться и побеседовать с предполагаемым (!) больным. Представиться и побеседовать!

А вот как это требование приказа было исполнено в реальной жизни. Взглянем на первую запись врача в амбулаторной карте Б-кой:

«28.12.72 г. Обследована врачом (??) на дому по заданию прокурора. Больная¹ проживает в частном доме с матерью-пенсионеркой и братом-студентом. В доме грязно, захлавлено, не прибрано. Больная одета неопрятно, не причесана. Не знала, что разговаривала с врачом». Прервемся на секунду. Ну а как же четкие требования приказа Минздрава СССР № 60 от 11 февраля 1964 года? За кого же принимала Б-кая пришедшую к ней на дом Красавину?

— Пришла женщина и стала задавать вопросы о моем трудоустройстве. Я подумала: проверять ей поручили какую-нибудь из моих многочисленных жалоб. Да я и не выясняла, кто она была!

Зря, конечно, не выяснила. Потому что закончилась беседа Красавиной с Б-кой такой вот безжалостной записью: «Многоречива,

¹ Во врачебной практике каждый гражданин, с которым беседует врач, называется больным.

обстоятельна, на вопросы отвечает по существу. Убедлена в справедливости своих притязаний(?)... Называет начальника госпиталя самодуром, который испортил ей жизнь... Круг интересов сужен трудоустройством в ОВГ».

Ну чем не прелесть врач-психиатр Красавина, инкогнито беседующая с пациенткой? Как может психически нормальный человек осмеливаться назвать самого (!) начальника госпиталя самодуром, испортившим ей жизнь? Так или не так рассуждала врач Красавина, неизвестно, но свой приговор коллега она вынесла безапелляционно: «Диагноз: Шизофрения вялотекущая...».

Читая эту запись, так и хочется себя ущипнуть: не сон ли это? Не театр ли абсурда? Чем не Королевство Кривых Зеркал? Все понятия навыворот... Какие в этой мимолевой беседе, в ответах Б-кой «по существу» и «обстоятельных» Красавина усмотрела симптомы шизофрении?

После этой записи жизнь Э. В. Б-кой коренным образом изменилась. Если раньше на ее жалобы отвечали, то теперь наступило молчание: письма словно кто-то глотал. Даже если ей обещали работу, то на следующий день, стыдливо отводя глаза, кадровики врал: мол, уже взяли на свободное место человека. Понятно, почему они лгали. В карточке есть запросы из разных медучреждений Москвы и района: «Сообщите, стоит ли на учете и каков характер заболевания?» Сообщали в ПНД № 17 Тушинского района Москвы и 97-ю поликлинику того же района, в Красногорский горвоенкомат и в другие учреждения. Четким почерком писали на обороте этих запросов: «Ответ дан». И дата. И подпись. Канцелярская машина работала без перебоев, перемалывая судьбу ни в чем не повинного и ничем не больного человека.

Но зададимся наконец вопросом: если человека признали больным и поставили на психиатрический учет, то его надлежит лечить? Или по крайней мере за ним надо постоянно наблюдать...

Наблюдали! Исправно. Но — инкогнито! Через калитку!

Вот некоторые записи из амбулаторной карты Э. В. Б-кой:

«19.VI.74 г. Посещение врачом на дому. Больная была дома, но калитку не открыла, от бесед с врачом отказалась. Заявила, что она врача не вызвала, здорова. У соседей выяснено: больная нигде не работает, ни с кем не общается, в дом никого не впускает. Мать перенесла операцию на головном мозгу (?!). Отец живет отдельно, брата не видно месяца три. КРАСАВИНА».

Ну никак не получается у психиатра Красавиной анамнез болезненного состояния Б-кой!

И что же это за врачебное наблюдение: «у соседей выяснено»? Мало ли что могут наговорить соседи!

И почему Б-кая должна действительно говорить с незнакомым человеком? Ведь она совершенно не информирована, что является учетной больной по милости Красавиной! Что не случайно пришел к ней врач на дом... Да-а, впервые я вижу, что симптомом психического заболевания может быть нежелание пускать в свой собственный дом посторонних людей.

Но вчитаемся в дальнейшие записи амбулаторной карты:

«15.12.75 г. Посещение врачом на дому. Калитку никто не открыл. Во дворе большая собака. Сведения получены от сотрудников в Опалиховской амбулатории. Больная нигде не работает. Обращалась в поликлинику с просьбой принять хирургом, в чем ей было отказано. КРАСАВИНА».

А я размышляю: ну как спалось после таких записей самой Красавиной, которая методично, из года в год, зная, что перед ней здоровый человек, делала вид, что наблюдает за больной? Которая из года в год отправляла в разные учреждения лживые бумаги, а они, в свою очередь, закрывали перед человеком любую дорогу... И оставался только тупик. Что грозило Красавиной, если бы она однажды заявила своему начальству: ничем не больна Б-кая, мы творим обман, с нас когда-нибудь могут спросить по всей строгости закона. Да ничего бы ей не было... Хотя как знать... Уж слишком много было накручено в районе вокруг этой фамилии. Главврач Красногорской ЦРБ Волохов Б. Э. недвусмысленно дал понять Б-кой: пора ей на ВТЭК. «На ВТЭК здоровому, ничем не болеющему человеку?» — изумилась Б-кая. Главврач ехидно улыбнулся: «Это вы-то не болеете?». Тогда она узнала, что состоит на учете в ПНД. Через восемь лет после первого визита врача!.. Состояние этой женщины в тот момент я описывать не берусь. Нет для этого у меня слов!

А Красавина творила незаконные и верила: никто об этом никогда не узнает. Психиатрия у нас в стране охранялась так же, как секретные объекты на космодроме. И доступ к ее «тайнам» и ее «художествам» никому и никогда не открывался.

Даже осужденные преступники имеют права. Тем же, кого по указке начальства объявили психбольным, рассчитывать было не на что. Ограничивали их свободы и права на самостоятельную жизнь.

...«02.VI.76 г. Посещение врачом на дому. В дом войти не удалось, так как калитка была заперта и во дворе собака. Со слов соседей — видят часто больную на улице. Она ни с кем не общается, в дом никого не впускает. Работает ли — никто не знает. КРАСАВИНА».

Итак, больную врач не наблюдает, поскольку ее не видит. Не может он в связи с этим и составить четкое представление о ее болезни. Но тем не менее справки о состоянии ее здоровья дает направо и налево.

«28.VI.77 г. По телефону беседа с секретарем горкома партии. По поводу жалобы больной. Сообщено, что стационаризовать больную не удалось с целью обследования и уточнения диагноза. Врач ЛЕВИЦКАЯ». А между прочим, такие сведения по телефону категорически запрещается давать кому бы то ни было!

Итак, диагноз не уточнен, но по телефону отвечают:

«77 г. 17.5 На имя главврача ЦРБ по телефону передана справка, что Б-кая Э. В. состоит на учете (требует трудоустройства). КРАСАВИНА».

Вот таким образом ей отказывали в праве на работу...

В этой истории, к счастью, нет трагического конца. Э. В. Б-кая наконец нашла работу по своей специальности. Она работает в одной из поликлиник Тушинского района Москвы. Однако до недавнего времени косые взгляды коллег и начальства еще преследовали ее. Все знали, что она «на учете в психушке». И была она на учете до 27 июня 1989 года. Семнадцать лет!

Хотя еще год назад в Красногорске должны были ее снять с учета. В январе 1988 года появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об утверждении Положения об условиях и порядке оказания психиатрической помощи». Уже был издан на основании этого Указа приказ министра здравоохранения СССР «О мерах по

дальнейшему совершенствованию психиатрической помощи...» Правда, применительно к нашей истории «дальнейшее совершенствование» звучит прямо-таки двусмысленно. Но одно без всяких сомнений ясно: на основании этих новых документов врачи в Красногорском ПНО ЦРБ должны были вернуться к вопросу о правомерности постановления Б-кой на психиатрический учет и официально извиниться перед ней, наказав виновных за многолетние муки и издевательства над ее человеческим достоинством. Но, увы... еще в 1988 году медсестра сделала последнюю запись в амбулаторной карточке (уже книге!): «Состояние удовлетворительное (видимо, со слов соседей или взглянув через калитку во двор.— Прим. авт.). Работает. Жалоб нет».

Снимали с учета Б-кую на комиссии Московской областной клинической психиатрической больницы в присутствии старшего помощника Красногорской прокуратуры А. А. Зачесова. Автора этих строк на комиссию не допустили. Председатель комиссии, заместитель главного врача больницы В. Я. Евтушенко — очень мягкий, интеллигентный человек. Даже ласковый на первый взгляд.

— С кем вы согласовали свое присутствие на нашей комиссии? — вкрадчиво, с улыбкой спросил меня Валерий Яковлевич.

Ну с кем я мог согласовать? И надо ли присутствию на комиссии с кем-то согласовывать? Ведь зон, закрытых для печати, у нас теперь нет?

— С ЦК КПСС и лично с М. С. Горбачевым! — пошутил я.

— Значит, с нашим непосредственным начальством не согласовывали?

Непосредственным начальством В. Я. Евтушенко был главный врач больницы, которого в тот день не было. Поэтому «начальством», которое могло решить этот вопрос, был сам Евтушенко. И он его «решил».

— С термином «врачебная тайна» вы знакомы?

Мои доводы, что больная не возражает против моего присутствия, никакого действия не возымели. Евтушенко был непреклонен.

Несколько часов в коридоре я ожидал решения. Комиссия решила: первоначальный диагноз — вялотекущая шизофрения — подтверждения не находит, с учета Б-кую снять! Но, видимо, никуда нельзя спрятать тот факт, что при первичном осмотре врач не представилась Б-кой, что наблюдение за поставленным на учет человеком не велось. А психиатрам из комиссии очень хотелось как-то выгородить своих коллег. И родилась на свет такая вот фраза:

«Ретроспективный анализ записей первичного осмотра врача от 28.12.72 г. дает основания допустить наличие у больной (?) в тот период реактивного состояния, обусловленного психотравмирующей ситуацией, что в тот период требовало постановки ее на психиатрический учет в соответствии с п. 1 инструкции об учете больных с впервые установленным диагнозом психического заболевания, утвержденной приказом Минздрава СССР № 60 от 11 февраля 1964 года. Комиссия отмечает поверхностный характер записей первичного психиатрического осмотра (формально описан психический статус, нечеткий анамнез), что затрудняет решение вопроса о правомерности выставленного диагноза. Заявительница осталась довольна решением комиссии».

Двусмысленности и обтекаемости этого документа приходится только удивляться. Да, у нее было реактивное состояние, вызванное психотравмирующей ситуацией! Да ведь и у каждого из нас, необос-

нованно уволенных с работы, будет это состояние! Так что это за психиатры, которые не могут отличить обычный житейский стресс от психического заболевания? И уж совсем неизвестно, для кого написана эта фраза — «Заявительница осталась довольна решением». Нет, не осталась она довольна этим решением! Да и мы разочарованы: виновные в этой длительной истории «болезни» не названы. И не наказаны.

Значит, и сегодня, как видим, мы совсем не хотим признавать своих ошибок, и для того, чтобы избежать ответственности, есть у чиновников все возможности. Можно с каждой трибуны говорить о своей верности идеям перестройки, а в реальной жизни по-прежнему жить по старым канонам, базирующимся на одном постулате — начальство всегда право. Но, может, действительно хватит критики ради критики? Пора делать серьезные выводы! Пора!

И, разумеется, у меня остался прямой вопрос: а согласуется ли с духом времени позиция заместителя главного врача Московской областной психиатрической клинической больницы В. Я. Евтушенко? Может, на него ответит главный психиатр страны?

Надеемся, ответ не заставит себя ждать долгие 17 лет...

«ОКНА ПЕРЕСТРОЙКИ»

— Молодцы, здорово припечатали бюрократов!

— Да, неплохо, но толку-то...

— Безобразие! Совсем распустились, малюют, что хотят, и никакой на них управы...

Эти реплики услышал недавно на Пушкинской площади, у входа в метро, где разместились «Окна перестройки» — постоянная экспозиция сатирических плакатов.

Особенно многолюдно здесь по пятницам. В этот день по строго установленному порядку в «окнах» вместо семи «отстрелявших» плакатов выставляют столько же новых. И со дня открытия, то есть с мая прошлого года, четкий ритм обновления экспозиции ни разу не нарушался. Через этот вернисаж под открытым небом «прошли» свыше 400 сатирических листов, и каждый из них был неизменно помечен одним и тем же «фирменным» знаком — три карандаша на фоне человеческого глаза, символизирующим единство творческих и жизненных позиций известных московских художников-карикатуристов: Джангира Агаева, Валерия Мохова и Юрия Черепанова.

— Начинали мы тяжело, — вспоминает Д. Агаев. — Идея об оперативном сатирическом плакате родилась весной 1987 года на шестом съезде Союза журналистов страны, где нам довелось работать в качестве художников в составе пресс-группы. Недостатки в работе ведомств или конкретных лиц, звучавшие с трибуны съезда, мы быстро «переводили» на язык сатирического рисунка, выставляли «горячие» листы в холле и следили за реакцией делегатов. Опыт удался, но до «Окон перестройки» был долгий путь хождения по служебным кабинетам.

Сегодня художники не скрывают, что, если бы не поддержка горкома партии и редакции газеты «Московская правда», им было

бы трудно воплотить в жизнь свою творческую формулу «Сегодня событие — завтра плакат». Чего греха таить, поначалу многие восприняли «Окна перестройки» не более как временное, хотя и весьма непривычное любопытное явление. Обыватели ждали, когда художники «проколются» и «окна зашторят», именитые коллеги с усмешкой бросали: моя, неделя-другая и выдохнется, мыслимое ли дело работать в таком темпе, не повторяясь в тематических сюжетах.

Не «прокололись» и не выдохлись.

Ведь не было, как прежде, мелочной, назойливой опеки сверху. Власти доверились многолетнему профессиональному и политическому опыту художников (Д. Агаев и Ю. Черепанов долго сотрудничают с «Правдой», В. Мохов — с «Крокодилом»). Да и добровольных помощников нашлось немало. Народные контролеры и рабкоры «Московской правды» охотно подсказывают темы, дают конкретные адреса недостатков.

— Мы против сентиментального смакования исторических трагедий нашей страны, спекуляции на «белых» пятнах социализма, — говорит Д. Агаев. — Наша задача смотреть вперед, языком плаката обнажать проблемы, которые беспокоят людей, мешают им нормально работать и жить.

Сегодня, пожалуй, можно говорить об устойчивом общественном интересе к «Окнам перестройки». И, думаю, он не случаен. В наше непростое время, насыщенное событиями, порой противоречивыми, важно выбрать ясную, принципиальную позицию в борьбе за обновление социально-экономической, правовой и духовной жизни нашего общества, за совершенствование его политических структур. Если смотреть на «окна» сквозь призму этих задач, то их актуальность и своевременность очевидны. Их сатирический свет направлен в гущу жизни.

Владимир ЛОКТЕВ

СДЕЛКИ В ЮЖНОМ ПОРТУ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Дефицит на автомобильном рынке существует у нас давно. Ликвидировать нехватку новых легковых автомобилей путем наращивания их производства в ближайшее время, как мы знаем, не представляется возможным.

Напомню еще и о том, что автомобиль является техническим средством повышенной опасности, что для его нормальной эксплуатации требуется довольно дорогое регулярное техническое обслуживание с заменой быстроизнашиваемых деталей. Такое обслуживание может производиться в условиях специальных предприятий, которых также не хватает. А наличие дефицита, как водится, создало почву для продажи автомобилей с целью извлечения нетрудовых доходов. Но ведь покупатель есть, об этом знают все. Повсюду в стране, и у нас в Москве, в Южном порту. А покупатели... Кто они?

Я, будучи автолюбителем, пытался изучить этот вопрос самостоятельно. Ни в коей мере не претендую на истину в последней инстанции, не смею утверждать что-либо категорично, но своими наблюдениями и соображениями хотел бы поделиться с читателями журнала. Что же касается предложений, то охотно верю, что они далеко не совершенны и, не исключено, даже поверхностны в чем-то, но давайте подумаем вместе.

Итак, я отметил для себя, что приобретают автомашины по ценам, значительно превышающим государственные, далеко не всегда лица, деятельность которых противоречит закону, доходами которых интересуются органы БХСС. Автомобильный рынок посещают много честных людей — строители, заработавшие большие деньги на Севере, или, скажем, труженики сельского хозяйства, доходы которых пополняются еще и от продажи сельхозпродуктов на колхозных рынках, строители, получающие высокие заработки на договорных работах, кооператоры, моряки промысловых судов и т. п.

А кто продает автомобили по завышенным ценам? Удивительно, но порой люди весьма солидные, опять же далеко не всегда темные личности. Я, например, встречал должностных лиц самого разного ранга — из тех, что имеют возможность приобрести личный автомобиль... якобы для нужд, связанных со спецификой производства. Этим порой занимаются военнослужащие, которым удается получить место в гараже или же на стоянке, где, разумеется, надежно обеспечивается сохранность личного транспорта до его продажи. Есть и такая категория водителей-любителей, которые ездят по доверенности до времени продажи и эксплуатируют автомобиль как такси. Нет, они не вступают в кооператив, не заключают договоров на занятие индивидуальной трудовой деятельностью. Они просто нарушают закон, «сшибая», как говорят в народе, «левые рубли».

при продаже такие владельцы скручивают показания спидометра. Какой у автомашины пробег? Попробую разбери... А покупатели, напрягая до предела слух, все пытаются уловить посторонние шумы в работе двигателя, внешне, само собой, новенького, очень чистого.

Одному из таких горе-покупателей я, помнится, предложил замерить компрессию на автомашине, за которую он собирался заплатить и в самом деле бешеные деньги. Взяли компрессор, замерили... Он убедился, что покупает kota в мешке. Хоть и очень красивого. Это проще простого — современные лакокрасочные покрытия совершенно не изнашиваются от атмосферного воздействия в течение года, а то и полутора лет. Такое, с позволения сказать, «художественное редактирование» действует на покупателя чаще всего неотразимо.

Другой эпизод. Сделка состоялась. Покупатель должен был сверх стоимости комиссионной оценки вручить бывшему владельцу автомашины энную сумму. А тот в ответ — отдать ключи от автомашины. Но случилось непредвиденное: новый владелец категорически отказался платить незаконную надбавку — несколько тысяч «сверху». За что, спрашивается, такое «вознаграждение»? Ключи от машины не отдал? Не надо. Подберет он как-нибудь ключи. Короче, не отдал.

Супруга же бывшего владельца пыталась обратиться за помощью к милиции. Точнее — к постовому милиционеру. Как же она жаловалась на противозаконные, с ее точки зрения, действия покупателя: тот оплатил оценочную стоимость в кассу комиссионного магазина, и все дела. Да как он посмел?..

Когда закон молчит, понятия о законности, мягко говоря, несколько трансформируются. Как иначе объяснить, что для многих (я не преувеличиваю) продажа автомобиля по цене, значительно превышающей стоимость автомашины, и извлечение при этом нетрудовых доходов — норма. Неписанный закон рынка? «Черного» автомобильного рынка... Получается, мало кто задумывается, что подобного рода противозаконные сделки предполагают уголовную ответственность. Грустно констатировать такое, но это так.

Я предлагаю подумать о несколько ином способе продажи подержанных автомашин. Назовем это продажей по срочным ценам. Что это значит? Попробую пояснить.

Покупатель имеет возможность приобрести буквально за день (в очереди стоят год, два, бывает дольше) необходимую марку советского автомобиля. И получить распространяющиеся на него все необходимые гарантии. Но за все нужно платить. Автомобиль приобретается по завышенной цене. На вполне законных основаниях — тут слово за юристами и соответствующими ведомствами. Покупатель, имеющий такую возможность, платит за срочность приобретения вне очереди. Но переплачивает не частному лицу, а государству. Почему не иметь такую возможность человеку, которому автомашина крайне необходима и к тому же очень срочно, если он срочность эту готов оплатить из собственного кармана? Согласитесь, возможны такие ситуации. Покупаем же мы черную икру с наценкой высшей ресторанной категории, когда она крайне необходима, скажем, больному человеку...

Если предположить, что в московском комиссионном магазине в Южном порту реализуется ежедневно по спекулятивным ценам 2—3 «Волги», 4—5 «Москвичей», 8—10 «Жигулей», то ежедневный дополнительный доход от продажи этих автомобилей по завышенной цене составит, по моим прикидкам, десятки тысяч рублей. Спе-

циалисты это могут установить точнее. Поквартальную кривую спроса, на мой взгляд, следует уточнить, проанализировав статистику комиссионного магазина по маркам автомашин, году выпуска и их реализации в комиссионном магазине.

Предвижу вопрос: как же быть тем, кто у себя на производстве стоит в очереди на автомобиль? Допускаю, что очередь их несколько отодвинется, зато среди них останутся только те, кто будет покупать автомобиль не с целью перепродажи его по завышенной цене, а для себя, для своей семьи. А советские автомобили, смею вас заверить, не так плохи. При нормальном уходе они могут выдержать эксплуатацию в течение 8—10 лет.

Таким образом, государственная казна регулярно будет пополняться значительными суммами, которые можно будет использовать с большой пользой для дела. Выпускать, например, кузовные детали для таких автомашин, передние крылья и многие другие изделия, которые постоянно в дефиците.

Кроме того, за счет полученных таким способом дополнительных средств может быть оказана существенная помощь, например, инвалидам войны, воинам-интернационалистам. В особенности при выделении фондов на личные автомашины для них (чем не благородная цель).

Мне кажется, что предложение мое вполне осуществимо. Возможно, потребуется незначительное изменение правил комиссионной продажи. Например, разрешить продажу автомобиля владельцам только по истечении 1,5 года с момента выпуска. Если этот срок меньше — продажу проводить через комиссионный магазин. И будет, наверное, правильным, если проданные по срочной цене новые автомобили смогут пройти дополнительное техническое обслуживание, направленное на проверку их узлов, связанных с безопасностью движения.

Покупатели, уверен, будут довольны: с одной стороны, они получат автомобиль в хорошем техническом состоянии, с другой — гарантию, распространяющуюся на все вновь купленные автомобили. Однако решение поставленного вопроса необходимо всесторонне взвесить, тщательно проанализировав статистическую информацию, экономические, социальные и правовые аспекты проблемы. Чтобы не получилось, как произошло с продажей алкогольных напитков, когда желаемое выдавалось за действительное, а в результате растут преступность, растут наши потери — экономические, моральные, нравственные...

В. МАЛЫШЕВ,
инженер

г. МОСКВА

МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ

Подумать только, как Минздрав печется о нашем с вами здоровье — аж оторопь берет!

К примеру, набегаешься по табачным киоскам в поисках курева, отстоишь в очереди за зельем, а тебе в глаза с пачки сигарет лозунг лезет: «Минздрав СССР предупреждает: курение опасно для Вашего здоровья». И словно возникает из клубов сизого дыма эдакий Минздрав, пальчиком грозящий, в халате белом и стетоскопом на молодецкой груди. Ну, вроде бы как ангел-хранитель. И благостно на душе становится, что пусты киоски, а если там и есть что, то только самоубийцы рискнут чадить тем зельем.

А вокруг своего божественного начальника херувимчики и серафимчики порхают в виде академиков, профессоров и кандидатов минздравовских наук. Заместо крылышек у них листочки со статейками из газет и журналов да плакатики санитарно-просветительные. И медученые эти тоже пальчиками помахивают: предупреждают.

Захотел пойти мяса купить к обеду, а они предостерегают: «Нини! Мясо вредно!» Тут-то и возрадуешься, что прилавки пусты. Другие херувимчики откровенно запугивают: сальмонеллез, что в курах да яйцах, не спит! После этого и курятины с яишней не захочется. В пору хоть на одни овощи переходить. Но только было начинаешь возмущаться, что в магазинах ни репы, ни капуста, ни картошки нет, ан опять наши ангелы-медхранители тут как тут: «Побойтесь нитратов, которые в нитриты перевоплощаются!»

И так это ловко у них всегда получается, так вовремя, что диву даешься: как только какой продукт попадает в разряд остродефицитных, так тут же медученые делают открытие о его убийственной, прямо-таки смертельной вредности. Много лет назад пропало сало — и тут же на нас обрушился шквал статей о губительном для организма холестерине, что его в сале хоть лопатой отгребай. А шматок этого сала убивает человека, как капля никотина — лошадь. А потом сало появилось. И даже очень много. И новое открытие немедленно озарило ученых: оказывается, сало растворяет холестерин! И очень даже полезно и старым, и малым. Вполне вместо лекарства употребляемо.

Конечно, можем говорить о вреде хлеба, который приходится ежегодно миллионами тонн покупать за валюту, о вреде икры черной и красной (а не минтаевой: ее еще в продаже хватает!), но к медученым подключаются и журналисты. Захотелось колбаски, а тут-то тебе и телерепортаж с мясокомбината, как делают ее из гнилых свиных туш и дохлых крыс. Даже заядлому гурману на четверть века вперед аппетит отобьет. Лично я знаю двух мужиков, которые после этой телепередачи даже водку закусывать колбасой не стали, хотя закуски другой не было.

Ну, ладно. Положим, все это делается совершенно искренне, для нашего с вами блага, ради наших с вами жизнью и здоровья,

которые, как это опять-таки установлено минздравовской наукой, обратно пропорциональны количеству и качеству съеденного. Недаром некий умный человек изрек: «Если раньше люди умирали от голода, то теперь от ожорства». Другой добавил мудро: «Ложкой и вилкой мы роем себе могилу». Сахар же считается как «белая отравка» (особенно после введения на него талоннов). Говорят, что даже ученые-дерматологи стоят накануне открытия вредности мыла и стиральных порошков как главных виновников экзем, дерматитов и аллергии.

Несомненно, вот здесь-то и надо было бы издать самым массовым тиражом книгу Поля Брэгга «Чудо голодания». Может быть, это и есть искомая медиками панацея? Действительно, представим себе, что все население страны сразу и вдруг стало голодать в добровольном порядке. По методике. В лечебных или даже экономических целях. Идешь себе по улицам мимо пустых от покупателей магазинов, полки которых забиты всяческими продуктами, а на витринах выставлены невостребованные спецзаказы с кофе растворимым, икрой черной, колбасами сырокопченными и сосисками говяжьими, крабами дальневосточными и даже сыром пошехонским. Продавцы со слезами на глазах выскакивают, за руки хватают: «Купите, ради бога! Ведь портится все это! План горит!» А у тебя ко всему этому лишь отвращение. Правда, от баночки мятая в томате не отказался бы... Уверен, что при таком положении и Продолжительная программа вмиг бы была выполнена. К тому же и болей люди перестали бы: ведь, по утверждению тех же медученых, голодание уже само по себе лечебно.

А раз человек не болеет, то и лекарств не надо. Кстати сказать, опережая события, они и сейчас напрочь пропали из аптек. Нет аспирина и анальгина, нет глазных капель, йода, ляписса, таблеток от кашля и головной боли, корвалола и адельфана и десятков других ходовых и очень нужных микстур, таблеток, порошков, растирок, не говоря о сверхдефицитных заморских препаратах, достать которые стало невозможно даже через закодированное под определенным номером Главное управление все того же Минздрава. Нет бинтов, марли, ваты, клистиров, грелок... Даже аптекари забыли, наверное, что такое «олеум рицини». А ведь еще более 300 лет назад один из героев Мольера утверждал, что «олеум рицини — сила медицины». Да ведь это не что иное, как касторовое масло. Нет, не облепиховое и не шиповничье, а именно касторовое. Попробуй сейчас, в конце XX века, найди-ка его! Что уж тут говорить о всяческих витаминах А, В, С и так далее, которых даже в трудные годы Великой Отечественной войны хватало на всех...

Что случилось? Где все это? В какие провалилось тартарары? Так думал я, наивно полагая, что кому-то эти лекарства нужны в больницах, поликлиниках, «скорой помощи», людям немощным, хилым, болящим, недужным.

К счастью, глубоко заблуждался я и напрасно сетовал на медицину и ее промышленность. Все оказалось простым, как сибирский валенок: никому все это не надо! Не нужны никакие анальгины, баралгины, тройчатки, клизмы, пластыри, мази, компрессы! Все это архаизм и томление духа. Потому что именно сейчас, в наше время, наконец-то открыто всеизлечивающее лекарство — панацея, тайну которого пытались расшифровать еще древние алхимики.

Узнал я об этом случайно, когда аптекарь, прочитав выписанный

мне врачом рецепт, уныло вздохнул и с сожалением посмотрел на меня:

— У нас не только ЭТОГО, у нас дистиллированной воды нет...

— ?!

— Всю раскупают. Лечатся ею. Соли и шлаки из организма выводят. По Брэггу.

— Не обязательно дистиллированная,— сказала нравоучительно женщина в старомодном пенсне, стоящая сзади.— Можно и простую водопроводную. ОН ее зарядит... Тогда и пейте. От всех болезней.

— Кто ОН? Чем зарядит?!

Женщина с презрением посмотрела на меня.

Оказывается, все просто до изумления. Надо только встать пораньше, наполнить стеклянный баллон водой и поставить его перед включенным телевизором. На экране появляется экстрасенс, который проводит экстрасеанс: пассами, похожими на святое знамение, осеняет емкость с жидкостью. После этого вода приобретает чудесные целительные свойства. Впрочем, вода — это так себе, детские игрушки. Экстрасенс-феномен может таким же образом ЗАРЯДИТЬ крем для лица, пасту для бритья, шампунь для волос. Другой вопрос — где все это доставать! А то ведь как здорово: намылился утром перед работой заряженным кремом, побрился, почистил зубы такой же пастой — и никаких тебе болезней! Ни физкультуры не надо, ни холодных всяких обливаний. Красота!

Поскольку Феномен никакой не врач, а самый что ни на есть журналист, он умело и широко использует для своей целительной деятельности современные средства массовой информации, причем не только телевидение, которое в последнее время души не чаёт в подобных целителях и чудодеях. И своих коллег-журналистов он не забывает: например, зарядил подписной купон «Вечерней Москвы» на 1990 год. Об этом радостно сообщила «Вечерка»: «Купон на подписку, как считает Алан Владимирович, имеет целебную силу и не теряет ее после того, как будет зарегистрирован в качестве подписного в любом отделении связи нашего города. Но пусть не огорчатся и те, кто уже подписался на «ВМ» или купил этот номер в киоске. Эффект купона вместе с фотографией и для них, как обещал А. Чумак, будет ощущаться в течение 10 дней после публикации. Более того, он приобретает способность заряжать целебными свойствами воду и крем». Говорят, после этого тираж «Вечерки» резко прыгнул вверх, а Феномена благодарные коллеги премировали бесплатной подпиской на свою газету аж на целый год. Вместе с приложением к ней. Правда, силен новый мессия не только тем, что во время телевизионных сеансов изменяет структуру воды (!), но и тем, что порой, развлекаясь, разгоняет усилием воли облака и тучи, чем не на шутку заинтересовались работники агропрома: ведь какие возникают возможности для поднятия урожая и выполнения Продовольственной программы!

Послушайте, да ведь это же настоящий клад для Минздрава! Клондайк! Золотые россыпи! Не надо ни лекарств, ни обслуживающего персонала в больницах и поликлиниках. Единственное, на что придется потратиться,— на телевизоры, а где не хватит денег — на газету «Вечерняя Москва». В семь утра в больничных палатах включаются телевизоры — и все больные вместо лекарств и процедур заряжаются таинственной неопознанной энергией экстрасенса, причем одновременно во всех больницах страны. Да и зачем вообще

больницы, когда все это можно успешно делать и в домашних условиях?

Уверен, найдутся среди наших читателей и Фомы неверующие, которые воскликнут: «Чушь вся эта фантазия! Бред какой-то!» Но у меня на это есть свое возражение: если бы это было бредом, Минздрав боролся бы с этим, как борется с курением, наркоманией и СПИДом. Ну, хотя бы перед сеансами массового заряжения водопроводной воды и кремов помещал бы на телеэкране плакат «Минздрав СССР предупреждает: массовое внушение вредно для Вашей психики». Но нет. Об этом Минздрав не предупреждает. Не предупреждает, что люди с нездоровой психикой не только особенно поддаются подобным сеансам, но и еще больше расшатывают свою психику. Не предупреждает, что, веря в чудесное исцеление по телевизору, действительные больные перестают лечиться и нередко болезнь их обретает необратимый характер. Не предупреждает, что подобный ажиотаж вокруг Феномена отвлекает внимание от грязных и переполненных больниц, пустых аптек, очередей в поликлиниках, недостатка в самом необходимом...

Не предупреждает — значит, все в порядке, значит, все как надо. Более того. Поскольку по традиционным методам лечения (а оно, как известно, включает в себя не только современные лекарственные препараты, методы диагностики, медицинские аппараты и оборудование, но и хорошие, чистые больницы и поликлиники, надлежащий уход за больными, свежее белье и многое другое) занимает наша хваленая медицина где-то N-десятое с чем-то место в мире, Минздрав предоставляет возможность широко развернуться нетрадиционным методам. Йога и иглоукальвание, бесконтактный массаж и массаж точечный, траволечение, сыроедение — все это обрушилось на нас в последнее время как снег на голову. И, думается, хоть по этим-то методам мы наконец выйдем на одно из первых мест в мире. Нет, я не против проверенных и научно обоснованных методов народной медицины, не хватаю за руки виртуозов мануальной терапии и не вызываю на единоборство доктора Касьяна, не обвиняю в чернокнижии гомеопатов и не пытаюсь затащить на костер инквизиции, обвиняя в ведьмизме, хорошенькую массажистку за то, что она не только пассами рук избавляет людей от головной боли, но также пишет картины, сочиняет музыку и стихи, да еще засвечивает усилием воли фотопленку через непрозрачный черный пакет. Но ведь нельзя одно подменять другим!

И все же, помните? «Нельзя, нельзя... но если очень хочется, то можно!» А Минздраву очень хочется. Ведь все это сулит громадный экономический эффект в силу возможности отказаться от производства дорогостоящих лекарств, медицинского оборудования, многого другого. И в этих условиях разве не достоин будет вышей похвалы какой-нибудь народный умелец, который изобретет наконец прогрессивный метод стерилизации одноразовых столь дефицитных шприцев, что позволит сделать их безразмерными по количеству раз применения? А ведь и до этого додумаются, чем «вставят фитиль» недогадливым и неэкономным буржуям, зажавшимся до такой степени, что, оказывается, после инъекции выбрасывают напрочь и шприц, и иглу!

Раз Минздрав молчит, раз Минздрав не предупреждает, значит, все это можно. Наверное, даже нужно...

ЗАПИСКИ ЭКСПЕРТА

Ц

ентральный научно-исследовательский институт судебной медицины находится неподалеку от площади Восстания в Москве.

Сюда привезли для исследования не совсем обычные объекты. Они были упакованы в картонную коробку, на которой виднелся оттиск печати: «Исполком Диксонского районного Совета народных депутатов Таймырского автономного округа». Несколькими месяцами спустя, а точнее 30 декабря 1983 года, была наконец поставлена точка в акте судебно-медицинской экспертизы № 1036/9 ФТ. И благодаря кропотливым поискам экспертов удалось приоткрыть тайну одного из самых драматических событий, случившихся несколько десятилетий назад в Арктике.

ТРАГЕДИЯ НА ОСТРОВЕ ДИКСОН

Вместе с заведующим физико-техническим отделом Института, доктором медицинских наук Виктором Николаевичем Звягиным я просматриваю эту редкую экспертизу. Сорок одна страница машинописного текста с графиками, схемами, таблицами, двадцать девять фотоснимков.

— Начало этой истории уходит к 1918 году, когда знаменитый полярный исследователь норвежец Руаль Амундсен на шхуне «Мод» задумал добраться до Северного полюса,— начинает Звягин свой рассказ. Он берет с полки географический атлас, открывает его, палец упирается в голубизну Северного Ледовитого оке-

ана, рядом с Новосибирскими островами, и медленно движется вверх к полюсу.— Норвежец решил, дрейфуя, дойти до Чукотского моря, вмерзнуть в лед, затем, покинув судно, попытаться на собачьих упряжках достигнуть цели...

Мой собеседник так увлекся, что невольно вместе с ним я словно перенесся в суровые белые просторы Арктики.

...Биография Амундсена свидетельствует, что к 1918 году он стал всемирно известной личностью. За плечами норвежца было несколько полярных экспедиций, семью годами ранее он впервые достиг Южного полюса. Плавание на корабле «Мод» стало его очеркредным дальним маршрутом. Но упрямый север внес свои коррективы. Шхуна вмерзает в лед неподалеку от мыса Челюскин, надвигается зима. Немногочисленный экипаж Амундсена, состоящий из опытных, искусственных людей, не теряя времени, приступает к астрономическим и метеорологическим исследованиям. За год накоплен ценнейший научный материал, а сам Амундсен успел написать первую часть книги о поисках экспедиции. Однако впереди долгий полярный дрейф и полная неизвестность.

С наступлением тепла, весной 1919 года, Амундсен решает отправить в Норвегию собранные материалы: почту, сообщения о положении корабля и своих дальнейших планах. Ближайшая точка, откуда можно передать радиogramму,— остров Диксон.

«Путь туда, около 900 километров, безусловно самый безопасный и, вероятно, может быть проделан в относительно короткое время. Путь на Диксон я считаю самым безопасным ввиду того, что на этом расстоянии имеются три склада» — эти слова Амундсена из книги «Моя жизнь» свидетельствуют о тщательном продумывании деталей будущего перехода. Но посланцы руководителя экспедиции — Пауль Кнутсен и Петер Тессем — до места назначения не дошли...

В любой экспертизе, проводимой судебными медиками, есть особый вводный раздел — «Обстоятельства дела». На обстоятельствах — фактах случившегося — базируются исследования. Обстоятельства дела заняли семь страниц машинописного текста.

Мы еще вернемся к различным версиям, выдвигаемым учеными. Пока же приведу выдержку из отношения журнала «Вокруг света» на имя руководства Института судебной медицины:

«Осенью 1919 года Пауль Кнутсен (1889 г. р.) и Петер Тессем (1875 г. р.) — члены норвежской полярной экспедиции Руаля Амундсена — на судне «Мод» вдоль Северного морского пути должны были доставить почту и научные материалы с места зимовки у восточного побережья полуострова Таймыр на радиостанцию острова Диксон. Один из участников этого тысячекилометрового похода пропал без вести, другой погиб в трех километрах от полярной станции острова Диксон. Останки погибшего (скелет) в 1922 году нашла экспедиция Н. Н. Урванцева, но никаких документов, удостоверяющих его личность, не обнаружила. Были найдены только часы с дарственной надписью Тессему и у пояса на ремешке — обручальное кольцо с надписью на норвежском языке «Твоя Паулина» (жена Тессема). Исходя из этих находок было решено, что погибший и есть Тессем.

Норвежские и некоторые советские исследователи Арктики впоследствии неоднократно высказывали обоснованное сомнение в том, что возле Диксона погиб Тессем...».

Итак, трагедия, случившаяся с двумя норвежцами, уже многие

годы привлекает внимание искушенных в своем деле людей — полярных историков и исследователей, географов, криминалистов. Однако прежде чем перейти к сути экспертизы В. Н. Звягина, следует вернуться на несколько десятилетий назад, чтобы раскрыть скобки над сухим сжатым текстом обстоятельств дела.

Летом 1920 года из Норвегии на поиски пропавших вышла шхуна «Хеймен» во главе с капитаном Якобсеном. Корабль дошел до Диксона, двинулся дальше, но был остановлен тяжелыми льдами. Вернувшись на остров, полярники решили перезимовать на Диксоне. Тогда-то норвежцы обратились к Советскому правительству с просьбой о помощи.

Выбор, павший на знатока Таймыра Никифора Бегичева, не был случайным. В Арктике он находился с 1900 года, когда принял участие в знаменитой полярной экспедиции Э. В. Толля. В июле 1921 года Н. Бегичев со своими товарищами, а также норвежцами с «Хеймена» Л. Якобсеном и А. Карлсеном дошли на оленьих упряжках до мыса Вильда. Тут их ждала неожиданная находка — в консервной банке обнаружена записка Кнутсена и Тессема, написанная на бланке экспедиции: «Два человека экспедиции «Мод», путешествуя с собаками и санями, прибыли сюда 10 ноября 1919 года. Мы нашли склад провизии, сложенный в этом месте, в разбросанном состоянии... Мы продвинули склад припасов дальше на берег, приблизительно на 25 ярдов, и пополнили наши запасы провизии на 20 дней. У нас все в порядке, и мы собираемся уходить в порт Диксон сегодня. Ноябрь 15-го, 1919 г. Петер Л. Тессем, Пауль Кнутсен».

Находясь на верном пути, экспедиция продолжает свой путь. Через две недели Бегичев, продвигаясь вдоль побережья, обнаруживает следы стоянки и большого костра. Среди найденных предметов два ножа, множество пряжек от одежды, гвозди, сломанные очки, несколько отстрелянных патронов, обгоревшие кости. «Мы заключили, — пишет в дневнике Н. Бегичев, — что это кости погибшего — спутника Амундсена, то есть одного из тех, которых мы разыскиваем, что во время их путешествия пешком в темную пору и при таких морозах и пургах они сбились с пути... Один из них умер, а другой — товарищ его — ввиду того, что похоронить друга не было никакой возможности, дабы не растаскали труп звери, видимо, сжег его на костре».

Останки костей и пепел Бегичев со своими спутниками захоронил, поставив опознавательный знак на месте стоянки. Все найденные предметы захватил с собой и вернулся на Диксон.

ТАЙНА ОБРУЧАЛЬНОГО КОЛЬЦА

Следующим летом, в 1922 году, молодой полярный исследователь и геолог Н. Н. Урванцев вместе с четырьмя спутниками, среди которых в качестве проводника был неумный Н. Бегичев, решил пройти на лодке по реке Пясине. Девятого августа, следуя вдоль берега, они обнаружили в 90 километрах от Диксона разорванные записные книжки, тетради и документы на английском языке. Неподалеку от этого места, среди кучи плавника, экспедиция нашла два пакета, зашитых в непромокаемую материю. На одном была надпись: «Господину Леону Амундсену, Христиания. Почта, рукописи, фотографии, карты, зарисовки».

Н. Н. Урванцеву и членам экспедиции стало ясно, что они обнаружили то, что безуспешно разыскивалось в течение двух лет. Кроме пакетов, были найдены и другие предметы: русские и норвежские деньги, документы Тессема, визитные карточки Р. Амундсена, испорченные компас и теодолит, мелкие вещи. Через три дня, 12 августа, к найденному добавились две пары норвежских лыж фирмы «Хаген и К°» и обрывки спального мешка. 1 сентября 1922 года состоялась последняя, самая главная находка: всего в трех километрах от Диксона были обнаружены останки человека, вероятно, одного из норвежцев.

Вот как описывает это событие в своем дневнике Н. Н. Урванцев: «Человек лежал на высоком берегу метрах в четырех от воды. Останки представляли уже скелет без кистей рук и ступней ног, вероятно, отгрызенных песцами. Только на голове, на макушке, еще сохранилась кожа. На нижней челюсти справа последний коренной зуб запломбирован цементом. Скелет был одет в две егерские фуфайки, синюю фланелевую рубашку с карманами. Все заправлено в меховые штаны, стянутые кожаным корсажем, пришитым к штанам. Шапки на голове нет. На правой ноге — остатки меховой обуви из нерпы... В карманах фланелевой рубашки были найдены патроны к винтовке, коробка спичек, перочинный нож и маленькие ножницы. Документов не было. Около пояса лежали металлические часы карманного размера. На ремешке у пояса висели свисток и обручальное кольцо с гравировкой на внутренней стороне: «Твоя Паулина». Ни лыж, ни винтовки поблизости не оказалось. Погибший лежал навзничь на земле, но сразу под его ногами уже шел гладкий каменный склон. Руки были вытянуты вдоль тела, левая нога прямая, правая немного согнута».

Как Н. Н. Урванцев, так и другие исследователи, а различных догадок еще в те годы высказывалось множество, полагали, что поначалу путь Тессема и Кнутсена с упряжкой из пяти собак протекал без особых осложнений. После того как были пройден мыс Вильда, начались неприятности. Что-то случается с Кнутсеном, он умирает, и Тиссем сжигает тело погибшего товарища. Он продолжает идти один в тяжелейших условиях полярной ночи. Затем, вероятно, заболевают и погибают собаки. Тиссем обеспечивает сохранность почты, предполагая вернуться за ней, и, собрав последние силы, начинает заключительный, самый тяжелый отрезок пути... Лыжи ему теперь вряд ли нужны, так как движение по прибрежной полосе затруднено мелкими реками и ручьями. Он оставляет их в избушке вместе со спальным мешком. До Диксона ему оставалось идти всего три километра, наверное, он уже видел огни станции, высокую мачту... Тиссем заторопился, и на каменном ровном склоне его могли подвести сапоги с гладкой подошвой, изготовленные из шерсти нерпы. Он поскользнулся, упал, получив травму головы, возможно, сотрясение мозга. Оказавшись в беспомощном, не исключено бессознательном состоянии, он мог либо замерзнуть, либо скончаться от травмы.

Останки погибшего, по свидетельству Н. Н. Урванцова, были положены в ящик, обложены камнями и захоронены на невысоком холме. Рядом поставили столб с памятной доской. В 1924 году матросы с норвежского судна «Веслекар» добавили к этому месту деревянный крест. Наконец, в 1958 году останки перенесли на верх мыса и над могилой воздвигли величавый памятник в виде цельной гранитной глыбы с надписью на русском и норвежском

языках: «Тессем. Норвежский моряк, член экспедиции «Мод». Погиб в 1920 г.».

— Большинство исследователей и историков Арктики считали, что до полярной станции совсем немного не дошел именно Тессем,— комментирует эти события Виктор Николаевич Звягин.— Однако, как уже случилось не раз в подобных ситуациях, у них нашлись оппоненты, высказывавшие свою точку зрения.

В. Звягин показал мне перевод статьи из норвежской биографической энциклопедии о Тессеме, написанной в 1969 году известным ученым С. Рихтером. В частности, С. Рихтер, используя дневники Н. Н. Урванцева, приходит к иному мнению: «Поскольку кольцо принадлежало Тессему, русские дали заключение, что он также погиб. Но кольцо висело на поясе. Кажется маловероятным, чтобы Тессем снял обручальное кольцо и таким образом поместил его. Более вероятным представляется бы такой ход событий: Тессем умер около мыса Приметного, а его товарищ снял кольцо и повесил на поясе, чтобы вместе с часами вернуть семье умершего. В таком случае тот, кто в одиночестве, с трудом добрался до пролива и у самой цели встретил смерть,— Кнутсен...».

— Версия Рихтера подкреплялась двумя важными обстоятельствами,— продолжает Виктор Николаевич.— Давним норвежским обычаем, по которому обручальное кольцо никогда не снимается с руки живого человека, и тем, что Тессем оставил на складе у реки вместе с почтой свои личные документы. Иными словами, норвежский ученый «поменял» местами обгоревшие останки, найденные Н. Бегичевым, и те, что обнаружила годом спустя экспедиция Н. Урванцева...

НА МЕСТЕ ТРАГЕДИИ

После опубликования статьи С. Рихтера прошло несколько лет. Новые полярные экспедиции снаряжаются в Арктику, но трагическая судьба Пауля Кнутсена и Петера Тессема по-прежнему волнует исследователей. Серьезный вклад в раскрытие тайны гибели норвежцев внесли в 1973 году члены пятой научно-спортивной экспедиции «Комсомольская правда» во главе с Дмитрием Шпаро.

В 1982 году вышла прекрасно иллюстрированная книга Д. Шпаро и А. Шумилова «Три загадки Арктики» (издательство «Мысль», Москва), в которой авторы возвращаются к версиям о погибших норвежцах. Одна из глав названа предельно конкретно: «Как мы искали могилу Кнутсена в 1973 году».

«Перед отлетом в Арктику мы побывали в Ленинграде у гидрографа Владилена Александровича Троицкого, много лет проработавшего на Диксоне,— пишут Д. Шпаро и А. Шумилов.— Владилен Александрович высказал в разговоре мнение, которое показалось нам почти кощунственным: — Я думаю, что могила Кнутсена находится не на мысе Приметный, а значительно западнее — на косе между морем и озером Заливное. Я думаю, Бегичев просто ошибся...»

Д. Шпаро и его товарищи нашли место, описанное Бегичевым,— останки кострища и несколько мелких костей. Однако их анализ, проведенный позднее в Москве, был категоричным — кости не принадлежали человеку. Ничего существенного не удалось обнаружить и в другой поисковой точке.

Между тем еще Н. Н. Урванцев в дневниковых записях, а позднее в книге «Таймыр — край мой Северный» высказал мысль, что

Никифор Бегичев 10 августа 1921 года нашел не стоянку норвежцев, а следы исчезнувшей в 1912 году полярной экспедиции В. А. Русанова, дрейфовавшей в восточной части Карского моря на судне «Геркулес».

Вернувшись из Арктики в 1974 году, Д. Шпаро тщательно проанализировал предметы, найденные Бегичевым. Подробный список их, к счастью, сохранился в Центральном государственном архиве народного хозяйства СССР, а у ветерана полярной авиации М. И. Шевелева среди множества фотографий нашелся уникальный снимок предметов, найденных Н. Бегичевым.

При сравнении описания и фотографий вещей, обнаруженных Н. Бегичевым — медных патронов от винтовки, французской монеты, охотничьих патронов, металлических пуговиц, различных пряжек и крючков от одежды с предметами, найденными в 1934 году от экспедиции Русанова и хранящимися в Ленинградском музее Арктики и Антарктики, их размеры, форма, способ изготовления и другие признаки совпали, и, наоборот, ряд предметов казался абсолютно ненужным в условиях ночного перехода Тессема и Кнутсена (стекла от дымчатых очков, лодочный багор при движении на собачьей упряжке и т. п.). Вот заключительный абзац седьмой главы книги, названной «Норвежские моряки или экипаж «Геркулеса»?»: «Подведем итог: Н. А. Бегичев и Л. Якобсен обнаружили в 1921 году не «могилу Кнутсена», как считалось до самого последнего времени, а лагерь русановцев... Хочется надеяться, что дальнейшие поиски и в таймырской тундре, и в тихих залах отечественных архивов, и в Норвегии окончательно прояснят историю героического путешествия Петера Тессема и Пауля Кнутсена. Героического путешествия и трагической смерти».

ПО МЕТОДУ ПРОФЕССОРА ГЕРАСИМОВА

Героическое путешествие и трагическая смерть... Верные, исполненные сурового мужества слова... Помните о картонной коробке, доставленной в институт судебной медицины с Диксона? Теперь самое время обратиться к ее содержанию. Под несколькими слоями бумаги, тщательно обложенные ватой, находились останки скелета человека: череп с нижней челюстью, кости верхних и нижних конечностей, позвоночный столб, таз, ключицы, лопатки, ребра.

Но прежде чем попасть в институт, эти объекты проделали длинный и сложный путь. В середине июня 1983 года представительная комиссия, в которую входил В. Н. Звягин, а помимо него — от географического общества СССР его действительный член Д. А. Алексеев, от Прокуратуры СССР заслуженный юрист РСФСР, прокурор-криминалист Б. А. Пискарев, в присутствии зампреда исполкома Диксонского райсовета В. Д. Лашенкова в соответствии с официальным письмом Норвежского института полярных исследований произвела эксгумацию останков трупа, захороненного в 1922 году экспедицией Н. Н. Урванцева, с последующим его перезахоронением в 1958 году.

Судебным медикам теперь уже с помощью апробированных научных методик предстояло ответить на многолетней давности вопрос: кто есть кто, Тессем или Кнутсен?

Ныне исследование костных останков производится экспертами в целях определения расы, возраста, пола, роста человека (если

лицо, которому они принадлежали, неизвестно), а также для отождествления личности, то есть установления конкретного лица, которому могли принадлежать останки. По изменениям костей можно также ориентировочно определить, какими заболеваниями страдал человек, были ли у него травмы и повреждения, а по черепу и прижизненным фотографиям произвести сложную идентификационную медико-криминалистическую экспертизу методом фотосовмещения. Наконец в содружестве эксперта со скульптором и художником по методу профессора М. М. Герасимова можно при наличии черепа воссоздать черты лица неизвестного. К настоящему времени советской судебной медициной накоплен солидный научный потенциал, позволяющий правильно и квалифицированно исследовать костные останки любой категории сложности. Центром такого рода экспертиз и является физико-технический отдел Научно-исследовательского института судебной медицины, возглавляемый В. Н. Звягиным.

ФОТОГРАФИИ «ЗАГОВОРИЛИ»

В любой экспертизе, особенно такой, скажем прямо, без преувеличения — высшей категории сложности, которую предстояло выполнить В. Н. Звягину и его коллегам — старшему научному сотруднику, кандидату медицинских наук В. И. Иванову и судмедэксперту Э. И. Хомяковой, не может быть мелочей. Тут необходимо учесть все — проанализировать, изучить, исследовать, в строгой последовательности с обязательной оценкой материала — исторического, литературного и экспертного. Уместно привести аналогию с обычным алфавитом: «А» — это содержимое ящика с Диксона, исходный материал для исследований, «Я» — то, что выяснится в конце — выводы экспертов.

Некоторые автобиографические данные П. Кнутсена и П. Тессема были известны. Сороскачетырёхлетний Петер Тессем был опытным моряком, еще в 1903—1905 гг. он участвовал в полярной экспедиции Антони Фиалы, пытавшейся от земли Франца-Иосифа достичь Северного полюса. Плотник по профессии, мастер на все руки, он, по свидетельству Р. Амундсена, проявил себя с самой лучшей стороны. Его спутнику Паулю Кнутсену к моменту начала плавания на «Мод» едва исполнилось тридцать лет. Будучи матросом, он ходил к берегам Америки и Африки, потом окончил штурманское училище. В 1915 году Кнутсен принимал участие в поисках пропавших без вести экспедиций В. Русанова и Г. Брусилова на шхуне «Эклипс» под командованием Отто Свердрупла. Разносторонний спортсмен, он был отличным пловцом и лыжником, а во время дрейфа «Мод» совершил три санных путешествия.

В распоряжении экспертов оказались фотографии норвежцев — П. Тессема, датированные 1903—1905 гг. и 1918—1919 гг., П. Кнутсена, снятые в 1918—1919 гг. Часть из них была представлена в СССР из архива Норвежского института полярных исследований.

Ранее, в семидесятых годах, заведующей лабораторией Института этнографии АН СССР, кандидатом биологических наук Г. В. Лебединской и начальником отдела биологических и специальных исследований ВНИИ МВД СССР, доктором медицинских наук М. В. Кисиным, по просьбе экспедиции «Комсомольской правды», было произведено сравнительное исследование фотоснимков П. Кнутсена и П. Тессема с редкой фотографией 1922 года, запечатлевшей

останки личности неизвестного, обнаруженного Н. Н. Урванцевым. На фото особенно хорошо заметен череп — его передняя часть с высоким крутым лбом.

Вот выводы двух ученых: «...Мы проанализировали переданные нам фотографии скелета и черепа погибшего, который был захоронен в пос. Диксон, а также фотоснимки исчезнувших моряков Тессема и Кнутсена. Представленные фотографии скелета и черепа не дают достаточной информации о признаках лица погибшего, однако позволяют ориентировочно судить об общей характеристике лба, скул и некоторых пропорций лицевого отдела... Сопоставление признаков лица погибшего, которые могут быть определены по имеющимся фотоснимкам черепа, с признаками, отображенными на фотографиях Тессема и Кнутсена, позволяют высказать следующее предположение: погибший вряд ли мог быть Кнутсеном; не исключено, что им является Тессем... Более определенное решение вопроса о личности погибшего может быть достигнуто лишь непосредственным исследованием черепа и подлинников прижизненных фотоснимков Кнутсена и Тессема. Особенно существенные данные для идентификации личности погибшего могут быть почерпнуты из материалов, характеризующих стоматологический статус».

Итак, мнение Г. В. Лебединской и М. В. Кисина относительно личности останков погибшего с определенной долей вероятности склоняется в пользу П. Тессема. Но известна другая, противоположная точка зрения. Несколькими годами спустя В. Н. Звягин также сравнивал фотопортреты норвежцев с изображением черепа неизвестного. В «Мнении специалиста» от 16 августа 1982 года он приходит к таким выводам: «1. Возможность принадлежности костных останков П. Кнутсену не исключена.

2. Несомненно отсутствие ракурсов черепа и портрета П. Тессема исключают возможность сравнительного исследования.

3. Для полноценного судебно-медицинского заключения по данному факту требуются: а) исследование скелетированных останков неизвестного; б) наличие других прижизненных фотоизображений П. Кнутсена и П. Тессема, а также данных о возрасте, росте и других физических их особенностях».

Именно после такого заключения всем «заинтересованным лицам» стало ясно, что лишь исследование не только фотографий, но и подлинных эксгумированных костей внесет истину в многочисленные версии и мнения, выдвигаемые отечественными и зарубежными учеными.

Нельзя не упомянуть еще об одной, назовем ее предварительной, экспертизе. Параллельно с исследованием останков, доставленных в Диксона в Москву, опытный криминалист из Магадана, заслуженный юрист РСФСР Б. А. Пискарев и судмедэксперт магаданского областного бюро, кандидат медицинских наук Г. С. Белобородов произвели анализ двух фотоснимков П. Тессема и П. Кнутсена. Волею обстоятельств, что случается весьма редко, снимки, сделанные летом 1918 года, запечатлели на шхуне «Мод» двух товарищей с одной точки. При этом прекрасно просматривались спасательный круг и около десятка досок палубного настила, что навело на мысль использовать эти предметы в качестве масштабных ориентиров для определения роста каждого из норвежцев. Нужные размеры круга (его диаметр 70 см) и ширина корабельной доски (12 см) были сообщены из эстонского морского музея. По спо-

собу прямых антропометрических измерений рост П. Тессема был определен криминалистом и медиком в пределах 158 см, а П. Кнутсена — 165 см.

Результаты, полученные специалистами из Магадана, как и предварительный осмотр фотографий, свидетельствовали о том, что П. Кнутсен несколько выше своего товарища. Окончательные же выводы были сделаны после того, как с точностью до долей миллиметра были измерены кости верхних и нижних конечностей. По их длине, исходя из совокупности табличных данных, полученных учеными, рост лица, которому принадлежали останки, определили в пределах 156 сантиметров.

Куда более сложным делом оказалось установление возраста покойного. Пока в распоряжении медиков нет такого простого и надежного метода, который, к примеру, используется ботаниками. Общеизвестно, что по поперечному срезу ствола можно с точностью до года установить возраст дерева или растения. К настоящему времени существуют десятки методик, позволяющих экспертам лишь с определенной долей вероятности решать этот вопрос. Общепринятой является точка зрения, что о возрасте судят комплексно, оценивая изменения всех имеющихся в наличии костей, а также зубов.

— Установление возраста,— рассказывает Виктор Николаевич,— производилось нами на основании прогрессирующих с годами изменений позвоночника, таза, костей конечностей, зубов. Следует учесть, что хотя каждый из методов разработан по оригинальным исследованиям ряда ученых, но темп и интенсивность изменений скелета человека зависят с годами как от индивидуальных особенностей организма, так и от влияния окружающей среды: факторов питания, обмена веществ, прочих условий. Иногда возникают своеобразные «ножницы» между так называемым паспортным (т. е. истинным) возрастом неизвестного и тем, который по костям устанавливается экспертами. В итоге возраст останков, обнаруженных Н. Н. Урванцевым, укладывался в пределы сорока лет с возможными отклонениями в сторону его завышения или понижения на пять лет (т. е. «40±5 лет», как пишут в своих выводах судебно-медицинские эксперты).

РАССКАЗЫВАЕТ... БОЛЕЗНЬ

Не так просто спустя многие годы собрать нужную и достоверную информацию о человеке. Даже о таких известных людях, как Кнутсен и Тессем, ставших в маленькой Норвегии национальными героями. Когда через несколько лет после плавания на «Мод» вышла книга Р. Амундсена «Моя жизнь», переведенная на десятки языков мира, в ней руководитель экспедиции не мог не коснуться мотивов, побудивших его отпустить двух моряков в опасный многокилометровый путь. И почему именно их, а не других членов своего экипажа?

Как свидетельствует Р. Амундсен, П. Тессем «страдал хроническими головными болями и очень хотел вернуться на родину. Поэтому я, не задумываясь, отпустил его... Я даже обрадовался этой возможности отправить почту». Спутником Тессема стал П. Кнутсен, вспомним, — отличный спортсмен, лыжник и пловец, обладавший опытом длительных санных переходов. Не исключено, что сам

Р. Амундсен, видя недомогания Петера, дал ему в спутники именно этого человека — молодого, сильного и выносливого.

Мемуары великого норвежца, которые и теперь читаются с ослабевающим интересом, натолкнули В. Звягина на дерзкую мысль — надо найти на костях скелета неизвестного следы заболеваний. Тогда, если они действительно существуют и будет доказано, что останки принадлежат именно П. Тессему, это станет убедительным свидетельством необходимости его отъезда на Большую землю.

Из заключения экспертов: «...Свод черепа с наличием седловидной деформации, теменные кости позади венечного шва резко сужены. верхушечная область и теменные бугры резко выбухают. Отмечается истончение костей, лобные пазухи пневматизированы слабо. Данные особенности являются характерными для стреловидно-птерионной формы краниостеноза (преждевременного зарастания черепных швов.— Прим. М. Ф.), возникающего в детстве, то есть до окончания роста мозга, выражающегося деформацией черепа и симптоматикой повышенного внутричерепного давления. Заболевание обычно сопровождается хроническими головными болями». Выявление патологии костей черепа и такого важного симптома, как постоянные головные боли, о которых упоминал Р. Амундсен, показало, что исследователи находятся на верном пути.

Серьезные изменения были установлены и при изучении позвоночника. Так, последний (пятый по счету) поясничный позвонок оказался сращенным с крестцом, а у краев ряда позвонков имелись грубые разрастания костной ткани. При жизни такие недуги (по медицинской терминологии — сакрализация и спондилоартроз) обычно осложняются радикулитом, проявляющимся в виде характерных приступов острых болей, ограничения движений в нижних конечностях и позвоночнике.

Определенная доля ценной информации заключалась в исследовании зубов. Оказалось, что шесть из них были удалены незадолго до смерти, на семи сохранившихся зубах имелись следы врачебных вмешательств по поводу запущенного кариеса с использованием серебряных амальгамовых пломб. Состояние зубного аппарата свидетельствовало, что покойный, по-видимому, страдал нарушениями обмена веществ, возможно, авитаминозом, явившимся следствием тяжелого, изнурительного труда.

Наконец была выявлена давняя травма лица в виде перелома носовой кости и резкого искривления носовой перегородки. Это вызывало затруднение носового дыхания, особенно при значительной физической нагрузке, что безусловно сказывалось на здоровье в условиях Арктики, всегда предъявлявшей человеку жесткие экстремальные требования.

ПОСЛЕДНИЕ ЗВЕНЬЯ

На одном из этапов исследования были проанализированы черты внешности П. Тессема и П. Кнутсена по имеющимся фотоснимкам, а также черепа неизвестного по так называемой системе словесного портрета — методу, детально разработанному криминалистами. Вспомним, что Г. Лебединская и М. Кисин, а позднее В. Звягин пытались использовать лишь уникальный фотоснимок черепа,

найденного в 1922 году, что не позволило им прийти к каким-либо достоверным выводам.

Теперь же имелись и фотоснимки норвежцев, и череп неизвестного, что позволило экспертам произвести сравнение по ряду важных деталей внешности, таких, как форма лица и выраженность его отдельных элементов — глаз, носа, губ, подбородка и т. п. Анализ двадцати девяти основных признаков показал, что череп, доставленный с Диксона, обладал значительным сходством с фотоизображением Петера Тессема, тогда как по методу словесного портрета принадлежность его Паулю Кнутсену полностью исключалась.

Еще до того как исследовался череп, В. Звягин обратил внимание на небольшой участок его свода в центре теменной области, где вместе с грунтом были смешаны частицы, напоминающие по внешнему виду остатки волос. Они были с предосторожностью изъяты, помещены в пакет из пергаментной бумаги и направлены в отдел по исследованию вещественных доказательств НИИ судебной медицины.—Старший научный сотрудник отдела кандидат медицинских наук Н. Н. Ачеркан выявила 15 обломков стержней волос, которые, судя по характеру отложения пигмента, произошли от человека с темно-русыми седеющими волосами. Это стало дополнительным «очком» в пользу Тессема. На фотографиях у него различался темный цвет волос, тогда как молодой Кнутсен оказался ярко выраженным блондином.

Последним звеном в установлении личности покойного явился метод фотосовмещения, детально разработанный в пятидесятых годах советскими судебными медиками. Суть его состоит в том, что на негативах фотопортрета предполагаемого человека и представленного черепа, снятых в одном масштабе и ракурсе, размечаются основные опознавательные точки лица, с последующим наложением изображений друг на друга. Затем получают фотоизображение, на котором контуры черепа как бы «впечатаны» в овал лица.

Я рассматриваю фотографию под номером 29 — последнюю в таблицах, которыми эксперты иллюстрировали свои исследования. Заметно точное соответствие размеров черепа неизвестного и лица Петера Тессема, совпадение их по всему комплексу опознавательных признаков.

Окончательные выводы заняли около грех страниц машинописного текста. Приведу лишь краткие выдержки из заключения — итога напряженного четырехмесячного труда: «Костные останки принадлежат мужчине центральноевропейского типа европеоидной расы, ростом 156 см, грациального (тонкого) телосложения, вероятным возрастом на момент смерти 40 ± 5 лет...

На скелете определяется наличие следов ряда заболеваний, прижизненных травм (перелом костей носа) и врачебных вмешательств по удалению и пломбированию кариозных зубов...

По признакам словесного портрета, возраста, роста и цвета волос принадлежность исследованных останков П. Кнутсену, 30 лет, исключена.

Учитывая совпадение признаков расы, пола, возраста, роста, тональности волос, сходство словесного портрета и масштабное соответствие размерных характеристик черт лица П. Тессема (на фотоснимках) с аналогичными особенностями представленного черепа, а также принимая во внимание свидетельства Р. Амундсена о

хронических головных болях П. Тессема, результаты осмотра места обнаружения трупа (именные часы, обручальное кольцо П. Тессема), труднодоступность арктического побережья Таймыра и отсутствие населения в этом регионе на рассматриваемый период времени, полагаем, что исследованные останки могли принадлежать Петеру Тессему, 44 лет».

Каких-либо серьезных заболеваний, повреждений, могущих привести к смерти, на останках П. Тессема выявлено не было. Однако отсутствие костных повреждений не исключало получения черепно-мозговой травмы в виде ушиба или сотрясения мозга после неожиданного падения с крутого склона. В этом аспекте версия, выдвинутая еще Н. Н. Урванцевым в его дневниковых записях, весьма убедительна и ныне разделяется подавляющим большинством исследователей. Вполне вероятно, что трагическому финалу способствовало стечение целого ряда обстоятельств, прежде всего таких, как бессознательное состояние и крайне низкая температура (на тот период от -27 до -39 градусов по Цельсию), приведших к смерти беспомощного, изнуренного длительным переходом человека.

Предположение Н. Н. Урванцева нашло неожиданное подтверждение в результате проведенного в НИИ судебной медицины спектрального исследования. Так, на правой половине лицевого черепа и ладонной поверхности костей правого предплечья были выявлены участки интенсивно-зеленого прокрашивания с повышенным содержанием меди. Это указывало на длительный контакт головы и правой руки П. Тессема с предметами, в состав которых входит медь. Ими оказались, вероятнее всего, медные гильзы от винтовочных патронов, выпавшие из карманов куртки при падении тела на скользкий оледеневший склон...

Итак, пока усилиями нескольких полярных экспедиций, коллективными исследованиями ученых, судебных медиков, криминалистов удалось идентифицировать личность лишь старшего участника перехода — Петера Тессема. Но крепка вера и надежда, что последующие поиски энтузиастов вдоль побережья Таймыра окончательно прояснят судьбу и второго посланца Р. Амундсена — Пауля Кнутсена.

На визитной карточке Амундсена, найденной в 1922 году Н. Н. Урванцевым, рукой русского радиста Дмитрия Олонкина написано: «Г-ну заведующему радиостанцией Диксон. Это та телеграмма, которую прошу отправить по назначению при первой возможности. Если в телеграмме что-нибудь непонятно, то прошу за разъяснениями обратиться к г-ну Тессему». В наше время, как в те далекие годы, когда Д. Олонкин по велению сердца присоединился к норвежцам, советские ученые, внесшие солидный вклад в разгадку арктической Одиссеи, продолжали славные интернациональные традиции своего соотечественника.

М. ФУРМАН,
кандидат медицинских наук,
судебно-медицинский эксперт

ПОД ДЕВИЗОМ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Обычно мы мало задумываемся, какое место в нашей жизни занимает государственный нотариат, насколько широк и многообразен круг вопросов, входящих в обязанности нотариусов, как много граждан и учреждений, которым требуются их услуги. Но вот всего лишь несколько цифр: в нашей стране действует более четырех тысяч нотариальных контор, в которых ежегодно совершается свыше 22 миллионов всевозможных нотариальных действий. И среди них немало сделок с завещаниями, оформлением наследственных прав и других.

Эти и многие другие цифры были названы на Советско-итальянском симпозиуме по вопросам деятельности нотариата, который состоялся в Москве. Организован он был Министерством юстиции СССР, Министерством юстиции Итальянской Республики и Национальным Советом нотариусов Италии.

Участники симпозиума с большим интересом слушали доклады и сообщения об организации нотариата в обеих странах, об особенностях советского и итальянского законодательства в области наследования, заключения контрактов и договоров, судебной защиты прав граждан, основанных на нотариальных действиях, или при отказе в их совершении.

Президент Национального Совета нотариусов Италии Роберто Бароне сообщил в своем докладе, как организован нотариат в его стране.

В докладе «Государственный нотариат в СССР. Организация, задачи и функции» начальник отдела нотариата Министерства юстиции СССР Р. М. Низовский подробно остановился на вопросах, которые советские нотариусы решают с нотариусами других стран, в частности с нотариусами Италии. Так, в Советском Союзе ежегодно оформляется около 50 тысяч документов, которые затрагивают интересы граждан других стран, при этом иностранные граждане и лица без гражданства имеют право обращаться в государственные нотариальные конторы и в другие органы, совершающие нотариальные действия, наравне с советскими гражданами. Советские нотариусы могут применять нормы иностранного права, если по этому поводу есть указания в законодательстве СССР или международном договоре. Они выполняют поручения иностранных органов по производству отдельных нотариальных действий, руководствуясь при этом законодательством СССР, а также международными договорами. В то же время государственные нотариальные конторы могут обращаться с поручениями к иностранным органам юстиции. Наши нотариусы принимают также меры к охране на территории СССР имущества, оставшегося после смерти иностранного гражданина, совершают много других действий.

Большое внимание на симпозиуме было уделено вопросам создания совместных советско-иностраных предприятий. В заключение обеими сторонами был подписан совместный итоговый протокол.

ПРОФЕССОР ФРЕЙТАШ РВЕТСЯ К ВЛАСТИ

Квадратный подбородок боксера, буравящий взгляд, высокий лоб древнегреческого мыслителя. Хорошо отретпетированным голосом 46-летний Дьюгу Фрейташ ду Амарал значительно роняет каждое слово, будто читает лекцию с университетской кафедры. Спичи профессора административного и конституционного права расцвечены такими понятиями, как «свобода», «демократия», «социальная справедливость», «равенство». Звучат они по меньшей мере странно в устах этого «бывшего», который снова рвется к власти.

Фотографии одного из вождей крайне правых сил Португалии опять мелькают на страницах лиссабонской печати. Все чаще профессор появляется и на экранах телевизоров. «Фрейташ в очередной раз вылез из-под коряги», — шутят португальские коллеги-журналисты.

Действительно, после небывало шумной предвыборной кампании в конце 1985 — начале 1986 года, когда Д. Фрейташ ду Амарал едва-едва не стал президентом Португалии, этот деятель исчез с политической арены, потерпев поражение на выборах. А теперь снова возник из политического небытия, возглавив католическую партию Социально-демократический центр (СДЦ), одним из создателей которой он был в июле 1974 года, вскоре после победы в Португалии антифашистской революции. Эта организация, выражающая интересы крупных капиталистов и помещиков, объединила тогда многих реакционных политиканов — из тех, кто не бежал за границу в страхе перед новой властью, а решил дожидаться лучших времен.

По мере наступления правых сил на завоевания апрельской революции росло и влияние профессора Фрейташа, которого преемник диктатора Салазара — Марселу Каэтану считал своим «самым способным учеником». В начале 80-х годов Фрейташ добрался до поста министра иностранных дел и заместителя премьер-министра Португалии. Тут-то в полной мере и проявилось его антикоммунистическое лицо: первым делом новоиспеченный руководитель провозгласил «новый дипломатический курс» в отношении Советского Союза и других социалистических стран, приняв ряд мер по свертыванию двусторонних связей с ними. По инициативе Фрейташа ду Амарала, но при явном нажиме Вашингтона было даже разорвано соглашение о научном и культурном сотрудничестве между Португалией и СССР, которое не восстановлено до сих пор.

Тогдашнее проявление примитивного антисоветизма все еще ощущается в отношениях между двумя странами.

Читатель может представить себе пагубные последствия, которые имела бы для молодой португальской демократии победа Фрейташа ду Амарала в борьбе за высший государственный пост. Дополнительную мрачную окраску подобной перспективе придают ставшие недавно достоянием гласности некоторые детали профессорских попыток завладеть президентским креслом.

Например, Фрейташ и его сторонники из стана правых и ультраправых сил грубо нарушили избирательный закон Португалии, израсходовав на крикливую кампанию значительно больше денег, чем это разрешается конституцией страны.

Автор этих строк хорошо помнит небывалую по размаху истеричную кампанию, впервые проводившуюся в Португалии на американский манер. Рассчитана шумиха была прежде всего на оболванивание молодых избирателей, поскольку пожилые сторонники дореволюционного режима в агитации не нуждаются.

Фрейташ и его союзники (его поддерживала не только СДЦ, но и правящая Социал-демократическая партия) не гнушались ничем — ни подкупом потенциальных избирателей, ни их запугиванием коммунистической угрозой, в общем, использовали методы политики «кнута и пряника». Вот какие впечатляющие для Португалии с ее 10-миллионным населением цифры приводит лиссабонская печать.

На оболванивание избирателей сторонники кандидата антидемократических сил выпустили:

- 10 миллионов ярких наклеек с демагогическим лозунгом кампании «Вперед, Португалия!» (по одной на каждого жителя страны, включая новорожденных);
- 1100 тысяч афиш и плакатов с портретом Фрейташа ду Амарала на темно-синем фоне и все тем же лозунгом;
- 180 тысяч пластиковых знамен и флажков;
- 50 тысяч соломенных шляп-канотье с лентой, надпись на которой взывала: «Вперед, Португалия!»;
- 10 тысяч наручных часов, 1000 мини-калькуляторов, 2000 плащей;
- 20 тысяч записных книжек, 25 тысяч школьных тетрадей («забота о будущих избирателях»);
- около 10 тысяч маек;
- 2500 грампластинок и 5000 кассет с записями «гимна» кампании;
- 250 тысяч календарей, 120 тысяч пластиковых пакетов, 50 тысяч кошельков, 30 тысяч брелков, 15 тысяч шариковых ручек, 5000 зажигалок...

Все это раздавалось бесплатно либо продавалось за бесценок.

Кроме того, потенциальным избирателям было разослано более 60 тысяч писем. Где уж тут уложиться в предусмотренную законом смету!

Автомобильный караван, состоящий более чем из 60 машин с громкоговорителями на крышах, во главе с кандидатом на пост президента и его супругой (борьба за голоса женщин имеет важное значение) объехал почти все населенные пункты страны.

Какую же программу для современной Португалии выдвинул «блестящий ученик Казтану»?

В двух словах я рискнул бы сформулировать ее так: «Назад,

Португалия!» Назад, ко временам недавнего мрачного прошлого, ибо главной целью консерваторов провозглашался крутой поворот вправо, к доапрельскому периоду.

Видимо, не случайно в одном из поселков в разгар кампании произошел курьезный, но многозначительный случай. Один из особенно рьяных сторонников Фрейташа ду Амарала впал в раж. Разъезжая на машине, он орал в мегафон: «Уважаемые сограждане! Призываю вас отдать голоса за самого достойного кандидата в президенты — сеньора доктора Оливейру Салазара!» Не сразу услышав дружный смех, этот кликуша, однако, нисколько не смутился: «Простите, я хотел сказать — за профессора Фрейташа ду Амарала!»

И еще одна любопытная деталь той кампании, обнажающая, на мой взгляд, лицемерие и ханжество буржуазных политиканов.

...Шабаш «соломенных канутье» захлестнул средства массовой информации Португалии. Телерекламу Фрейташа ду Амарала открывал «видеоклип», запечатлевший 12-летнего мальчонку, держащего в руках знамя с лозунгом «Вперед, Португалия!». Кто этот мальчишка, как он оказался в стане правых сил? Докучливые репортеры отыскивали его после выборов и рассказали читателям его историю.

...Однажды в городе Сантарене, перед домишком Аны Дуарти, жены безработного и матери семерых детей, остановился роскошный черный лимузин. Его водитель, «важный сеньор», вежливо попросил оробевшую мать «одолжить» ему сына, Зеферину Дуарти, для политической кампании. А в обмен на это высокопоставленные господа, сказал он, позаботятся о будущем мальчишки, да так, что ему не придется больше промышлять на улицах Сантарена случайными заработками и мелким воровством.

Растерянная Ана Дуарти не успела проронить ни слова. Шофер усадил Зеферину в лимузин и помчался в Лиссабон.

В столице, по свидетельству еженедельника «Тал и куал», сантаренского гавроша приюдела сама супруга премьер-министра А. Каваку Силвы. Мальчик, не окончивший и трех классов, на удивление легко исполнил отведенную ему роль «примерного подростка» — сторонника Фрейташа ду Амарала.

Как открыли малолетнего актера люди Фрейташа? Пока это остается тайной. Зато известно, что обещанные ими «златые горы» на поверку оказались не чем иным, как местом в лиссабонском приюте для несовершеннолетних. Но Зеферину не был бы типичным гаврошем, если бы не сбежал из столицы на следующий же день после съемки рекламного видефильма. Он снова промышляет на улицах Сантарена. А на память об участии в политической кампании у него дома пылится единственный сувенир — подаренная кем-то из добродетелей гитара...

Да, не повезло Зеферину Дуарти. Впрочем, невезучим оказался и сам Фрейташ ду Амарал: несмотря на мощную поддержку, оказанную профессору «сильными мира сего», португальские избиратели предпочли ему на посту президента страны бывшего лидера Социалистической партии Мариу Соареша.

Нынешнее появление одного из вождей «бывших» на политической арене также нельзя назвать удачным. Вскоре после того, как Фрейташ вновь возглавил СДЦ, в лиссабонском суде с иезуитским названием «Добрый час» возобновился уголовный процесс по де-

лу, возбужденному самим профессором-юристом еще несколько лет назад против левой газеты «Диариу».

В чем же обвиняют рупор демократических сил Португалии напятые Фрейташем адвокаты?

Семь лет назад «Диариу» опубликовала сенсационные документальные материалы, основанные на интервью с Луишем Рамалью и Вашку Монтешем — бывшими телохранителями лидеров СДЦ, которые подтвердили сообщения других газет об участии представителей этой партии в осуществлении террористических акций. На беду обвинителей, пытавшихся привлечь «Диариу» к ответственности «за клевету на доброе имя» Фрейташа и его окружения, свидетели снова подтвердили данные о принадлежности группы завербованных верхушкой СДЦ бывших колонизаторов, возвратившихся в Португалию из африканских стран после победы апрельской революции 1974 года, к террористическим ультраправым организациям. Л. Рамалью заявил на суде, что молодчики из этих группировок не раз угрожали ему расправой за разоблачающие факты, предоставленные им «Диариу». Таким образом, судебный процесс оборачивается против его инициатора. Однако, будучи опытным юристом, профессор наверняка знает, как плотнее закрыть глаза буржуазной Фемиде.

Действительно, процесс в «Добром часе», похоже, не очень-то смутил Фрейташа ду Амарала. Демонстрируя незаурядные ораторские способности, он выступает с трибун митингов и собраний, охотно раздает интервью журналистам из буржуазных изданий. Во всех его речах и интервью звучит резкая критика правительства премьер-министра А. Каваку Силвы, которое, как помнит читатель, оказывало самую щедрую поддержку неудавшемуся кандидату в президенты. Подобная метаморфоза неблагодарного профессора стала полной неожиданностью для политических наблюдателей в Лиссабоне.

Вновь возглавив дышащую на ладан СДЦ (на последних парламентских выборах в июле 1987 года она потерпела сокрушительное поражение, сохранив в Собрании республики всего четыре депутатских места), Фрейташ начал атаковать правящий кабинет с крайне правых позиций. Он обвиняет премьер-министра, бывшего союзника и единомышленника, возглавляющего консервативное правительство социал-демократов, в проведении «слишком мягкой» и даже «левой» политики. Профессор требует ужесточения и ускорения мер, направленных прежде всего на окончательную ликвидацию демократических завоеваний португальского народа, таких, как аграрная реформа, национализированные предприятия и рабочий контроль на них. Он ратует за ограничение и без того не слишком широких связей с социалистическими странами, за открытую поддержку антиангольского движения УНИТА.

Время покажет, удастся ли португальскому подражателю методов американского киногероя достичь заветной цели или этот политический оборотень снова «будет бит» и опять надолго спрячется под корягу.

Г. ПЕТРОВ

НЬЮ-ЙОРКСКАЯ ПОЛИЦИЯ: БОРЬБА С НАРКОМАНИЕЙ И ПРОСТИТУЦИЕЙ

Впервые в операциях в Манхэттене принимали участие вместе с полицией советские журналисты Андрей ИЛЛЕШ и Александр ШАЛЬНЕВ.

ШЕСТИЛЕТНИЕ НАРКОМАНЫ!

...Здоровенный черный пес набрасывается на «этажерку» металлических шкафчиков, подобных тем, которые установлены в вокзальных камерах хранения у нас, в Союзе. А в Америке такие «этажерки» — в каждой школе: там ученики хранят свои вещи, дабы не таскать их домой и из дома, из одной классной комнаты в другую.

Школа, в которой сделан снимок грозного пса, — во Флориде, в Палм-Бич. Школа как школа. Таких десятки тысяч в Соединенных Штатах. И проблема, из-за которой черный лабрадор набрасывается на «этажерку», тоже, можно сказать, типичная.

Не совсем обычен лишь пес. Он натренирован на наркотики. Он может вынюхать их где угодно, даже сквозь металлические дверцы школьных шкафчиков. Когда же находит наркотики, то злобным лаем, прыжками дает об этом знать тем, кто работает с ним.

Как раз в этот момент и «поймал» пса объектив репортера из еженедельника «Тайм»: в шкафчике среди тетрадок, учебников, стоптанных кроссовок и не очень свежих спортивных маек явно «пронюхивался» наркотик.

Исследование, проведенное Мичиганским университетом, показало: свыше десяти процентов американских старшеклассников хотя бы раз, но пробовали кокаин. Если же говорить о студентах колледжей, то цифра выше — 14 процентов. Надо учесть два обстоятельства: во-первых, исследование проводилось среди тех, кто продолжает учиться, и не охватывает тех, кто бросил учиться в силу самых разных факторов, в том числе и потому, что наркотики и учеба никак не сочетаются. И, во-вторых, исследование строилось на добросовестных признаниях. То есть были, конечно, и те, кто не хотел, даже анонимно, признаваться в том, что увлекается

наркотиками. Иными словами, реальные цифры куда выше цифр, обнародованных Мичиганским университетом.

Есть и такая статистика: с тех пор, как «крэк», производное от кокаина, вырвался из подпольных лабораторий Калифорнии и стал завоевывать Америку, резко пошло вверх число преступлений, совершаемых подростками. В Детройте, например, в восемьдесят седьмом году было арестовано почти втрое больше подростков, чем шестью годами раньше, по обвинениям, так или иначе связанным с наркотиками, в Нью-Йорке — более чем в три раза, в Вашингтоне — почти в шесть раз, в Лос-Анджелесе — чуть ли не в двадцать!

«Крэк» стал бичом для молодежи и потому, что он очень доступен, и потому, что он необычайно дешев. Фактор второй, думаю, самый важный.

«Крэк» — относительная новинка, в Нью-Йорке появилась осенью восемьдесят четвертого. «Крэк» — это наркотик для бедных. Для очень бедных. (Для сравнения: унция кокаина обходится в тысячу долларов, унция героина — десять тысяч. Еще для сравнения: унция золота стоит сейчас в Нью-Йорке 460 долларов.) Ампулы хватает, чтобы, как пишут в полицейских протоколах, быть «под влиянием» в течение пяти — десяти минут. Потом хочется еще. К «крэку» привыкают почти мгновенно, от пристрастия отделяться бывает, увы, практически невозможно. И еще, что очень важно, «крэк» — это фантастическая нажива.

Любители наркотиков, и в особенности «крэка», помолодели настолько, что, как подчеркивал журнал «Тайм», инициаторы программ оказания помощи наркоманам «готовы к принятию пациентов в возрасте... шести лет».

А в девять-десять лет уже подключаются к наркобизнесу: сначала в качестве тех, кто «стоит на стреме», зарабатывая на этом до ста долларов в день, затем — в качестве «носильщиков», подносящих «крэк» или кокаин в места встреч дельцов и их клиентов. И потом — выход в «дилеры», в дельцы, которые могут зарабатывать до трех тысяч долларов в сутки.

Подчеркиваем: речь идет только о тех, чей возраст не превышает двадцати лет.

Деньги сумасшедшие. И тратятся они в основном по-сумасшедшему: на умопомрачительные наряды, на дорогие автомобили и золотые украшения. Увидеть «кадиллаки» или «порше» у некоторых лос-анджелесских школ — не особенная редкость. Это не родительские автомашины. Это машины школьников, зарабатывающих участием в нелегальном бизнесе. Подобная роскошь настолько стала ассоциироваться с наркобизнесом, что в нескольких нью-йоркских школах ученикам запрещено носить дорогостоящие золотые украшения, дабы не создавать этим школам рекламы, им совсем не нужной.

Перспективы? Убогие. По оценкам Этана Наделманна, профессора Принстонского университета, федеральные власти, а также власти штатов ежегодно тратят около восьми миллиардов долларов на борьбу с наркобизнесом. Еще многие миллиарды долларов уходят на расходы косвенные, такие, например, как содержание в тюрьмах людей, приговоренных по наркоделам (на них, кстати, приходится свыше трети всего тюремного «населения» Соединенных Штатов). Но даже с учетом подобных гигантских затрат особых успехов нет. По признанию Кана Уолтона, до недавнего вре-

мени служившего в детройтском отделении ФБР, «на горизонте ничего утешительного. Никаких хороших новостей не грянет».

Но как бы то ни было, дело ученых — составлять прогноз, а дело полиции — бороться, насколько это возможно, с торговцами, с ловцами юных душ. Принять участие в одной из многих сотен схожих операций пришлось двум советским журналистам.

Итак, мы в Нью-Йорке.

НА 46-Й УЛИЦЕ

— Рот. Открой рот. Шире! Еще шире! Вот так... Высунь язык. А теперь, аааааааааа...

Чтобы открыть рот, парень запрокинул голову и от этого совсем потерял устойчивость. Если б полицейский не рванул его за руку, он бы грохнулся об асфальт. Парень был плох. Совсем плох, как если б напился до умопомрачения. Только он не пил ни капли. Парень «накурился». Но взяли его не за это. В штате Нью-Йорк вообще нет закона, который позволял бы подвергать аресту и привлекать к ответственности тех, кто накурился, надыхался, нахуался.

— А в Калифорнии по-другому, — говорит нам Джо Лиси, лейтенант нью-йоркской полиции, один из руководителей отдела по борьбе с наркотиками. Лейтенант не звание, а должность. Одна из значительных в полицейской иерархии. Сразу за лейтенантом идет капитан, а потом — заместитель комиссара, комиссар. — В Калифорнии можно брать накурившегося — за «внутреннее владение наркотиками». А в Нью-Йорке мы можем производить аресты только в тех случаях, когда видим, как кто-то потребляет наркотик, или когда обнаруживаем у кого-нибудь хоть миллиграмм наркотического вещества. Это — в теории.

На практике по-другому. Один из нас почти каждодневно ходит через Центральный парк: самый короткий путь с западной половины города в восточную, где множество всяких учреждений, контор, представительств и т. п. И почти каждый раз наталкивается либо на тех, кто курит марихуану, — таких можно узнать издали: по тому, как жадно они затягиваются, а затянувшись, быстрее стараются упрятать самокрутку в ладони, — или тех, кто торгует наркотиками, — этих и признавать издали не надо, они сами подходят. Бросают одно-единственное слово с едва заметной вопросительной интонацией: «Покурить?» Бросят и идут дальше, словно и не замечали тебя вовсе. Если клиент заинтересуется, сам побежит догонять. Нет так нет, походим, поищем еще кого-нибудь.

Если нам нетрудно узнать наркоманов и наркодельцов, полиция — подавно. Но полиция чаще всего проходит мимо.

— Почему? — повторяет наш вопрос Джо Лиси. — Ну, арестуем мы того, кто курил, поведем в участок, оттуда — в суд. И на все то время, пока «прокручивают» арестованного через участок, суд и т. п., полицейский, его арестовавший, по сути, выведен из игры: ему надо заниматься подопечными». Это значит, что в тот момент, когда в Центральном парке вас будут грабить, полицейского рядом может не оказаться: он будет опекать того, кого выловил с самокруткой марихуаны. В общем, приходится решать, что важнее.

От себя добавим: если говорить о тех, кто предлагает «покурить», то у них самих наркотиков почти наверняка нет. Они посредники. Их задача — найти потенциального покупателя, которого

после множества визуальных проверок выведут на торговца. Понятно поэтому, почему полиция не станет бросаться на каждого, кто шепчет: «Покурить?»

УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ

Мы — в спецотделе по борьбе с наркотиками. Возглавляет его тот самый лейтенант Лиси. Ежегодная зарплата Лиси более семидесяти тысяч долларов. Годовой доход солидней, чем у министра в правительстве Рейгана. Вообще, надо заметить, здешнее общество серьезно относится к своей полиции. А «серьезно» для американцев — это то, что хорошо оплачено, обеспечено. Служащим полиции штата после двадцати лет работы можно выйти на пенсию, и будет она значительной — половина твоего заработка к моменту ухода. На льготных основаниях они приобретают жилье, дается ряд других финансовых поблажек. Соответственно серьезно относится и публика к полиции.

Итак, «контора» лейтенанта Лиси. Все стены его маленького кабинета с прозрачными дверьми облеплены цветными фотографиями. Бросаются в глаза «натюрморты» из куч долларов, разнокалиберного оружия и белого порошка. Последнее — кокаин или героин. А вот и знакомые страшные снимки, которые не раз видели дома: изуродованные вены, вывернутые суставы, тело, все в следах язв от иголок. Это наркоманы.

— Кого задерживаем за торговлю? Равинов, коммивояжеров, русских эмигрантов, сотрудников ФБР, студентов, бизнесменов... Словом, всех. Этот бизнес поистине страшный и захватывающий. У нас в Нью-Йорке распространены в основном растительные наркотики: марихуана, кокаин, героин... А там, где их нет, хозяйничают синтетические. Так вот представьте: достаточно купить химических препаратов на триста долларов, переработать их в современной лаборатории, и это принесет доход в миллион. Представляете, миллион!!!

У лейтенанта от профессиональной ненависти к своим врагам неожиданно проснулся итальянский темперамент.

— Вон, посмотрите, — показывает он на противоположную стену, — откуда в Нью-Йорк везут всю эту отраву.

Стена занята картой мира, на которой красными, коричневыми и синими стрелками показаны пути поступлений в этот огромный и супербогатый город наркотиков: Южная Америка, Африка, Азия, Европа и даже Австралия стянуты цветными обручами. Два миллиона в год тратится на содержание специального отдела нью-йоркской полиции по борьбе с наркоманией. Здесь работают 1600 человек. Большинство из них высокие профессионалы. Но ни их профессионализм, ни страх перед законом (а за торговлю наркотиками можно схлопотать пожизненное заключение) не останавливают подпольных бизнесменов. Наркомания растет и в Нью-Йорке, и в Америке вообще.

— Да, черт возьми! И даже СПИД, которого вроде все как чумы боятся, наркоманов не останавливает. Хотя им должно быть известно — такие данные в секрете не держат — сорок процентов заболевших в Нью-Йорке СПИДом заразились через грязную иглу...

Еще одна проблема: во всех тюрьмах штата Нью-Йорк насчитывается 45 тысяч «койко-мест». Ежегодно только отделом борьбы

видимо, пришел сюда с «ночной» — в руках у него зубная щетка и полотенце. Быстро делает пометки, надобные ей по предстоящей роли, молодая женщина, похожая на секретаршу из обычной конторы. Мотают что-то на ус и двое детективов с длинными черными волосами, скрепленными ленточкой — ни дать ни взять индейцы. Каждый обязан до деталей знать свою роль в предстоящей работе. Работе опасной, а потому выверенной до секунды, до миллиметра, до жеста и полуслова.

И полицейские внимают инструктажу, совершенно не обращая внимания на то, что рядом лихорадочно строчат в своих блокнотах «красные репортеры». Они ведут себя с уверенностью и легким небрежением совершенно так же, как их экранные прототипы: то ли боевиков насмотрелись, то ли боевики правдивые, похоже на полицейскую жизнь? Кто знает...

18 минут — по часам — длился инструктаж. Темп — истинно американский. (Надо будет обязательно выяснить в Москве, сколько времени занимает подобный инструктаж в МУРе.) Но это потом. А пока — команда: «По машинам!»

ОПЕРАЦИЯ ЗАХВАТА

Наши спутники натягивают на голое тело бронежилеты, а сверху разнообразнейший камуфляж: кто работает под строителя — одевает испачканную краской робу, кто — ей-ей хиппи, не отличишь, кто — студент в перерыве между лекциями. Но у всех под куртками, майками и пиджаками «пушка» тридцать восьмого калибра. Хотя в нью-йоркской полиции за последние двадцать лет борьбы с наркотиками погибли лишь трое полицейских, это говорит скорее о тщательности разработки операций да боязни даже самых отчаянных людей убить полицейского (всегда «под напряжением» электрический стул). Но от этого потенциальная опасность любой операции по борьбе с «крэком» не уменьшается: и с той стороны силы отборные.

Теперь маршрут на 46-ю улицу, о которой мы упоминали. Детектив Платцер ведет «крайслер» мягко. Пробираемся в потоке машин, словно дачный кот между лопухами. Достаточно изящно, но тем не менее быстро. Вот она, искомая улица. Лиси показывает в окно на скверик и дом — вот здесь и предполагается сделка, сюда-то и принесут наркотики для продажи. Задача — захватить торговцев в момент продажи. Иначе все впустую. Иначе ни один суд дело к производству не примет.

Мимо места предполагаемой встречи проезжаем, не снижая скорости. Делаем вид, будто «прогуливаемся»: я не я, и хата не моя. А где-то сзади нас в потоке машин такого же дурака валяет и экипаж грязного, помятого фургона со следами грунтошки и какой-то рекламы на сером боку. В нем затаились шесть полицейских. Еще где-то по боковым улицам движутся уважаемый «бьюик» и стандартный неброский «плимут», другие, обычные в потоке машины. С совсем необычными пассажирами и шоферами.

Делаем круг и останавливаемся, прячась в проулке метрах в двухстах от того самого сквера. Нас прикрывает гигантский грузовик, чудище о шестнадцати колесах. В машине тихо работает рация.

Что происходит там, на связи? Лейтенант объясняет: обстановка резко усложняется. Появился «незапланированный» обычный поли-

цейский — Лиси чертыхается. Когда мы бросимся на захват и его люди вытащат оружие, этот полицейский может все испортить. Не разобраться в ситуации, и тогда начнется глупейшая перестрелка. Его надо немедленно убрать. Лиси отдает приказы по рации. Из «доджа» позади нас вылезает парень и быстрыми шагами направляется к садику. Он пошел нейтрализовывать полицейского. Обстановка напряжения усиливается. Кажется, что в охлажденном кондиционером воздухе нашей машины что-то сгущается, хотя ни инспектор, ни детектив голоса не повышали. Вот вновь заработала рация — быть может, пора? Так точно!

Мгновенно Платцер срывает машину с места и бросает ее к перекрестку. Гонит на красный свет, и приходится зажмуриваться, чтобы не видеть сплошного потока машин, пересекающего нам дорогу. Рывок вправо, влево, визг тормозов, и мы у цели. Распахиваем двери, на ходу снимаем крышки с фотоаппаратов.

Поспели вовремя: еще дергается у стены в руках двух детективов один из торговцев, молодой парень. Еще не успели надеть наручники на его подружку, которую, как выяснилось, задерживают второй раз. Еще не скопилась толпа зевак. Через минуту улица запружена, полицейские оттесняют зрителей, другие, повернув лицом к стене задержанных, прямо здесь обыскивают, потрошат торговцев без стеснения. А помощник инспектора пинцетом складывает в большой коричневый плотной бумаги конверт вещественные доказательства. Вот он оборачивается и протягивает нам на ладони ампулы в пластиковой продолговатой упаковке, внутри которой виден белый комочек величиной со спичечную головку. Это и есть «крэк». Такого шарика хватает на десяток минут кайфа. И, уж поверьте, наркоман вынет новые и новые зеленые бумажки, но теперь уж не для кайфа — для того, чтобы не побелело его тело, не пронзало насквозь болью, не выкручивало суставы. Теперь он заложник «крэка», жертва медленной и страшной смерти.

...Все. Первая часть операции закончена. Наш план — быстро разъехаться. Но план этот с хитрецей — расчет лейтенант Лиси делает на то, что взяли не всех, кто пришел нынче в скверик торговать. Так вот, сделаем вид, что довольные добычей, мы убрались. А сами вернемся на второй круг. Вернемся, когда оживет рация и секретный агент, находящийся все еще где-то здесь, в толпе, даст знак — торговля пошла вновь! Увы, на этот раз ни маскировки, ни томительное ожидание, ни хитрость задуманного результата не дали.

— Нас расшифровали, — говорит Лиси. — Как? Черт его знает! Они с детства воспитываются с одной целью — выжить. А выжить можно только в случае, когда узнаешь из ста полицейских сто, как бы они ни одевались. Вот и играем в кошки-мышки. Мы их узнаем, но не можем взять без явных улик. И они не дремлют... Поехали, Ричи! Здесь больше ловить нечего...

...Да, работа полицейскими непроста. На рации, например, она сильно осложнена издержками американской демократии: просто так в эфире не побеседуешь. В любом магазине электроники можно получить список волн, на которых работает полиция. Ну, а техника на полках разнообразнейшая — только плати. И мафиози платят. И слушают все переговоры. Полиция сопротивляется, идет на хитрости. Передает свои указания шифром, использует компьютеры, которые на входе превращают человеческий голос в невнят-

сообщениях, если они появятся, будет сказано: такой-то предположительно торговал наркотиками.

...Прежде чем вырваться из Уэст-Сайда и добраться проулками до шоссе, мчаться в Даун-таун, в штаб-квартиру нью-йоркской полиции, мы не торопясь ехали по Девятой авеню. Джо и напарник его, Ричи Платцер, устроили для нас нечто вроде экскурсии.

— Смотри направо, видишь вон там, на углу? Это торговец. А вот еще один, а там—деваха в зеленой куртке — тоже торгует... А это наш, переодетый полицейский. Заметили: у него наушник для оперативной связи (думаю, не только мы заметили наушник, но и те, кто сызмальства привычен распознать «копов»).

По дороге насчитали примерно десятка два торговцев, с полдюжины тех, кто, как бы выразиться полегантнее, «стоит на страже», и пяток переодетых полицейских — одних мы узнали сами, других нам показывали. Было где-то около трех дня. Уэст Сайд жил послеобеденной вялостью, которая через несколько часов, к вечеру, сменится необычной бурностью. Сколько их будет здесь тогда — полицейских, наркоманов, торговцев, лазутчиков? Сколько сил будет брошено в эту изнурительную борьбу, в затяжной этот конфликт между законом и его нарушителями, в конфликт, в котором закон — сторона, явно проигрывающая?

В ПОЛИЦИИ ПРАВОВ

— А как мы их сосчитаем? — удивился он нашему вопросу.— Люди этой профессии учету не особо поддаются. Можем лишь предполагать, что их бесчисленное множество.

С Рональдом Джонсоном, инспектором нью-йоркской полиции, мы говорили о проститутках. Он глава отдела общественной морали полицейского управления большого Нью-Йорка, того отдела, который раньше назывался «вайс-сквэд», что в приблизительном русском переводе означало «полиция нравов», а в переводе более точном — «отряд порока».

— Кстати, инспектор, а почему сменилось название?

— Не знаю, — он пожимает плечами, — иногда, время от времени, надо менять имена.

«Отдел общественной морали» — название не из самых подходящих. Ну, потому хотя бы, что оно не отражает надлежащим образом деятельность этого отдела. Поясним: проституция — далеко не все, чем занимаются инспектор Джонсон и его люди, всего 225 человек. «Нарушения в торговле алкогольными напитками, азартные игры — это тоже на нас».

— Интересно, интересно, — зашевелились мы.— Торговля алкоголем — здесь, видимо, идет речь о тех усилиях вашего отдела, которые нацелены на то, чтобы обуздать распространение алкоголя, оградить ньюйоркцев от алкоголизма?

Инспектор испытующе взглянул на нас.

— Моя забота, моя головная боль, — подчеркнуто медленно произнес он, — это те, у кого просрочены лицензии на торговлю спиртным, и те, у кого лицензий нет, но кто все-таки торгует. Потребитель — забота не моя.

Вопрос «А чья?» звучал бы неуместно, и мы его не задали. Потребитель и в самом деле малоинтересен полиции вообще и полиции нравов в частности. Хочешь напиться — напивайся, твое дело. Но вот если ты начнешь буяннить, тогда дело другое! Но опять-

таки, пьяным потребителем займется не люди Джонсона, а обычные полицейские, те, которые всегда в форме.

В Нью-Йорке спиртным можно торговать на вполне законных основаниях с восьми утра до четырех утра следующего дня. Нужна лишь лицензия. За тем, чтобы у торговцев она была, и следит отдел общественной морали.

— Инспектор, в Америке проблема алкоголизма столь же остра, как и в нашей стране, хотя у американцев почему-то и принято считать, будто русские вроде лидеров по части пьянства. Скажите, с вашей точки зрения, не поможет ли то, что часы продажи спиртного будут резко ограничены? Как можно всерьез вести борьбу, если и в четыре утра в Нью-Йорке море разлитое виски, джина, водки, рома и чего угодно?

— Прежде всего: по воскресеньям и по праздникам режим продажи алкогольных напитков другой, более строгий. А теперь главное: смысла ограничивать продажу нет никакого. Тот, кто хочет выпить, выпьет, найдет выход. Вы говорите, у ваших винных магазинов очереди? У наших нет. Но, если ввести ограничения, могут и возникнуть. И получится так, что один человек, вставая в такую очередь, будет покупать спиртное для своих друзей и знакомых. Это — раз. И потом, сколько времени придется ему потратить? И во сколько долларов обойдется это время тому человеку, в учреждении или на заводе которого этот «очередник» работает? Суммы — огромные...

— Человеческая природа такова, — продолжал инспектор, — что, если ему захочется чего-нибудь, он этого добьется. Вы можете затруднить достижение цели, замедлить, но свое он возьмет, изловчившись. Нужно будет выпить — выпьет, захочет сыграть на деньги по-крупному — сыграет. Нужна будет проститутка — найдет.

— Выходит, ваш отдел, инспектор, не нужен?

— Нет, почему же? — отвечает Рональд Джонсон и, запросив у помощника статистические справки, диктует нам:

«За шесть месяцев полицией было арестовано 2287 проституток, 14 клиентов которых, — инспектор отрывается от справки, — мы зовем «джонами», 8 содержательниц тайных притонов, 91 сутенер, 53 педофила, попавшихся на наших переодетых агентах, на полицейских, в свои двадцать три — двадцать четыре года выглядевших шестнадцатилетними. За те же полгода было арестовано полторы тысячи человек, организовавших незаконную лотерею, и 949 человек были взяты там, где шла незаконная торговля спиртным. И чтобы покончить со статистикой: за эти шесть месяцев ни одного ареста за незаконную организацию фейерверков, ими наш отдел тоже занимается, и ни одного ареста по обвинению в непристойности».

Вот это да! Бог с ними, с фейерверками, хотя, должны сказать, в Америке, и в том числе в Нью-Йорке, «огненные игры», устраиваемые по всяким поводам, а чаще без повода, досаждают изрядно, — и оглушающими разрывами «хлопуш», и треском порохового конфетти, и ревом толпы, самозабвенно приветствующей каждый эффектный «выстрел». Досаждают, наконец, нередкими пожарами. Но это, безусловно, не та основная проблема, которой, как можно себе представить, должна заниматься «полиция нравов» и которая может как-то влиять на общественную мораль.

Но вот непристойность, порнография... Знаменитая сорок вторая улица на отрезке от Бродвея до восьмой авеню забита порногра-

фией. По уши, можно сказать, в ней. Кинотеатры, видеосалоны, книжно-журнальные магазины, они же — читальные, а точнее, смотровые залы, стрип-бары (американский неологизм, означающий питейное заведение, где ты пьешь, а тебя развлекают стриптизом). Пип-шоу еще один неологизм: означает «шоу с подсматриванием», как в замочную скважину. Гостиницу в несколько комнат, где плата почасовая, и много еще чего... А отрезок-то этот всего в полкилометра.

И как все это оценивает инспектор Джонсон?

Его ответ:

— Порнографию в Америке трудно регулировать. У нас, как вы, наверное, слышали, есть первая поправка к конституции, провозглашающая свободу слова. Порнография это или нет — в каждом конкретном случае решение принимается судьей. Причем может получиться так и получается, что судья, допустим, в Манхэттене сочтет порнографией то, что в Бруклине, то есть здесь же, в Нью-Йорке, только в другом районе, порнографией считаться не будет. Есть, правда, законы, общие для всех, они запрещают определенного вида рекламу у кинотеатров, где демонстрируются — ну, вы знаете, какие фильмы, — есть законы, запрещающие изображение сексуальных актов с детьми или между детьми. Здесь все ясно, и сомнений насчет того, как действовать в подобных ситуациях, ни у меня, ни у моих людей нет. Но вот сорок вторая улица. Да, там показываются кино- и видеофильмы, там продаются журналы с откровенным изображением половых актов. Но пока судья не скажет, что это порнография, я не могу сказать: «Это — порнография».

— А каким образом в дело вступает судья?

— Мы сами, по своей инициативе, действий не предпринимаем никаких. Сначала нужна жалоба. От рядовых граждан. Вот зашел кто-то в кинотеатр, посмотрел фильм, счел его непристойным, обратился к нам, пожаловался. Тут мы и начинаем действовать: запускаем своего агента, он тоже знакомится с фильмом, достает его копию, мы передаем ее прокурору, а тот решает — доводить дело до суда или нет. А там — решение судьи. Повторяю: с нашей стороны никаких инициатив, а то получится, что полиция навязывает гражданам свою мораль... Вернемся к судье: если он сочтет, что перед ним чистая порнография, мы отправляемся производить аресты. В данном случае арестуем владельца кинотеатра.

— И сколько, инспектор, жалоб поступило к вам в этом году?

— Меньше десяти. Правда, иногда граждане жалуются на прямую прокурору, минуя нас. Но я бы знал об этом.

— И ни одного ареста?

— Как видите...

КАЖДЫЙ ЗНАЕТ СВОИ ПРАВА

Кого винить? Полицию, отказывающуюся быть инициативной? Первую конституционную поправку, которую каждый может трактовать на свой лад? Рядовых граждан, у которых отношение к порнографии очень практичное: она есть, потому что существует спрос. Если б не было спроса, заведения эти давно бы позакрывались. Владальцев заведений и издателей продукции, в эти заведения поставляемые? Но они существуют по законам рыночной экономики, в дело неприбыльное никто не полезет. Неожиданная

возникла параллель: сейчас у кинотеатров во многих городах Америки можно видеть пикеты протеста. Объект протестов — новая лента Мартина Скорсезе «Последнее искушение Христа», в которой, стремглав, мимоходом, всполохом, дана сцена плотского влечения Иисуса к Марии Магдалине. А в пяти кварталах от этих пикетов, если говорить о Нью-Йорке, идут фильмы, сплошь состоящие из подобных сцен, снятых в самых натуралистичных подробностях. Пикеты? Ни единого!

Мы не были бы объективны, если бы создали у читателя впечатление, будто власти Нью-Йорка, других городов Америки не пытаются сокрушить порнографию. Пытаются. Только не в лоб. Только не такими методами, которые могут быть восприняты как нарушение первой конституционной поправки и которые поэтому будут осуждены и теми, кто на порнографии делает деньги, и теми, кто против нее настроен самым решительным образом. Первая поправка — нечто вроде иконы для американцев. Иногда даже кажется, что для большинства американцев сама конституция — это как бы излишество, без которого можно было бы, наверное, спокойно прожить. Но вот без первой поправки американец себя не мыслит.

И потому борьба ведется иными способами. Так уже повелось, что заведения эти — кино- и видеотеатры, пип-шоу, журнальные магазины — собраны обычно в одном районе, в одном квартале. По всему городу, в особенности столь огромному, как Нью-Йорк, кварталов таких может быть несколько, несколько эдаких порнографических свалок разбросано там и сям на ухоженности урбанизированного благополучия.

Тактика властей проста: ликвидировать сами эти кварталы, снести дома. Делается это под самыми разнообразными предлогами. К примеру, староват стал дом, пришло в аварийное состояние здание, нарушены и не поддаются ремонту канализационные линии и т. д. и т. п. Предлоги — сотни, но ни одного такого, который, например, можно было бы увязать с попытками искоренить порнографию и, следовательно, навлечь обвинение в нападках на первую поправку.

Продуктивный метод? Довольно продуктивный. Один из нас, последний раз побывав в Нью-Йорке лет пять назад, в новый свой приезд был поражен изменениями в центре города, в тех нескольких кварталах между восьмой и шестой авеню и между сорок второй и пятьдесят шестой улицами, в которых сосредоточены едва ли не все нью-йоркские театры и в которых спрессованы были раньше чуть ли не все заведения порнографической индустрии. Театры остались, большинство заведений исчезло. Поскольку исчезли дома, в которых эти заведения размещались. На месте тех домов выросли или растут новые: гостиницы, магазины, жилые комплексы.

Поистрепалась и сорок вторая улица. Поубавилось там «завлекаловок», на что поспешили обратить наше внимание двое сотрудников инспектора Джонсона, взявших нас с собою в полицейской машине, естественно, без опознавательных знаков, в «экскурсию» по значному Нью-Йорку. «Поубавилось, поубавилось, — говорили Фрэнк Марти и Уэйн Харрисон, два молодых плотных парня, которые почти каждый день работают в этих кварталах, — вот здесь закрылось заведение, вон там. Поменьше их стало».

— Значит, расправитесь скоро с порнографией? — сыграв наивность, спросили мы.

К нашему вопросу полицейские отнеслись серьезно. «Не думаем, — взвешенно ответили они, — с порнографией мы вряд ли покончим, но вот убрать ее из этих кварталов, наверное, сможем. По-дальше отсюда. Мы и с проституцией стараемся делать так же. Ее вряд ли ликвидируешь, но гонять ее с места на место удается».

В штате Нью-Йорк проституция запрещена законом. Для каждого, кто первый раз попадает в «большое облако», так нью-йоркцы называют свой город, — это откровение. Впечатление складывается такое, что проституция не запрещается, а поощряется законом. Проститутки и в самом деле, как говорит инспектор Джонсон, бесчисленное множество. В любом варианте: в уличном, телефонном, надомном. Любых возрастов, любых цветов кожи, любого пола. И для мужчин, и для женщин.

Полиция прекрасно знает все излюбленные места, где проститутки вылавливают «джонов», знают адреса многих тайных домов свиданий. Один из которых показали и нам, предупредив, правда, чтобы нигде не упоминали того, как выглядит дом, какая у него «официальная» вывеска. «Дабы не спугнуть», — объяснили свое предупреждение. Правда, и проститутки знают полицейских и их машины. Во время той «экскурсии», что была устроена сотрудниками «полиции нравов», не раз возникали ситуации, когда девица или парень, едва заметив нашу машину, тут же растворялись. А автомобиль наш, напомним, был без опознавательных знаков и дело происходило поздним вечером, когда машины — все на одно лицо.

— Инспектор, как работают ваши люди?

— Ездят, ходят, ждут, когда подойдет к ним проститутка, предложит свой товар и назовет цену. Как только цена названа, есть повод для ареста. Поодиночке мои полицейские не работают, всегда бригадой.

(Из бесед с Фрэнком Марти и Уэйном Харрисоном мы уяснили, зачем нужен «бригадный» метод: во-первых, затем, чтобы обеспечить дополнительные свидетельские показания, уличающие проститутку, а во-вторых, и это, по всей видимости, главное, для того, чтобы полицейские следили друг за другом: за «неформальный» контакт с проститутками наказание им полагается строжайшее — увольнение со службы, а иногда и суд. Исключений, заверяя нас наши «экскурсоводы», в таком случае не бывает.)

— И что ждет арестованных?

— Через два-три дня, в зависимости от того, как быстро удастся разобраться с бумагами, суд, который обычно приговаривает проститутку к тем самым двум или трем дням, которые она уже отсидела в предварительном заключении. Иногда штраф — 50 или 100 долларов. Самое большее, что проститутка может получить по закону, 90 дней тюремного заключения. Но такие приговоры крайне редки. Хотя лично я думаю, что надо вводить и более значительные сроки — вплоть до года тюрьмы. Мы можем привлечь к ответственности и клиентов. Максимум наказания для них — тридцать дней тюрьмы и штраф в сто долларов. Было время, мы предавали огласке имена «джонов». Потом перестали делать это: ведь наша цель — борьба с проституцией, а не разрушение семей.

— И считаете ли вы, что борьба ваша успешна?

— Особого прогресса нет. Отсидев, проститутка возвращается

к своей работе. Правда, эти два или три дня существования скрываются на ее финансах. У многих проституткам дети, о которых надо заботиться, так что получается, что даже кратковременный арест оказывается серьезным наказанием. Но в другой раз она просто становится более осторожной.

— У нас в Москве, в других городах, в гостиницы перекрыт доступ посторонним, тем, кто там не живет. Говорят, что это делается для того, чтобы мешать проституции. А вы такое у себя не пробовали?

— Гостиницы у нас — это не только места временного проживания. Это и места встреч. Там бары, рестораны, дискотеки, конференц-залы. Перекрывать вход наивно и глупо. Никакой практической пользы не будет. Не настолько велика наша обеспокоенность проблемой проституции, чтобы мешать деловой, социальной активности людей. Я лучше предпочту разбираться с теми трудностями, с которыми сталкиваюсь сейчас и которые, возможно, обусловлены отчасти тем, что вместе с любыми другими людьми в гостиницы свободно могут проходить и проститутки, а не с теми проблемами, что возникнут, если ввести ограничения, вами упомянутые.

Инспектор не стал говорить конкретно о проблемах, которые могут возникнуть, но они более чем ясны: эти ограничения американцы сочли бы ущемлением своих свобод, протестам не было бы числа, гостиницы с таким режимом просто бы бойкотировались — благо, последних в Америке хватит, наверное, для того, чтобы разместить четверть Америки.

Кстати, вопрос о том, а не ограничить ли доступ в гостиницы, мы задали и тем полицейским, с которыми ездили по значному Нью-Йорку. Уэйн Харрисон, наиболее разговорчивый из двоих, ответил так: «Это же нарушение прав».

Уэйн Харрисон, отметим, негр и, значит, человек, особенно чувствительный к тому, что может быть расценено как нарушение прав и свобод.

И такой еще вопрос интересовал нас, когда мы беседовали с инспектором Джонсоном в его кабинете на 12-м этаже штаб-квартиры нью-йоркской полиции:

— По вашим прикидкам не получается ли так, что СПИД сдерживает проституцию?

— Не получается. Такую закономерность я не могу вывести.

— А есть ли данные, у скольких проституток может быть СПИД?

— Полных данных нет. Предполагаем, что у 5—30 процентов.

...Нас подвезли туда, откуда и начиналась «экскурсия», к полицейскому участку на 30-й улице: там штаб-квартира того подразделения отдела общественной морали, который обслуживает нижнюю, самую активную — во всех смыслах — часть Манхэттена. Вдоль тротуара — десятки машин, и такие, которые выкрашены в белоголубой цвет, традиционно полицейские, и такие, которые ничем не будут выделяться на нью-йоркских улицах. Было без двадцати одиннадцати вечера. Оживал ночной Нью-Йорк. Работа «полиции нравов» только начиналась. А все то, что показывали нам, было и в самом деле лишь предисловием...

ЛИБЕРЕЯ РАРИТЕТОВ

ПОВЕСТЬ *

Игриво размахивая на ходу сумочкой, она поспешила к приближающемуся экскурсионному «Икарусу». Едва Лида приостановилась, чтобы подкрасить губы, из стоящих неподалеку «Жигулей» вылез невысокий человек в распахнутой дубленке и без головного убора, несмотря на приметную лысину. Ким бросил кисть на тряпку, отодвинулся от мольберта и, быстро поднявшись, пошел ему наперерез. Они оказались рядом с Лидой почти одновременно.

— Простите,— быстро взглянув на мужчину, твердо произнес Логвинов и не очень церемонно отвел женщину в сторону, взяв ее под локоть.— Я, кажется, не представился; как положено. Моя фамилия Волгин, Владимир Сергеевич Волгин, режиссер Ленинградского телевидения. Я буду ровно в восемь, как договорились.

Складывая мольберт, Ким видел, как человек в дубленке о чем-то спросил женщину, кивнув в его сторону, и они оба расмеялись. Логвинов был возбужден. «Смейтесь, смейтесь, Алексей Федорович,— торжествуяше шептал про себя он.— Как-то вы потом будете веселиться? Не повезло вам, гражданин Коптев. 1932 года рождения, холостой, ранее судимый. Прилетел, голубчик. Ласточка ты моя веселая. Освободился, сменил телогреечку на дубленочку. Посмотрим, каков ты в новом оперении, птаха моя ненаглядная».

— Участковый инспектор Карзаян,— представился Илья, едва войдя в кабинет директора комиссионного магазина Смирнова.— Прошу вас ответить на ряд вопросов, интересующих органы милиции в связи с очень важным делом. Речь пойдет об антиквариате и перекупщиках краденого. Это могут быть самые различные предметы старины или художественные произведения. Посмотрите список. Что-нибудь из этого в последние дни к вам не поступало?

— Нет, в последнее время ничего подобного не сдавали,— взглянув на листок, ответил директор.

— Почему вы так уверены? Разве вы лично присутствуете во время приема вещей на комиссию?

— Кроме трех-четырёх предметов, все остальное в вашем списке может представлять музейную ценность. О таких вещах у нас принято сообщать директору, то есть мне, а я уже решаю, пускать их в продажу или предложить музею. Окончательное решение выносит закупочная комиссия, о чем составляется соответствующий документ.

---

* Окончание. Начало см. № 11.

— В этом списке нет еще старинных рукописных книг. Очень ценных. Они тоже были украдены.

— Кто возьмется оценить такие книги? — усмехнулся Смирнов.— Разве что ученые. А для покупателей, даже наших, они просто хлам.

— Не скажите! За ними охотятся так же, как за иконами, предметами религиозного культа.

— С целью вывоза за границу?

— С целью наживы. Порой эти книги ценятся больше человеческой жизни.

— Значит, все-таки его убили? — задумчиво, как о само собой разумеющемся, спросил Смирнов.— Я так и знал, что рано или поздно это добром не кончится.

— Кого вы имеете в виду?

— Гришу Ревзина. Разве вы не о нем говорили? Я еще тогда ему сказал: «Гриша, ты плохо делаешь, это нечестный товар. За него ты получишь срок». Но он мой друг, и я... ну, вы понимаете, я помог ему продать те книги. Грише не на что было жить, он зимой ходил в одних галошах и носках. Да, я ему помог. Он купил себе ботинки и пальто. Теперь Гриши нет, и я могу об этом сказать. Ему уже не повредит.

— Вы были знакомы с Григорием Иосифовичем?

— И вы ко мне пришли, чтобы спросить об этом?

— Не только. Я знаю, что Ревзин слыл хорошим специалистом и вряд ли ошибался, высоко оценивая те или иные книги. Кто мог покушаться на его жизнь, как вы думаете?

— Этого я не знаю, молодой человек, так же как и того, откуда он взял товар. Только имейте в виду, случилось это в сорок девятом году. Вас в то время еще на свете не было.

— С вами трудно говорить, товарищ директор. Вы наперед знаете, о чем я хочу вас спросить,— со смешанным чувством недовольства и восторга сказал Илья.

— Долгая жизнь кое-чему учит.

— Вы давно знакомы с Ревзиным?

— С детства, как ни странно. Впрочем, что же тут странного? Родились в одном городе, он пораньше, выросли вместе. Да и потом все время встречались. Дружбы особой не водили, но по-приятельски помогали друг другу, чем могли. Ведь у Гриши были золотые руки и светлая голова. Он до войны-то кустарем числился.

— Кустарем?

— Да, кустарь-одиночка, как в то время говорили, при монастыре. Это только в пятидесятых, когда монастырь стали под музей переделывать, его в мастерскую пригласили.

— А мастерская находилась в монастыре?

— А где же ей еще быть? Самое подходящее место. Там и сейчас работы непочатый край. Монахи ведь все взяли с собой. После них осталось только несколько икон да оригинальные фрески. Вы вообще-то знаете историю монастыря?

Илья слышал, что монастырь был основан в пещерах, где жили пустынники, потом появились церкви, возник посад, из которого и образовался город. Но дальше этого его знания не распространялись. Поэтому Илье было интересно послушать старика, который правильно расценил неопределенный жест милиционера.

— Так вот, если у вас есть время, не перебивайте,— продолжал Смирнов.— Монастырь стоит над пещерами. Их лабиринт тянется

на несколько десятков километров. По преданию, это место когда-то считалось пристанищем сатаны. Местные жители обходили его стороной, так как здесь из-под земли доносился таинственный гул и рокот. Позже стало известно, что внизу, под землей, живут отшельники. Казалось страшным и непонятным, что они не закапывают покойников в землю (доживали они, надо сказать, до весьма преклонного возраста), а помещают в дубовые колоды, которые складывают в пещерах. Потом ученые определили, что состав воздуха, постоянные температура и влажность создали под землей удивительно здоровый микроклимат, и даже неживое тело долгое время может пребывать как бы в законсервированном состоянии. А тогда это казалось чудом: святые тлену не подвержены. Гриша хорошо все это знал, любил рассказывать, много раз бывал в пещерах, помнил, где кто похоронен... И не повезло ему.

— Да, смерть, — согласился Илья.

— Я не про это. Ему еще раньше не повезло, когда новый начальник выжил его на пенсию. Змей — не человек.

— Почему же змей?

— Казаченко-то? Змей. Я всяких людей повидал, но такого не встречал. У него взгляд удава. И Гриша его боялся. Он брал частные заказы и заставлял Гришу на себя работать, а потом еще и издевался над ним. Гриша в конце концов не выдержал, из-за змея этого ушел на пенсию. Теперь ему никто не мешает обделывать темные дела. Я вам, молодой человек, так скажу: если кто в нашем городе и может иметь куплю-продажу древностей, тем более книг, так это он, Казаченко. Но он очень осторожен и у него длинные руки.

В картогеке управления никаких данных на Казаченко Игоря Владимировича не оказалось. Послав запрос в МВД СССР, Илья позвонил в ГАИ области. Но там его ничем не обрадовали: в день похищения Ревзина и накануне угонов такси зафиксировано не было. Значит, преступника, сидевшего за рулем машины, на которой возили Ревзина, надо искать среди таксистов. Посещение таксипарка Илья оставил на следующий день, а сегодня решил разобраться с подростками. Он терялся в догадках о том, откуда Смолянинов мог знать о ребятах, собиравшихся в подъезде Ревзина. Еще раз спросить полковника Карзаян не решился. Это просто стыдно: начальник уголовного розыска информирован лучше, чем он, участковый, о том, что творится на его территории.

Часы неумолимо бежали, а розыск похитителей и возможного убийцы старика пробуксовывал. Конечно, время не потеряно напрасно. Удалось выйти на директора фабрики Москвина, очень заинтересовал Илью рассказ Смирнова о заведующем реставрационной мастерской. Не похоже, что Смирнов наговаривает на Казаченко: ни к чему ему это.

Илья вспомнил, что обещал позвонить Лиде, но, лишь посмотрев на телефон-автомат, мимо которого проходил, двинулся дальше.

Карзаян побывал в отделении, на общественном пункте проинструктировал дружинников. В Петропавловском переулке было малоллюдно. Впереди показалась фигура в форме. Подойдя поближе, Илья узнал сержанта Новикова, державшего в левой руке резиновую палку.

— Здравия желаю, товарищ старший лейтенант!

— Здравствуй, Василий. Ну, как дела?

— Понемногу. Смену сдал. Сейчас в отделение — и в столовую.

— И то дело.— Илья полез в карман шинели, достал сверток.— Давай перекусим. А впрочем, знаешь, пойдем ко мне. Я ведь теперь один живу.

— Я знаю.

Они не торопясь направились к Илье. Его дом был в пяти минутах ходьбы.

— Вы каждый день с собой бутерброды носите?

— Почти. Профессиональную болезнь зарабатываю — гастрит. Должность обязывает. Какой же я милиционер, если без гастрита?

— А без него нельзя? — не понимая шуточки Карзаяна, спросил Новиков.

— Для нас с тобой гастрит или язва — нечто вроде бесплатного приложения: не поешь вовремя, понервничашь излишне, съухомяткой перебеешься. Вот и, пожалуйста, гастрит. У тебя еще нет?

— Не знаю.

— Значит, нет. Но будет, если работать, конечно, как следует. Как начальник нашего райотдела. У него ужин, и завтрак, и обед — все вместе.

Они пили чай, разговаривали. Новиков, между прочим, сказал:

— Теперь старики на ребята жаловаться не будут. Они в пустые гаражи перебрались. За домом. Под снос приготовили, вот они и облюбовали. Я у них спички сегодня отобрал, хотели костер устроить, погреться. Да разве все отберешь! Скорей бы уж эти гаражи сломали...

Распровавшись с Новиковым, Карзаян поспешил к гаражам. В одном из них, в щели неплотно прикрытых ворот, он увидел отблески костра. Ребята не испугались, увидев милиционера. Многие из них знали участкового как человека справедливого и невинного.

Через полчаса, затоптав вместе с ребятами угольки и засыпав их комьями мерзлого снега, Илья шел с тремя из них к дому № 7 по Петропавловскому переулку. Вездесущие мальчишки показали, где стояла машина такси, рассказали, откуда она подъехала, как вышли из нее двое незнакомых парней. Один поднялся на второй этаж, а другой, видимо, остался у дверей. Видели ребята и старика, которого парни сажали в машину. Самый младший запомнил даже номер.

— Дом наш двадцать шесть, квартира одиннадцать. И номер машины такой же...

Карзаян поехал в таксомоторный парк, нашел водителя такси, но Егоров поначалу разговаривать с Ильей не захотел, утверждал, что ничего не помнит.

— Ладно, раз так,— неожиданно охотно согласился Илья.— Трупом больше, трупом меньше. Какая для вас разница? Верно?

— Вы серьезно или так? — встревожился водитель.

— Куда уж серьезнее,— со вздохом ответил Илья.

— Я напишу заявление...

«Во вторник,— читал Илья, с трудом разбирая коряво написанные строчки,— я оставил машину около дома и пошел ужинать. Показывали программу «Время». Когда вышел, машины не было. Я хотел заявить в милицию, но потом подумал, что из милиции сообщат в таксопарк. Жена сказала, чтобы я шел искать, может, шпана покататься взяла. Я искал по соседним улицам. Поехал

к парку отдыха со знакомым таксистом, как он посоветовал. Там машину не нашли. Вернулся я домой в половине одиннадцатого. Опять хотел звонить в милицию. Жена стала отнимать у меня трубку, чтобы не звонил. Говорила, что с меня снимут премию. Я у нее трубку хотел отнять, но телефон упал и разбился. Мы поругались. Я вышел на улицу. Тут увидел свою машину около дома. Закончил омену и поставил машину в гараж. Вину свою признаю. Премии прошу не лишать по причине чистосердечного раскаяния».

Карзанян протянул заявление Егорову:

— Укажите фамилию, имя и отчество водителя, с которым искал машину, и покажите телефон.

Когда Илья пришел к Егорову домой, то убедился: аппарат действительно был разбит. Жена подтвердила заявление мужа...

В роскошную квартиру Алексея Федоровича Коптева вместе с последним этюдом Ким принес еще несколько своих работ. Лида созвала гостей посмотреть их. Давно знакомые между собой Коптев и Игорь Владимирович — высокий мужчина, который, как заметил Ким, был чем-то похож на него самого, обмелгивались короткими фразами, изредка поглядывая на Логвинова и улыбаясь ему. Рядом с Кимом расселись двое бородатых мужчин лет тридцати — Владик и Славик.

Тот, кого еще ждали собравшиеся, появился только в половине десятого. Александр Феоктистович, высокий, подтянутый человек в форме летчика гражданской авиации, подчеркивающей его ладную фигуру, в одно мгновение оживил обстановку. На столе появились вина, коньяк, закуски.

Летчик пил наравне со всеми, но, когда он многозначительно пригласил Кима выйти в другую комнату поговорить о делах и, пошатываясь, поднялся из-за стола, Логвинов понял, что тот совершенно трезв.

— Лида сказала, что вы продаете свои работы? — скорее сообщил, чем спросил Александр Феоктистович.

— Разве это работы? Так, любительство.

— Ничего, ничего, — покровительственно заметил собеседник.

Ким чувствовал, что новый знакомый не привык долго уговаривать. Голос его был тверд, а речь категорична. И заведующий реставрационной мастерской Казаченко и Коптев, который, как понял из разговора Ким, работал начальником колонны на автокомбинате, и тем более Владик со Славиком, реставраторы, смотрели на него не то чтобы с уважением, но с какой-то боязливостью.

Ким решил не торопить события, дать им развиваться самим по себе. В конце концов не случайно его пригласили сюда, во всяком случае, не картины заурядного живописца заинтересовали этих людей. Или одного из них. Но тогда что? Вот это и предстояло выяснить в первую очередь.

Когда они вернулись в столовую, дядя Леша, как называли Коптева, спросил:

— Сколько вы хотите за этот пейзаж?

— Он еще не закончен, — махнул рукой Ким, — вот приеду сюда в следующий раз, когда начнутся съемки моего фильма, тогда и поговорим.

Захмелевшие гости принялись расспрашивать его о новом фильме, ругали подряд все кинокартины. Ким изворачивался как мог и боялся больше всего одного-единственного вопроса: «Что он уже

снял?». Надо было срочно менять тему разговора. Он подошел к огромной книжной стенке и принялся рассматривать ее содержимое.

— О! «Иллюстрированная история Петра Великого!» — негромко произнес он будто про себя, боковым зрением наблюдая за реакцией Александра Феоктистовича, стоящего сбоку. — Да тут и «Петербургские трущобы» Крестовского, и «Месяцеслов» в стихах Симеона Полоцкого!..

— Вы тоже собираете? — спросил летчик, быстро переглянувшись с Казаченко.

— Кто сейчас без этого греха? — улыбнулся Логвинов. — Это третья после кино и живописи моя страсть. Конечно, у меня нет всего этого, что здесь, — обвел он сожающим взглядом многочисленные полки. — Но вот «Историю государства Российского» Карамзина мне удалось достать полностью. Это стоило, понятно, немало. Могу похвастаться романами Дюма...

— Дюма у меня тоже есть, — заявил подвыпивший Славик, специализирующийся на восстановлении икон.

— Извините, я не договорил, — прервал его Ким. — Я имел в виду романы Дюма в издании Сойкина. Это раритеты, даже, пожалуй, суперраритеты.

— Что это такое — раритеты? — спросила сидевшая на кушетке Лида.

— Раритетами называют редкие, сохранившиеся в нескольких экземплярах книги, выпущенные в прошлом веке, — ответил вместо Кима Игорь Владимирович.

— Не обязательно в прошлом, — поправил Логвинов. — Вообще много лет назад. Например, все рукописные книги — суперраритеты. Ведь первая русская печатная книга вышла из типографского станка только в 1517 году в Праге. В моей библиотеке, к сожалению, нет ни одной рукописной книги. Первые из них появились только в 1037 году.

— Вы ошибаетесь, Володя, — послышался вдруг голос дяди Леша из угла. — Первые книги появились гораздо раньше.

— Возможно, — охотно согласился Ким, подавив в себе внезапное волнение. — Я имел в виду дошедшие до нас сведения о первом русском летописном своде 1037—1039 годов и, кроме того, «Слово Иллариона», «Изборник Святослава» и «Послание к Фоме пресвитеру Смоленскому».

— Для любителя вы неплохо разбираетесь в истории, — усмехнулся дядя Леша.

— Лишь постольку, поскольку она меня интересует. Моя давняя мечта — разыскать либерею Ивана Грозного.

— Ли... что? — спросил Владик.

— Либерею. Она древнейшая после собрания книг Ярослава Мудрого библиотека на Руси.

— Ой, как интересно! А она что, пропала? Ее украли? Расскажите! — Лида, широко, по-детски распахнув глаза, смотрела на Кима.

Ким принялся рассказывать о том, что знал. учась в университете, и то, что вычитал недавно, работая в библиотеке.

— Одна из версий судьбы библиотеки Ивана Грозного состоит в том, что она была распылена при переводе столицы из Москвы в Петербург. Вполне могли и к вам в монастырь завезти. Жуликов и в то время хватало. А по другой версии царскую либерею вывез-

ли при Грозном во время опричнины в Александрову слободу вместе с казной. Летописец указывает, что государь вывез из Москвы огромный обоз с наиболее ценными вещами. Что было в том обозе, никто не знает. Но в Александровой слободе библиотека не была найдена. Историк, академик Тихомиров, помнится, писал, что, может статься, сокровища царской библиотеки до сих пор лежат в подземельях Кремля и ждут только, чтобы смелая рука попробовала их отыскать.

Ким готов был говорить еще долго, но заметил, что гости начали скучать. Включили магнитофон, и Лида потащила его танцевать.

— Володя,— дядя Леша тронул Логвинова за плечо, как только Ким, еще не отдышавшись, присел к столу,— можно вас на минуточку.

Они вышли в кабинет, провожаемые взглядами остальных.

— Знаете ли, Володя, меня очень заинтересовала эта история про библиотеку. Я старый книжник, мне это простительно. Сами понимаете, собирательство — болезнь нашего времени. Так вот, мне хотелось бы знать, действительно ли книги Грозного могли оказаться в нашем монастыре? Или это только ваше предположение?

Ким ожидал, что о чем-то подобном пойдет речь непременно. Не случайно компания совещалась в его отсутствие. Книжных «червей» заинтересовала история либерей лишь с одной точки зрения: как бы выгоднее продать товар. Не очень-то ты осторожен, дядя Леша, не пошло тебе впрок пребывание в местах не столь отдаленных — вернулся к старому. Ну что же, ноготок увяз, недолго и всей птичке пропасть.

— Предположение вполне реальное,— рассуждал как бы про себя Логвинов.— Есть мнение, что часть своей библиотеки Грозный перепрятал в другие подземелья. Известно, например, что он подарил Троице-Сергиевой лавре Псалтырь XIV века, изготовленную на пергаменте прекрасной выделки, отлично исполненную и переплетенную в доски, обтянутые итальянским бархатом. Часть царского собрания могли похитить. Это тоже не исключено.

— Какое варварство! — грустно покачал головой дядя Леша.

— Не скажите,— усмехнулся Ким.— «Благодаря» профессору Маттеи, совершившему в Синодальной библиотеке ряд хищений, в голландском городе Лейдене появилась рукопись, содержащая, кроме нескольких песен Илиады, еще и гимны Гомера. Причем в таком виде, в каком другие рукописи их не имеют. Потом, не забываяте, что доверенное лицо Петра Великого Конон Осипов вел поиски библиотеки Грозного в подземельях Кремля. Что ему стоило умолчать о своей находке, если, конечно, он что-нибудь нашел, и пару сундуков завезти в ваш монастырь по дороге из Москвы в Петербург? Спрятал до лучших времен. А они не наступили. Так и похоронили тайну. Чем не вариант?

— Вариант правдоподобный,— почесал подбородок дядя Леша, глядя на Кима исподлобья.— Вот бы найти! А, Володя? — Губы Коптева улыбались, но глаза выражали неуверенность и напряжение.

— Заманчиво. Только ведь жалко будет отдавать.

— Кому же отдавать? — хитро подмигнул дядя Леша.

— Государству, конечно.

— Можно и себе кое-что оставить, друзьям предложить.

— А, вы вот о чем. За это и посадить могут.

— Можно и на гладкой дороге лоб разбить. Вы все-таки подумайте, Володя. Книжки, сами говорили, ценные. Есть за что постараться.

— Мужчины, хватит секретничать,— появилась в дверях комнаты Лида.— Вы меня отвезете? — обратилась она к Киму.

Растолкав спящего Славика, все вышли на улицу.

— Где же наш автомобиль? — спросила Лида, глядя на Логвинова. Ким выходил из подъезда последним, пропуская Владика, который поддерживал засыпающего на ходу товарища. Машины, которую он выпросил у Смолянинова, на месте не было. В первый момент Логвинов даже не понял, что произошло. Полковник дал «Москвич» до утра, предупредив, чтобы Ким не забыл сменить номера. Неужели угнали?

Попросив всех подождать внизу, он поднялся в квартиру Коптева. Дядя Леша встретил его настроенно.

— Такая неприятность,— объяснил Логвинов,— машину угнали. Надо позвонить в милицию.

— Здравствуйте,— произнес он, услышав голос дежурного по городу.— У меня машину угнали. Какой ваш адрес? — спросил он Коптева, закрыв микрофон рукой.— Советская, восемь... У подъезда... Четыре часа... Нет, в гостях... Волгин, Владимир Сергеевич... Тринадцать — сорок шесть...

Это был оперативный номер уголовного розыска области, который знали все дежурные по городу, дежурные по районам, отделам. Все, кому по долгу службы нужно было в случае необходимости передать срочную информацию. Ким беспокоился, сообразит ли сотрудник, о чем идет речь, догадается ли соединить его с делом.

Дежурный по городу попросил назвать серию и номер автомобиля

— Тринадцать — сорок шесть,— резко произнес Ким.— Нет, вы меня не поняли. Я говорю: три-над-цать — сорок шесть.

— Понял вас, соединяю,— наконец услышал Ким.

— Я говорю, угнали машину,— раздраженно продолжал Ким, когда в трубке негромко прошелестело: «Слушаю, Смолянинов».— Адрес: улица Советская, дом восемь...

— Знаю, знаю,— тихо сказал полковник.— Это я приказал машину забрать, чтобы ты сразу позвонил. Приезжай в управление. Илья пропал. И к тебе есть вопросы.

— Вот работнички,— бросил трубку Ким.— Везде одинаковые. Вместо того чтобы искать, вызывают в милицию. Хорошо, еще не выпил. Еще раз до свидания. Над вашим предложением я подумаю. Очень интересная идея, но малопривлекательная.

Смолянинов был на месте. Давно он не чувствовал себя так неуверенно и мерзко. На вечернем совещании, где, кроме него, Левко и Крымова, присутствовал секретарь парткома УВД Савельев и где Смолянинов доложил об обнаружении книги, упомянутой в заявлении, написанном якобы Ревзиным, было принято решение временно отстранить старшего оперуполномоченного Логвинова от работы до окончания служебного расследования. Доводы начальника отдела уголовного розыска были выслушаны и приняты к сведению. Но и только. Единственное, чего ему удалось добиться, это непосредственного указания генерала Левко сотрудникам, проводящим служебное расследование, закончить свою работу в течение следующих суток. Чтобы в понедельник была полная ясность.

...Ким настолько устал, что слушал рассказ шагавшего из угла в угол Смолянинова о результатах работы Карзаняна, полузакрыв глаза. Понимал, что начальник это видит, но ничего не мог с собой поделать. Но, когда полковник, сообщив подробности о результатах работы Ильи и его внезапном исчезновении, протянул тоненькую папочку с копией приказа о временном отстранении Логвинова от работы, усталость как рукой сняло. Ким читал, впиваясь взглядом в каждую строчку. Закончив, он поднялся и, не глядя на Смолянинова, которому тоже не хотелось встречаться взглядом с собеседником, заявил:

— Я поехал искать Илью. Это в мои служебные обязанности не входит...

Показания водителя следовало подтвердить, но Илья понимал, что для дальнейших поисков практически это ничего не даст. Пряитель Егорова сначала что-то мямлил, отнекивался, но, когда трубку взял сам Егоров и попросил рассказать все, как было на самом деле, полностью подтвердил его сообщение, на всякий случай добавив, что сам предлагал сразу же заявить в милицию.

На улице Карзанян плотнее запахнул куртку, потуже затянул пояс и медленно побрел в сторону своего дома. Сколько исходил за день, сколько раз был близок к той двери, за которой, как ему казалось, находятся все ответы на все вопросы! И все напрасно. Хотя почему же напрасно? Обнаружить квартиру, в которую привезли Ревзина, тоже не пустяк. Ни Москвину, ни его жене деваться некуда, рано или поздно они расскажут все как было.

«А убийство тут при чем? — сам у себя спрашивал Илья. — Умер-то старик почти через сутки после похищения. Скажут, с тех пор в глаза его не видели, и не докажешь обратного. Да и вряд ли Москвин имеет отношение к смерти Ревзина. А такси? Что такси? Не искать же через столько времени следы пальцев на ручке или двери?» Мысли Ильи пошли в другом направлении.

«Как мало нужно для того, чтобы предотвратить большую часть преступлений! Достаточно, чтобы каждый без исключения добросовестно выполнял свои обязанности. И только-то. Не оставь Егоров или другой таксист машину без присмотра, не состоялось бы это самое похищение. Ревзин считал, что его возили на другой конец города, а был он в дальнем подъезде своего же дома, и весь этот маскарад понадобился только для того, чтобы запутать старика. Неудивительно, что ему там что-то показалось знакомым. Но и сам-то я хорош, — рассуждал Илья. — Мог бы сообразить: около одиннадцати часов напротив подъезда той женщины из пятьдесят второй квартиры такси-то стояло. Значит, у подъезда самого дальнего, от того, в котором жил Ревзин. И счетчик был выключен. Это еще одно подтверждение, что старик был именно в квартире Москвина».

Домой идти не хотелось, к тете Шуре — тоже. Илья зашел в кабину телефона-автомата, набрал номер Лиды. Никто не ответил. Опять вспомнился отец. Конечно, он не забывал о нем, то и дело возвращаясь к тому позднему вечеру, когда обнаружил вдруг, что не слышит его тяжелого дыхания. Но в течение дня удавалось хоть немного отвлечься. А сейчас тяжесть утраты снова навалилась на него. Вот бы с кем посоветоваться, рассказать о событиях дня. Отец понял бы. Может, упрекнул бы в чем, но подкинул бы дельную мысль.

Смолянинову Илья решил сегодня больше не звонить. Все рав-

Рис. В. Родина

но завтра утром представит ему отчет по всей форме. А там, кроме упоминания о квартире Москвина, ничего стоящего не будет. Посмотрит полковник на эти полстранички, написанные от руки, грустно покачает головой и скажет: «Иди-ка ты, Илья Степанович, обратно на пункт охраны порядка. Там тебя ждут не дождутся заявители с жалобами на собак, гуляющих без намордников, и на их хозяев».

Илья всегда знал, что будет работать в уголовном розыске. И этого стремления не изменила ни черновая, подчас очень не-

приятная и тяжелая работа, ни неустроенность личной жизни. Уважение и любовь к отцу естественным образом перешли на такое же отношение к его профессии. Он и к товарищам по службе относился с тех же позиций, и странно было ему, если кто-то жаловался на трудности. Работа ничем не хуже любой другой. Не понимая таких коллег, Илья все же относился к ним терпимо. Даже пытался убедить в исключительной необходимости и важности того дела, которым они занимались. Карзанян вообще был терпим к недостаткам и слабостям людей, отклонявшихся в своем поведении от его собственного представления об идеале. Не терпел он только дураков, бездельников и пьяниц. «А Сычев кто? — вдруг подумал Илья, бесцельно бредя по улице.— Ни тем, ни другим, ни тем более третьим его не назовешь. Почему же тогда Вадим вызывает такое раздражение? Он равнодушный. Такие везде встречаются. Сычев, например, вполне серьезно мог удивляться, когда речь зашла о поиске книг. Убийство — это ему ясно — надо раскрывать. А книги? Никто же не требует от угрозыска искать сами книги. Обнаружат жуликов, во время обыска изымут что есть. Вот и хватит. Ведь и специалисты не всегда спешат разыскивать старинные книги и предметы искусства».

Сам того не заметив, Илья дошел до монастыря. В темноте все здесь выглядело не таким, как солнечным утром. Купола церквей едва угадывались на фоне фиолетового, почти черного неба, скрытого облаками, сливались с окружающей местностью. и оттого казалось, будто и монастырь со своими высокими стенами, и Илья, стоящий около них, перенеслись на несколько веков назад. В те времена, когда на много верст вокруг не было человеческого жилья, на близлежащих выгонах паслись монастырские стада, а из трапезной по ночам раздавались протяжные песни басовитых «братьев».

Илья прислушался, остановившись у приоткрытых ворот. Ему почудилось, что откуда-то из глубины двора и в самом деле доносятся заунывные нечленораздельные звуки. Сам не зная зачем, он пошел на них. Это, конечно, не было праздным любопытством. Не мог Карзанян утром прийти к полковнику с пустыми руками. И хотя у него еще не созрел определенный план действий, он все же надеялся разузнать нечто такое, что могло пригодиться в будущем. Рассказывая о трудностях поиска улики, отец обычно говорил: «Если потерял след, не топчись на месте, не трать попусту время. Иди туда, где след может появиться. Не беда, если ошибешься, хуже, если начнешь оправдываться перед собой и докажешь сам себе бессмысленность дальнейших поисков».

Не зажигая карманного фонарика, который обычно носил с собой, Илья протиснулся в приоткрытые ворота и медленно, стараясь не шуметь, двинулся в глубь двора. Невнятный поначалу голос становился отчетливее. Завернув за угол какого-то строения, Карзанян увидел странную картину. У самой стены низенькой часовни, рядом с несколькими обвалившимися ступенями, ведущими на крыльцо, в свете небольшого костра сидел человек, одетый в тряпье. Из-под низко опущенной рваной шапки выглядывало маленькое, сморщенное заросшее лицо. Вокруг, насколько можно было различить, лежали свежеструганные доски, стояли бидоны с краской, бочки с известью. Неподдалеку в неверном колеблющемся свете угадывались очертания бетономешалки. Мужчина, уставившись в огонь, бурчал себе под нос: то ли пел, то ли ругался.

Илья присел рядом, бросил в костер несколько щепок и тут же почувствовал резкий запах устоявшегося винного перегара, смешанного с табачным дымом: Так обычно пахнет от тех, кто пьет часто и помногу. Звуки прервались. Мужчина мутным взором посмотрел на Илью, передернул плечами и протянул руку куда-то назад. Через мгновение рука появилась перед костром. В ней была зажата бутылка дешевого вина, которое местные жители окрестили плодово-выгодным. Поднеся бутылку на уровень своих глаз, мужчина побултыхал ее и, убедившись в том, что она пуста, размахнулся, чтобы зашвырнуть ее куда подальше, но тут же передумал и аккуратно поставил рядом с собой.

— Я извиняюсь, конечно,— прокашлявшись, обратился он к Илье.— Тут такое дело. Посторонним, это самое, не положено. Закрывается, значит, все.

По голосу, надтреснутому и глухому, и внешнему виду мужчины можно было дать далеко за семьдесят. Он смотрел выжидательно. Следовало что-то отвечать. Пересклизив отвращение, возникшее от запаха перегара, Илья улыбнулся.

— За помощью я к тебе, папаша. Тут, понимаешь, дело какое. На экскурсию приехал, да вот от своих отстал. Зашел к давнему приятелю, пока наши по городу ходили историю смотреть. То да се, пока в магазин слетали, пока посидели. Еще одну раздавили, а тут уж и вечер. Кирюха-то мой в вечернюю пошел. А что мне теперь в гостинице куковать? Дай, думаю, схожу в монастырь, может, кто и покажет. Наши-то и в пещерах ходили. Красота, говорят, со свечами-то...

Сторож, казалась, и не слышал Илью. Выжидал.

— Показать, говоришь? — наконец проявил он интерес к разговору.— Долг-то он, знаешь, платежом красен, как любил говаривать мой покойный отец Иннокентий. Да. А я, значит, Пантелеймоном зовусь. Если в пещеры хочешь, в магазин сбежать надо. Посторожи за меня. Мигом обернись.

Вернувшись из магазина, старик повел Илью к невысокой арке, закрытой глухими воротами. Никакого замка на них, естественно, не было. Сторож надавил плечом на одну из створок, и она со скрипом отворилась.

— Вот тебе и пещеры. Иди гляди. Свечу-то на, возьми.— Сторож запустил руку в нишу справа и достал оттуда толстый оплывший огарок.

— Чего же я там один-то увижу? — спросил Илья.— Ты уж, Иннокентьич, уважь. Проводи, расскажи. Небось, не хуже экскурсовода знаешь, что тут да как.

Пантелеймон забрал у Ильки свечку, не глядя, бросил ее в нишу и, подняв с пола мощный аккумуляторный фонарь, вразвалку пошел вперед.

— Дело, значит, было так,— начал он.— Лет полтыщи назад, а может, и того боле, пришел в эти места один отшельник. Увидел он дыру в земле и решил в ней жить. Потом другие ямины обнаружил, начал в них припасы на зиму складывать. Вскорости отшельников этих набралось видимо-невидимо, что тараканов за печкой. Жили себе припеваючи. Стали над пещерами дом строить, потом другой. Так монастырь и построили. Наверх перебрались. Да не все. У кого вера была покрепче, так и жили в пещерах. Устроили себе кельи в стенах, заложили камнями снаружи, только окошко оставили. Вот смотри, через это окошко их и кормили.

Илья осторожно просунул голову в крохотное отверстие в стене. Сторож, стоявший сзади, поднял фонарь. Илья увидел небольшое, площадью около пяти квадратных метров помещение с низким потолком и неровными стенами.

— Так до смерти и жили тут? — Обернулся он к своему провожатому.

— Здесь и помирали. А хоронили их в других местах. Опять долбили камень, делали большую выемку, туда гробы и заталкивали. Да ты сам увидишь.

Они шли в полный рост, не нагибаясь. Пахло сыростью, но не затхлой, как в подвале, а свежей и бодрящей. Дышалось легко. Время от времени проход расширялся, и путники оказывались в просторных помещениях с высокими потолками. В углах стояли покрытые паутиной чаны, еще какие-то сосуды. Кое-где встречались нацарапанные быстрой рукой туристов надписи явно нерелигиозного содержания.

То справа, то слева Илья замечал небольшого размера, но, судя по всему, толстые и крепкие двери в стенах. «Здесь можно упрятать всю городскую библиотеку вместе с районными, да еще осталось бы место для читателей. Разве тут что-нибудь найдешь?» — подумал Илья.

Сторож подвел Илью к одной из дверей в стене, потянул ее на себя и направил в открывшуюся темноту луч фонаря. От пола до довольно высокого потолка громоздились наваленные друг на друга черные, грубо отесанные бревна — гробы.

— Они и сейчас тут лежат, — спросил Илья, — монахи?

— Пусто уж давным-давно. Ученые растащили, изучают. Все никак в толк не возьмут, чего это здешние покойники в прах не обращаются. А тут и понимать нечего: святые ведь, вот их тлен и не берет.

Сторож вошел в склеп и привычно опустился на край одной из торчащих снизу колод. Илья устроился рядом.

— Это что, покойнички закусывают? — спросил он, глядя себе под ноги и носком сапога подвигая поближе к стоящему на полу фонарю корку хлеба. Рядом валялись огрызок колбасы, окурки папирос.

— Это я на прошлой неделе бату своего поминал. Тут похоронен. Он пономарем при церкви состоял. Пещер тут много, и я себе место приглядел. Ты того, — вдруг строго произнес сторож, — откупоривай. У меня и закусон найдется.

На дне колоды вперемишку с мятыми газетами лежали куски плавленого сыра, начатая банка рыбных консервов, хлеб.

— Во, — удовлетворенно хмыкнул сторож. — На прошлой неделе положил, а все свеженькое. Да ты бери, не стесняйся. Не отравись. Здесь лучше, чем в холодильнике.

От угощения Карзаян отказался, предоставив Пантелеймону в одиночку расправляться с бутылкой. Он с интересом рассматривал газету, извлеченную из гроба. Она была четырехлетней давности, судя по дате на первой странице, но выглядела так, будто ее только что отпечатали.

— Святое же место, — пояснил старик, — книжка полтыщи лет пролежит, и ничего ей не будет.

— Чего в книгах-то интересного? Вот иконку бы какую старую достать.

— Эх ты, парень, хватился когда! Все увезли подчистую. На

картонке реставраторы наляпают кое-как, для блезиру, и развезят у входа, а скурсоводы помалкивают, цену себе набивают.

— За что же это ты, Пантелеймон Иннокентьевич, экскурсоводов не любишь?

— Настырные больно. И нет, чтоб сторожа уважить, еще жалобы строчат. Не угодил я, видишь ли, им. Директор к себе вызывал. Ну, я ему врезал. Нет, говорю, такого права, чтоб из родного дома выгонять. Сперва, говорю, квартиру мне дайте со всеми удобствами, как у других. У меня тридцать пять лет непрерывно стажу на этом месте. Я жаловаться буду. Так и сказал. Отступились. Дай бог здоровья Игорю Владимировичу. Надоумил, как говорить. Вот и отступились.

Голова сторожа медленно склонялась набок. Он привалился к стене, вяло мусоля в губах потухший окурочок папиросы.

— Это кто ж такой? — лениво поинтересовался Илья. — Благодетель-то?

— Умный человек. Над реставраторами начальник. Завсегда уважит. Я ему тут, почитай, все показал... Самую малость себе оставил. Про черный день... Ну ты походи недалече, я вздремну. Только далеко не забредай, тут и заблудиться недолго. Бывали случаи.

Илья взял фонарь и пошел вдоль правой стены, уверенный, что, возвращаясь обратно вдоль левой, всегда сможет выйти к склепу.

«Интересно, Иннокентьич спяну сболтнул про книги или в самом деле что-то знает? А благодетель-то у него, видно, неслучайный оказался. Есть о чем доложить полковнику», — думал он, медленно продвигаясь по коридору и открывая подряд все двери в стенах. Некоторые поддавались с трудом. Илья знал, что искать. У сторожа наверняка есть тайник, где он что-то припрятал «про черный день», и если он вообще существует, то должен находиться где-то неподалеку.

Давно было пора возвращаться назад, а Илья все кружил на одном месте. Он смотрел на хорошо различимые отпечатки подошв своих сапог на полу у двери, они вели к ней с двух сторон. В душу начал заползать холодок. Он осветил вокруг себя фонарем и прижался спиной к холодной стене. Все вокруг было истоптано. Куда бы ни поворачивал он, везде наткнулся на тупики и двери.

На следующий день на утреннем совещании полковник Смолянинов с плохо скрытой иронией выслушав доклад Карзаняна о его приключениях в пещерах монастыря, запретил подчиненным без особой нужды и близко подходить к его стенам. Логвинов, присутствовавший вместе со всеми, молча торжествовал: его версия о том, что источник появившихся в городе древностей находится в монастыре, подтвердилась. Оставалось «побеседовать» с Москвиным, дядей Лешей и в первую очередь с заведующим реставрационной мастерской Казаченко. Этим они и собирались заняться, как вдруг поступило сообщение о краже из квартиры Ревзина. Вадима Сычева, к его удивлению, ввели в оперативную группу.

Закончив отчет о вечере, проведенном в компании «книголюбов», Логвинов пошел домой: полковник Смолянинов объявил, что ему положен отгул за работу в прошлый выходной, тем более что и сегодня воскресенье. Кроме Кима и полковника, никто пока еще не знал, что это за отгул и с чем он связан. Сам же Логвинов старался об этом не думать, но волей-неволей мысли его то и дело возвращались к злополучному заявлению, написанному от име-

ня Ревзина. Больше всего озадачивал один вопрос: откуда те, кто стоит за Ревзиным, могли знать его, Кима, фамилию. Не было в жизни Логвинова дня, которого он ждал бы больше, чем завтрашнего понедельника. Он верил, что политотдел вместе с кадровиками во всем разберутся и он сможет опять приступить к работе. Но на душе было неспокойно...

Судя по всему, кража произошла среди бела дня. Сразу после совещания Сычев приехал на место происшествия. Вскоре в доме по Петропавловскому переулку появился и Карзаний, заходивший в райотдел. В последнее время на его участке происходило все больше загадочных событий.

— Ты во дворе был? — недовольно буркнул Вадим Илье.

— Глухое дело.

— Ну, конечно, это тебе не то, что в монастырском подzemелье. Там бы ты враз разобрался.

— Уже раззвонили?

— Еще бы. Тебя всю ночь искали, целый город на ноги подняли. Около монастыря колодец оставили открытым. Ким тебя там искал — может, ты туда провалился?

— Ладно, — отмахнулся Илья, — долгая история. Расскажи лучше, почему меня в монастыре искали? Да еще пост там оставили?

— Тебя ребята по дороге к монастырю видели, когда мимо на патрульной машине проезжали.

— Ясно.

— Темнишь ты чего-то, Илья.

— Чего темнить-то? Задание выполнял.

Вадим откровенно расхохотался:

— Ты на свои руки посмотри. Живого места нет. Камни, что ли, ворочал? Головой работать надо, а руками пусть те, у кого головой не получается.

Карзаний с трудом подавил в себе желание вот прямо здесь, сейчас сказать ему все, что о нем думает. И уж совсем не хотелось рассказывать Вадиму о том, как долго бродил он по подземелью, как нашел то, что искал, и сумел выбраться наружу.

Они вышли во двор поговорить с жильцами соседних домов, спросить, не заметил ли кто-нибудь из них людей, грузивших в машину домашние вещи. Во дворе они встретили Логвинова, который, не усидев дома, решил осмотреть обворованную квартиру. К этому времени следователь, эксперт и проводник с собакой, потерявшей след на улице, неподалеку от подъезда, уже уехали.

От порядка в квартире старика не осталось и следа. Пол устилала осколки стекла. Книги, сброшенные с полок, громоздились друг на друга. Дверцы шкафа и буфета распахнуты настежь. Преступники явно что-то искали. Нет, не ценности и деньги, которые здесь никогда не водились. Ясно, что их интересовали книги. «Особенно каталоги, — думал Ким, — чтобы не продешевить, повыгоднее, со знанием дела продавать старину. Не очень-то они на меня рассчитывают. Видно, не показался я им: не того масштаба специалист. Соображает дядя Леша. Умен мужик!»

В понедельник рано утром генерал Левко вылетел в Москву на совещание. Во вторник ко второй половине дня, когда он вернулся, в приемной уже собралось несколько человек.

— Заходи, Дмитрий Григорьевич, — протягивая руку Смолянинову и отодвигая лежавшую перед ним папку на угол стола, про-

изнес Левко, когда полковник вошел в кабинет генерала.— О совещании потом поговорим. Сейчас о другом. Комиссия закончила работу. У тебя Логвинов сейчас чем занимается?

— Канцелярией, бумажки подшивает,— ответил Смолянинов, пожимая плечами и отворачиваясь к окну.

— А ведь не умеешь ты врать, Дмитрий Григорьевич. Никогда-то не умел и к старости не научился. Что, небось еще вчера побывал у Крымова?

— Нет,— буркнул Смолянинов, недовольный, что его вот так откровенно, как мальчишку, уличили во вранье.— Крымов сам заходил, вместе с кадровиком, который нас курирует. Рассказали, ввели, как говорится, в курс дела. С разрешения Крымова и под мою ответственность решили тебя не дожидаться. Логвинов работает по делу «Либерей раритетов». Вот черт, язык сломаешь. Раз десять повторил, пока правильно произнес.

— С этого и надо было начинать, Дмитрий Григорьевич. А то отнимаешь время у себя и у меня. Что ты на меня так смотришь? По поводу вашего с Крымовым решения я согласен.

— Я хотел насчет Сычева. Может, просто уволим, без последствий? Крымов не возражает.

— Нет уж, любезный друг,— взорвался генерал.— Я тебе его рекомендовал, и я буду настаивать на исключении Сычева из партии и передаче материалов служебного расследования в инстанции.

— Ну, по поводу партийного взыскания не нам с тобой решать, для этого собрание существует. А что касается инстанций... Ведь он только от трусости Логвинова подставил.

— Он товарищей предал,— повысил голос Левко,— Логвинова, Карзаяна, да и нас с тобой в придачу. Мы все как-нибудь переживем, а что люди скажут? «Опять милиции все можно?» — вот что скажут. Эх вы, перестройщики! Да мы просто права не имеем подлецам и разгильдяям потворствовать. Сколько бед из-за них! Это же не гуманность, а чистой воды попустительство. Выходит, раз демократизацию развиваем, значит, все можно: и делу навредить, и товарищей под тюрьму подвести? Далеко мы так зайдем.

— Не в попустительстве дело, и демократия тут ни при чем. Ты не хуже меня это понимаешь. О человеческой судьбе идет речь. Вот и надо решать не только по долгу, но и по совести,— Смолянинов хмуро перелистывал лежащие перед ним материалы.— Мне тоже, знаешь... Как подумаю, так сам бы его...

— Не шуми, не шуми. С тобой тоже придется разбираться. Как ты подчиненных воспитываешь? — слегка хлопнул ладонью по столу Левко.— Мы к этому еще вернемся. Что у нас нового по делу Ревзина? И, пожалуйста, поподробнее. Откровенно говоря, эта история с книгами, убийством и кражами зашла слишком далеко.

— Не было убийства, Сергей Харитонович,— с заметным удовольствием от того, что генерал сменил тему разговора, произнес Смолянинов.

— Так ли? — усмехнулся Левко.— Как камень с души.

— Точно. Прокуратура вынесла постановление о прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления.

— Рассказывай...

Произошло вот что. Утром, когда уборщица еще гремела ведрами в коридоре, дверь кабинета Смолянинова широко распахнулась,

и на пороге появился сияющий Логвинов. Он почти выкрикнул:

— Не было убийства, не было, Дмитрий Григорьевич! Казаченко все рассказал. Вот.— Ким положил на стол протокол допроса заведующего реставрационной мастерской.— Накануне, в субботу, Игоря Владимировича Казаченко задержали сотрудники отдела БХСС при получении денег за иконы, похищенные из действующей церкви в соседней области. Оказывается, они давно эту мастерскую держат на примете. Возбуждено уголовное дело. Кроме того, при ревизии выявлены копии фиктивных документов, по которым мастерская отчитывалась за якобы сделанную работу. Таким образом, реставраторы получали деньги за фактически не исполненные заказы музея. Полностью вину Казаченко на себя не берет. Он назвал соучастников, через которых получал и продавал краденое,— реставраторов Владислава Галкина и Вячеслава Докучаева, а также некоего Александра Феоктистовича Поталова, который, по его словам, поставлял клиентуру не только из Московской, но и из других областей. Я знаю всех троих, познакомились во время вечеринки у дяди Леша, простите, гражданина Коптева.

— Постой, Ким! Ты так увлеченно рассказываешь, словно у тебя других проблем нет. Ты что, притворяешься или тебя в самом деле не интересует, чем закончилось служебное расследование? — спросил Смолянинов.

— Меня в кадры уже вызывали,— сразу сник Логвинов.

— Ну, и что ты думаешь по этому поводу?

— Я не хотел бы на эту тему, Дмитрий Григорьевич. Противно.

— Всякое бывает, Ким, жизнь еще и не такое закручивает.

— Да я не о себе. Тут-то я был спокоен. Но еще когда прочитал, будто Ревзин именно мне книгу передал, понял, что это кто-то из управления состряпал. Но на Вадима подумать не мог. А вы?

— Я-то? Я, наверное, идеалист. Вы как-то легче называете вещи своими именами. Смелее вы, что ли, во взаимоотношениях, не так близко принимаете к сердцу. Мне трудно тебе это объяснить. Спасать друзья меня спасали, но ни разу никто не предал. Может быть, поэтому я до сих пор не могу заставить себя поверить, что Сычев оказался способен на такое. Умом понимаю, а душой — никак. Ну, я понимаю, забыл, заматался, ошибся, не придал значения — распушенность и безответственность, одним словом. Но уж если так серьезно все повернулось, приди, расскажи по-честному. Не расстреляют же, поймут. На что он рассчитывал, когда этот поклеп сочинял?

— Наверное, думал, что, как и при прежнем руководстве, обо не будут разбираться, кто прав, кто виноват. Было бы указание выполнено, а чья голова с плеч слетит, не так уж и важно. Особенно, когда о чужой голове речь идет.— Ким замолчал.

— У Левко с Крымовым такие вещи не пройдут. Они, слава богу, понимают, что, пока в работе милиции действительно не восторжествуют закон и справедливость, абсолютная правда и гласность, преступность непобедима. Многие еще не верят, что милиция оздоравлиется. Уж на что Ревзин был потрясен похищением, и то лишь на третий день решился к нам обратиться,— Смолянинов остановился напротив Кима и без всякого перехода спросил:

— Кстати, о Ревзине почему речь зашла?

— Фамилия Ревзина всплыла, когда Казаченко спросили, не приходилось ли ему реставрировать книги. Он сразу же стал отнеки-

ваться и заявил, что сейчас у них нет таких специалистов. Был, дескать, один, да и тот ушел на пенсию и недавно умер. Следователь, который вел допрос, обратил внимание, что при упоминании о реставраторе книг Казаченко занервничал. Следователь позвал меня. Пришлось задать еще несколько вопросов. В конце концов выяснилось, что он видел старика в день смерти около его дома.

— И все? Что-то я ничего не понимаю.

— Сейчас объясню. После допроса следователь зашел ко мне с протоколом. Посмотрел на меня и вдруг говорит: «Вас бы с Казаченко переодеть и можно места:и поменять. Не близнецы?» Тут я вспомнил, что даже у Коптева нас об этом спрашивали и подумал: а не был ли Казаченко рядом со стариком в момент трагедии? Если да, тогда понятно, почему соседка Ревзина такой крик подняла, увидев меня, и разговаривать со мной не захотела. Понятно стало, и почему заволновался Казаченко, когда о Ревзине речь зашла. А что, если он старика не около дома, а в самом доме видел — в подъезде? Короче, сегодня с утра пораньше направляюсь в Петропавловский, к Марии Степановне Сизовой. И опять, как в прошлый раз, она встретила меня, мягко говоря, неприветливо. Ну я и спросил напрямик, не видела ли она меня в тот день, когда Ревзин умер, около двери его квартиры.

— И что Сизова?

— Лучше бы не спрашивал. Так перепугалась, что чуть в обморок не упала. Еле успокоил. Пришлось про Казаченко рассказать. Наконец поверила, а когда поверила, пригласила меня чай пить. За чаем и сообщила со всеми подробностями, что слышала, как сосед вошел в подъезд — узнала по голосу: он с кем-то разговаривал, вернее кричал. Сизова выглянула в глазок на лестничную площадку. Ревзин стоял на верхней ступеньке, почти на площадке первого этажа и кричал на человека, находившегося у дверей в подъезде. Что-то насчет каких-то денег, заказов, махинаций. Она не поняла, что к чему. Потом Ревзин вдруг замолчал и, рухнув на пол, заохал. Мужчина подбежал к нему, поозирался, приподнял, подтащил к квартире, залез в карман старика, открыл ключом дверь, втащил старика в переднюю и там оставил. И это все спиной к наблюдательнице. А когда выходил, повернулся к ней лицом. Тут-то она меня, вернее Казаченко, и разглядела.

— Это еще доказать надо, что именно Казаченко, а не кого другого,— тихо, будто самому себе, сказал Смолянинов.

— Тут и доказывать нечего,— горячо возразил Ким.— Пальто по описанию, сделанному Сизовой, полностью совпадает с тем, во что был одет Казаченко при задержании.

— Совпадение.

— Нет, не совпадение. Группа крови Ревзина и следы ее на одежде Казаченко совпадают. Кроме того, я вчера вечером еще раз повидался с Казаченко. Он рассказал все, как было. Разногласия с показаниями Сизовой только в мелочах. Казаченко увидел Ревзина около его дома, хотел с ним поговорить и пошел к подъезду. Остальное известно.

— Ты не спрашивал его о похищении старика, об «экспертизе»?

— Впрямую нет. Поинтересовался вскользь: об их встречах в последнее время, о чем говорили, ну и так далее. У меня такое впечатление, что Казаченко к похищению отношения не имеет...

Докладывая об этих событиях генералу, Смолянинов то и дело

порывался встать, но, наталкиваясь на взгляд Левко, усаживался на место.

— Долго, Дмитрий Григорьевич, очень долго тянется эта во-
лынка. Я понимаю, конечно, важно сохранить книги, не дать расхи-
тить библиотеку, если она существует...

— Конечно, существует! — резко поднялся полковник и пошел
вокруг длинного стола, за которым проходили совещания.

— Я не закончил,— строго прервал его генерал.— Если она су-
ществует не только в нашем воображении. Пока мы дров вроде
бы не наломали. Казаченко задержан без всякого отношения
к книгам?

— Об этом знают все, кого мы считали нужным поставить
в известность.

— Вот и ладно. Мне доложили, что на фабрике у Москвина то-
же идет проверка.

— Надо арестовывать Москвина. На нем все сходится.

— На каком основании? Что мы предъявим ему? «Разгон»? Так
Москвин — сам потерпевший. Описание квартиры, где Ревзин про-
водил «экспертизу»? Это не доказательство. Что еще? Ничего.

— Знаю.

— А раз знаешь, ищите. Москвин, Казаченко, мальчишки, обво-
рочавшие квартиру Ревзина, все это — фрагменты одной мозаики.
Кстати, как вы вышли на подростков?

— Сами явились с повинной. Разбираемся.

— Вот-вот, разберитесь. Выясните, кто за ними стоит. Да моего
старого знакомого дядю Лешу не оставьте без внимания, позаботь-
тесь. Это моя личная просьба.

— Понял, — усмехнулся Смолянинов.

— «Понял», — ворчливо передразнил генерал.— Все-то ты, Дмит-
рий Григорьевич, понимаешь, а того, что с меня каждый день за
эти книги шкуру снимают, понять не можешь. В Москве создается
специальная комиссия. Ее наши страсти-мордасти не интересуют: ей
книги подавай, и чтоб в целостности и сохранности.

— Постарайся, что ты сейчас предлагаешь?

— Да ты нахал! Я что, начальник уголовного розыска? У меня
своих забот полон рот. Это ты предлагай. Ребята у тебя толко-
вые, грамотные. Карзаян-то как?

— Он не в курсе. Закончим это дело, тогда уж...

— Ну вот, видишь, такая сила, а ты руками разводишь... Вспом-
ни нас: мы тоже в молодости не лаптем щи хлебали. Какие дела
раскручивали!

— Так то мы, Сережа, а то они, — в тон ему заметил полков-
ник.— Сколько им придется побегать, прежде чем из них получит-
ся хорошая упряжка.

— Ты что же, не уверен в них или чего придумал?

— Запрошу-ка я одно интересное дело из архива. Представь се-
бе, имена стал забывать, клички. Пр делам, что были лег пятнад-
цать — двадцать назад, все фамилии помню, а как звали тех, кто год-
два назад проходил, забыл.

— Будет тебе прикидываться. В субботу на рыбалку махнем.
Все вспомнишь. Готовь снасти. Кстати, о кадрах поговорим, на на-
ших сотрудников жалобы от населения все еще поступают.

...Старое уголовное дело помогло освежить в памяти детали,
которые и в самом деле стали забываться.

Москвин проходил свидетелем по делу группы мошенников.

А мог и, наверное, должен был сесть на скамью подсудимых. Но его участие в деятельности расхитителей, орудовавших на железной дороге, доказать не удалось, и он оказался по эту сторону барьера, отделявшего преступников от честных людей. А после засыпал все инстанции жалобами на то, что его посмели в чем-то заподозрить. Эти воспоминания вызвали в Смолянинове раздражение, злость на самого себя за то, что не удалось отыскать факты, свидетелей, которые обличили бы Москвина в соучастии. Вот уж действительно, не пойман — не вор. Но ведь вор же, вор.

«Столько ценностей, что у него из квартиры во время «разгона» вынесли,— рассуждал Смолянинов,— на зарплату не приобрести. Ворюга этот Москвин, что и говорить. А вот, поди же, на свободе».

После обеда он собрал у себя Логвинова и Карзаяна.

— Давайте, что у вас? Потом обсудим и решим, как дальше действовать. Сроку у нас всего одни сутки — генерал торопит. Докладывай, что у Москвина.

— На работу является вовремя,— начал Карзаян.— До одиннадцати часов ходит по цехам. Смирно сидит в кабинете, по вызову выезжает. На проверку — ноль внимания.

— Все это я знаю. Что ты еще установил?

— По моим наблюдениям, Москвин мало с кем общается. После работы — домой. Среди посетителей посторонних не бывает. Гостей дома принимает редко. Все распоряжения передает в основном через своего заместителя. Тот почти все время сидит у него в кабинете. Я пока была в приемной, только и слышал от секретарши, как она отвечала по телефону: Семен Павлович занят; у него Александр Феоктистович, позвоните позже».

— Александр Феоктистович? — переспросил Ким.— Как он выглядит?

— Я его всего раз видел мельком. Высокий, худощавый. Лицо приятное, даже располагающее. Глаза вот только... наглые. Одет в костюм тройку...

— Точно, летчик,— воскликнул Ким.— Товарищ полковник, это же летчик из той компании. Ну и жук! А другие, похоже, и в самом деле думают, что он всю страну облетал.

— Он и в самом деле облетал,— не понимая, о чем идет речь, сказал Илья.— Поталов — заместитель Москвина по снабжению.

— Заместитель, значит,— усмехнулся Смолянинов, оглябая стол и садясь.— Так, так. А говоришь — мелочи. Так вот, к вашему сведению, этот Поталов до недавнего времени числился начальником товарной станции. Вот, значит, кто «отмазал» Москвина во время того следствия. А Москвин в благодарность взял его к себе замом. Так, так. А не упоминалась ли фамилия Казаченко в твоих разговорах на фабрике?

— Нет,— немного подумав, ответил Илья.— Надо у водителя Москвина поинтересоваться. Если Казаченко с Москвиным в одной компании, Витька должен его знать.

— Так он тебе и сказал,— обернулся к нему Логвинов.— Болтуны у начальства в шоферах не ходят, не задерживаются.

— А он и не болтун,— обиделся Илья, не терпевший, когда его подозревали в незнании прописных истин.— Парень что надо.

— Ты что, его знаешь? — удивился Смолянинов.

— После школы работали вместе на заводе, в одном цехе.

— Что же ты молчишь?

— Почему молчу? Спросили — сказал.

— А если бы не спросили? — улыбнулся полковник, все больше узнавая в Илье черты обидчивого характера своего друга Степана Карзаняна.

Илья вместо ответа пожал плечами.

— Вот ты, Илья Степанович, и потолкуй. Нужно выяснить, есть ли какая-нибудь связь между Москвиным и заведующим реставрационной мастерской. И вообще постарайся установить связи Москвина с монастырем. Сегодня же.

— Тогда я пошел...

— Подожди. Сначала Логвинова послушаем. Что у тебя, Ким?

— Сегодня вечером у меня встреча с дядей Лешей. Он звонил мне в гостиницу, передал администратору, что хочет повидаться по важному делу. Думаю, речь пойдет о поисках древней библиотеки в нашем монастыре. Похоже, он не собирается ни с кем делиться, да и меня в сторону постарается оттереть, как только отпадет во мне надобность.

— Но-но, — остановил его полковник. — Не очень-то зарывайся. Твое дело — не библиотека, а сам Коптев и его связи. Смотри, не упусти своего «дядю». Генерал в нем особенно заинтересован.

— Старые счета? — не удержался Илья.

— Вот именно, старые. У тебя, Ким, — повернулся он к Логвинову, — есть какие-нибудь соображения по поводу того, кто у них за главного?

— Скорее всего Коптев, судя по взаимоотношениям на вечеринке. Поталов перед ним прогибается, не говоря уже о Владике и Славике. Те вообще, — Ким махнул рукой, — на подхвате...

— А девушка, Лида?

— По-моему пытается изображать светскую львицу, не понимая, что находится в стае матерых волков. — Ким мельком взглянул на Илью, зная уже о его отношении к Лиде.

Карзанян смотрел на него со смешанным чувством тревоги и надежды. Ему очень хотелось, чтобы Ким был прав и на этот раз, чтобы Лида действительно не оказалась впутанной в эту историю.

— Что тебе удалось установить о ее роли в этой компании? — спросил полковник, заметив состояние Ильи.

— Роль у нее незавидная, — хмыкнул Логвинов. — Ее могут попытаться выставить в качестве курьера, доставлявшего преступникам книги из монастыря, когда дело дойдет до суда. А сейчас держат как симпатичную приманку — на всякий случай. Мы недавно встречались, — не глядя на Илью, продолжал Ким. — Она провела для меня своеобразную индивидуальную экскурсию по монастырю. Говорили об общих знакомых. По-моему, Лида души не чает в Поталове — и умница, мол, он, и кавалер, и щедр необыкновенно. Упомянула, что он через нее передает Славике на реставрацию старые книги из своей библиотеки.

— Ты об этом в рапорте не сообщил, — поднял на Кима глаза Смолянинов, листая бумаги, которые он достал из сейфа.

— Нужно еще проверить. Свертки она передает уже несколько лет. А книги обьявились совсем недавно.

— Это ничего не меняет, Логвинов, — сурово произнес полковник. — Вы должны были сообщить сразу.

— Виноват, не хотелось по ошибке брать под подозрение.

— Объявляю вам замечание, для начала. Подготовьте рапорт и со всеми подробностями изложите все, что вам стало известно из бесед с этой женщиной. Советую обратить внимание на показания Казаченко о том, что у них в мастерской нет специалиста по реставрации книг.

Когда Ким и Илья вышли в коридор, Карзаня спросил:

— Ты еще что-нибудь о ней знаешь?

— Если бы и знал, все равно не сказал бы. В этих делах, Илья, каждый сам должен разобраться.

Большие круглые часы над входом в красный уголок мебельной фабрики показывали уже без четверти пять. Смена закончилась полчаса назад, но зал был заполнен только наполовину. Народ собирался медленно. Илья волновался. Генерал должен был подъехать с минуты на минуту.

Такие встречи трудовых коллективов с руководителями УВД и его служб проводились и прежде. Но рабочие и жители прилегающих к фабрике домов, которых обычно приглашали на беседы, приходили неохотно. Немного находилось желающих раз за разом слушать о том, как успешно милиция борется с преступностью.

В последние два-три года положение резко изменилось, людям стали говорить всю правду, приводить объективную статистику о совершенных и раскрытых преступлениях. Это повысило интерес к подобным встречам. Те, кто приходил на них, хотели прежде всего узнать о практических результатах работы по конкретным происшествиям. Особенно повысился этот интерес в связи с арестом директора фабрики и его заместителя по снабжению.

Карзаня надеялся, что вместе с Левко придет начальник поллитдела или кто-нибудь из прокуратуры, начальник райотдела, а может быть, и Смолянинов, как бывало раньше. Но генерал распорядился не отвлекать сотрудников от работы. Представляя себя в президиуме рядом с Левко, Илья ощущал неуверенность.

Начальник управления подъехал около пяти. Вместе с Карзаняном его встречал секретарь парткома фабрики. Когда они втроем вошли в красный уголок, свободных мест в зале уже не было. Люди сидели на подоконниках распахнутых настеев окон, даже стояли вдоль стен.

Сделав короткий обзор состояния преступности в области за прошедший месяц и рассказав о принимаемых мерах, генерал Левко достал из папки несколько писем — жалоб работников фабрики. Когда он рассказал о том, какие меры по ним приняты, в зале одобрительно зашумели.

— За что Москвина и Поталова посадили? — громко спросил кто-то из дальних рядов. И сразу наступила мертвая тишина.

— Не посадили, — поправил Левко. — Они арестованы по обвинению во взяточничестве и незаконных валютных операциях.

Левко вышел из-за стола и спустился в зал поближе к слушателям.

— История эта началась давно, лет этак семьсот тому назад. — Присутствовавшие сдержанно загудели. — Я постараюсь покороче, — улыбнулся Левко. — Так вот. Следователям, которые работают по ряду дел, связанных с делом Москвина и Поталова, пришлось хорошо покопаться в архивах. На основании обнаруженных ими материалов и последних научных публикаций можно предположить, что наш монастырь, заложенный в тринадцатом веке у переправы

на древней Новгородской дороге, что проходила у слияния рек Черехи и Великой, был одним из активных центров по переписке книг. Монастырь мог стать также центром их хранения и распространения. Как бы там ни было, в подземельях монастыря, в то время действовавшего, оказалось несколько сот книг, представляющих большую историческую и научную ценность. Но к началу нашего века о тех книгах позабыли. Остался лишь один человек, который не только помнил о них, но и тщательно прятал от чужих глаз в одной из дальних пещер в дубовой колоде. Этим человеком был пономарь Иннокентий Смерницкий. Вскоре после революции, как вы знаете, монастырь приспособили под общежитие, а бывшего пономаря оставили дворником при нем. В 1950 году он умер, но успел передать богатое наследство, которое, кроме книг, состояло из большого количества принадлежащих церкви предметов, своему сыну Пантелеймону. Когда четыре года спустя в монастыре был открыт областной краеведческий музей, Пантелеймон стал сторожем при нем. Но отцовской выдержкой и надеждой дождаться своего часа он не обладал. Дважды, в 1967 и 1982 годах, Пантелеймон Смерницкий задерживался работниками милиции при попытке продать иностранцам различную церковную утварь, в том числе и иконы. Но поскольку эти предметы среди музейных экспонатов не числились, к суду он не привлекался. Как теперь выяснилось, среди его клиентов были не только иностранцы, но и советские граждане.

— А Москвин с Поталовым тут при чем? — раздался громкий голос из зала.

— Сейчас узнаете. Следствие еще не закончено, поэтому я не буду называть подлинные фамилии участников этих махинаций, сплотившихся в хорошо организованную преступную группу. Они не брезговали ничем: занимались перепродажей наркотиков, спекулировали валютой. В последнее время пытались шантажировать операторов, требуя у них выплаты части доходов. Но самым прибыльным и хорошо поставленным делом была продажа содержимого тайника Смерницкого. Преступники, среди которых были не только лица, ранее судимые, но и те, кто до недавнего времени занимал ответственные должности и в областном управлении культуры, и в системе торговли, имели свои каналы реализации ценностей и посредников, постоянную клиентуру из числа иностранцев и нечистоплотных коллекционеров в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Киеве и Одессе. Изделия из серебра и золота продавались, как правило, за валюту. Некий дядя Леша, возглавлявший это «предприятие», неоднократно пытался прибрать к рукам все, что прятал Смерницкий, сразу, оптом. Но хотя тот в последнее время окончательно спился, расставаться с добром не спешил. В конце концов пользующиеся более или менее устойчивым спросом предметы церковного культа были распроданы. Тогда дошла очередь и до книг. Но здесь произошла осечка. Ни сам дядя Леша, ни его помощники, которых к тому времени он приобрел в лице директора вашей фабрики и заместителя, некоторых работников реставрационной мастерской вместе с заведующим, в старинных книгах ничего не смыслили. Им понадобился специалист, способный оценить пусть не историческую, но, главное, рыночную стоимость книги, которая зависит не только от ее древности, но и от оригинальности издания, его уникальности, а также от имени того, кто ее выпустил. Особенно разгорелись аппетиты преступников после того,

как от московских коллекционеров им стало известно, что несколько реализованных ими ранее книг из нашего монастыря появились на международном аукционе «Кристи» и были проданы за баснословные деньги.

Заведующий реставрационной мастерской сообщил Москвину, что в его доме живет старый реставратор, специализировавшийся в свое время именно на старинных книгах. Москвин попытался войти с ним в контакт, но старик оказался несговорчивым и от каких-либо сделок отказался наотрез.

Да, я не сказал, что примерно за год до этих событий в квартиру Москвина, подобрав ключи, забралась вора. Дело было днем, в рабочее время. Но совершенно случайно в квартире оказался хозяин вместе с Поталовым. Им удалось задержать воров, но что было с ними делать? Если вызвать милицию, то придется показывать квартиру, набитую дорогостоящими вещами, которые натолкнут следователя на нежелательные расспросы. Москвину было, действительно, чего опасаться. Только денег у него изъято почти сорок восемь тысяч рублей. Он неоднократно получал от разных лиц взятки за то, что через своего заместителя по снабжению соглашался получать от ваших поставщиков заведомо некондиционные материалы.

— А нас призывал за качество бороться,— слышались возмущенные выкрики.— Мы за прошлый год ни разу полную премию не получили... Вы с этим разберитесь...

— Этими вопросами специалисты уже занимаются. Короче говоря, Москвин и Поталов с ворами договорились. Сделали их своими подручными и телохранителями, готовыми на все за те деньги, что им платили. Сейчас пока еще не ясно кому: дяде Леше, Москвину или заведующему реставрационной мастерской первому пришла мысль похитить старого реставратора и силой заставить работать на себя. Все трое сваливают ответственность друг на друга. Так или иначе, только повернуть это дело им не удалось. Конечно, ни Москвин, ни Поталов, к тому времени установивший связи с библиоманами, падкими на книги сомнительного происхождения, ни тем более сам главарь, проходивший ранее по подобному делу в качестве обвиняемого и получивший соответствующее наказание, сами на такое не решились бы. Похищение старика осуществляли их подручные, кстати, оба ранее судимые, один из которых угнал оставленное без присмотра такси.

Операция оказалась удачной. Эксперт опознал в предъявленной книге не найденную ранее «Псалтырь» 1491 года. Правда, недавно из Москвы пришло сообщение, что это, возможно, не та «Псалтырь», которую имел в виду старый реставратор, но издание, безусловно, заслуживающее большого внимания. Преступники полагали, что прибрали реставратора к рукам и смогут пользоваться его услугами. Но ошиблись. Он пришел к нам и рассказал о случившемся. Вскоре старик умер, но это событие прямого отношения ко всему этому делу, как теперь уже достоверно известно, не имеет. Сотрудники уголовного розыска установили всех участников преступной группы. Расследование ведется по разным направлениям. Кроме организованной перепродажи книг и церковной утвари, каждый из них промышлял на стороне. Например, те двое домушников, о которых я упоминал вначале и которые стали подручными Москвина, его же, Москвина, все-таки и обворовали. Правда, на этот раз они не проникли в квартиру с помощью подброса ключей. Обманув жену

Москвина, они вынесли из дома наиболее ценные вещи, в том числе и несколько книг, приготовленных к реализации. С их же участием, но уже по указанию дяди Леша, была организована кража из квартиры старика реставратора после его смерти. Они искали справочники, с помощью которых можно было бы установить ценность той или иной книги. Ну вот, пожалуй, и все. Вопросы есть?

— Как с книгами в монастыре? Нашли их? — спросили из зала.

— Книги нашли. Их оказалось несколько сотен. Они отправлены в Москву на исследование. Часть из них потом вернется к нам и будет выставлена в музее. А разыскал их ваш участковый Карзаян, который принимал непосредственное участие в раскрытии совершенных преступлений. Теперь им уже ничто не угрожает. Я не случайно так подробно рассказал вам об этом деле. Возможно, кто-нибудь из вас слышал что-то такое об этих событиях или знает какие-либо подробности, которые нам пока неизвестны. Мы обращаемся к вам за помощью. Если что-нибудь вам известно, сообщите участковому или позвоните нам. Еще вопросы есть?

— Товарищ генерал,— обратился к Левко молодой парень, сидевший в первом ряду,— в газете недавно была статья про то, что у вас неправильно уволили одного из уголовного розыска. Что же получается: провинился один, а наказали другого?

— Я знаю эту статью,— недовольно поморщился Левко.— Сейчас в газетах много чего пишут про милицию. И было бы хорошо, если бы тот, кто берется за эту тему, достаточно квалифицированно разбирался в ней. А еще лучше.— был бы к тому же порядочным и объективным человеком. К сожалению, так бывает далеко не всегда. Автор статьи в погоне за сенсацией пошел на поводу у нечестных людей и опубликовал материал, который не только не соответствует действительности, но и оскорбляет тех, кто добросовестно выполняет свой долг. Эта статья недавно обсуждалась на бюро обкома, и в газетах будет опубликован отчет об этом заседании. В действительности дело обстояло так. Наш бывший сотрудник Сычев допустил вопиющую безответственность, халатность, безразличие, как хотите называйте, к своим служебным обязанностям. Получив от гражданина заявление, старинную книгу и другие материалы, которые он должен был передать по назначению, он попросту забыл о них. А когда возникла опасность разоблачения, попытался всю вину свалить на своего товарища. Поэтому и был уволен за дискредитацию звания офицера милиции. Чтобы придать своим действиям еще большую достоверность, он направил в инстанции, кроме подложного письма, еще и случайно попавшее в его руки действительное заявление по поводу недостойного поведения другого сотрудника. Хотя жалоба оказалась настоящей, к тому, кто в ней обвинялся, она никакого отношения не имела.

— Это как же у вас получается? — возмутилась молодая женщина, до этого молча стоявшая у подоконника.— Опять своих выгораживаете? Как раньше...

Мельком взглянув на покрасневшего Карзаяна, Левко с улыбкой ответил:

— Никто никого не выгораживает. Если наш сотрудник провинился, я вам так и сказал, что мы его уволили. Но имя честного, заслуженного человека трепать никому не позволим. Короче говоря, сожитель одной гражданки при знакомстве назвался именем нашего ветерана, ныне покойного, который в свое время арестовывал его за различные преступления. После того, как этот мошенник оставил

свою сожительницу, считавшую, что он работает в милиции, она написала на него жалобу в УВД. Вот и все.

Распровавшись с секретарем парткома, генерал предложил Карзаныю подвезти его до райотдела. Илья хотел отказаться, но, взглянув на сердито сосредоточенное лицо начальника, не решился и молча полез на заднее сиденье. Вопреки установившейся практике, Левко сел рядом с ним, а не впереди. Машина плавно взяла с места.

— Скажи честно, Илья Степанович,— неожиданно заговорил генерал, который до этого, казалось, забыл о его присутствии,— ведь ты не очень сильно переживал из-за всей этой истории с заявлением?

Карзаныя не торопился отвечать, и Левко продолжил:

— У меня такое ощущение, что ни ты, ни Логвинов не придали этому особого значения. Со мной была подобная история. Я тогда ночей не спал, боялся, не разберутся по справедливости, с работы уволят. Я тогда только-только из обкома в УВД вернулся. Чего молчишь-то?

— А чего мне было бояться?

— Это понятно. Если совесть чиста, то бояться, конечно, нечего. Но все-таки ведь переживал?

— Да ничего я не переживал. Некогда да и...

— Нет, ты уж договаривай, друг любезный, раз начал.

— Это я так, не по делу.

— По делу или нет, а давай выкладывай.

— Если честно, то мне, дядь Сережа, извините, товарищ генерал, мне было обидно, но не страшно. Терять-то ведь нечего.

Левко недоуменно уставился на Илью:

— Как это нечего? А человеческое достоинство? Честь офицера милиции? Уважение окружающих?

— Честь и достоинство, как бы там ни сложилось, всегда при мне останутся. А насчет работы... И мне и Киму работа везде найдется. При нынешних заработках на производстве, в обслуживании, не говоря уж о кооперативах, куда легче и спокойнее. А главное, человеком себя чувствуешь, когда твой заработок и вся жизнь только от тебя самого зависят, а не от начальника и обстоятельств, как у нас. К тому же о любой мелочи сразу в министерство или в УВД сообщают. И не то противно, что пишут всякую ерунду, а то, что там, наверху, еще и занимаются проверкой таких писем.

— Ты считаешь, не надо было назначать служебное расследование?

— Не знаю, товарищ генерал. Я бы не стал: чего волокитой заниматься, если всем и так все ясно. Не мог же Логвинов, в самом деле, заявление Ревзина скрыть и книгу присвоить. А про меня, так вообще...— махнул рукой Илья.

— А Сычев мог?

— Конечно!

— Это ты сейчас так говоришь, потому что знаешь, а неделю назад так не ответил бы. Ведь не ответил бы?

Илья кивнул.

— Вот видишь. Я потому и настоял на расследовании, чтобы разобраться в этом деле, а не потому, что Логвинова и Карзаныя в чем-то заподозрил. И Смолянинов с Крымовым меня правильно поняли. Так что дело не в том, где человек работает — на заводе

или в милиции, а что это за человек. Чего молчишь? Не согласен? Так и скажи.

— А что от того изменится, если скажу? По-моему, никому так не достается, как работнику милиции. Кто бы что ни натворил, он всегда в конце концов оказывается «крайним», на которого можно свалить всю ответственность. А там и уволить можно, и в тюрьму посадить. Вы же помните, как отца тогда таскали. Никаких доказательств его вины, а никто ничего поделывать не мог, ни вы, ни Дмитрий Григорьевич. Я же знаю, как Федор Семеныч в свой отпуск в Москву ездил отца защищать. Все равно его лишь после смерти в партии восстановили. Я только совсем недавно понял, что отец в последние годы как в круговой обороне жил: сзади — «несуществующая» банда Кравцова, которая расстреляла патрульную машину вместе с экипажем и разгромила поселковое отделение милиции, и все это свалили на пьяных дебоширов, а «впереди — персональное дело и «особо принципиальное» мнение первого секретаря райкома партии, не простившего отцу критики на заседании бюро.

Илья замолчал. Он и не подозревал, что когда-нибудь выскажет вслух все, что за последние дни легло на душу тяжелым грузом. Но теперь стало легче и особенно от того, что сказать все это пришлось человеку, который всегда уважал и ценил отца, а значит, и его, Илью, поймет правильно.

Споря про себя с Ильей, Левко, конечно, не мог не согласиться, что в последние годы работники правоохранительных органов стали единственной, пожалуй, категорией советских трудящихся, которая, ведя борьбу с преступностью, наиболее незащищена от нападков. Тех же работников милиции можно заглазно обвинить в чем угодно — в нарушении законности, злоупотреблении властью или превышении своих полномочий, и любая, даже самая нелепая жалоба будет проверяться. Но, независимо от результатов проверки, удар уже нанесен. А с каждым новым незаслуженным оскорблением у человека все меньше и меньше остается желания идти в атаку. Тем более что за самый откровенный пасквиль никто, как правило, ответственности не несет.

Оба молчали. Левко сверху вниз смотрел на Карзаяна, а тот нерешительно переминался с ноги на ногу.

— Ты знаешь, на чем твоего отца подловили? — наконец произнес Левко, выделяя интонацией последнее слово. — Видимо, не знаешь. Он не получил письменного разрешения прокурора на производство обыска, договорились по телефону. А потом прокурор от своих слов отказался.

— Почему?

— Наверное, испугался, когда тот человек, у кого преступники хранили награбленное, заявил на суде, что обыск производился без санкции прокурора. А может быть, еще почему. Степан мне сам не рассказывал и Смолянинову, видимо, тоже, но мы потом уже с ним пришли к выводу, что, вполне возможно, у твоего отца были в руках какие-то нити, которые вели от этой банды куда-то вверх. Чтобы обрубить их, было достаточно скомпрометировать Степана. Но он сознательно шел на риск. Задержись он тогда с обыском хотя бы на полчаса, мы бы вряд ли это преступление когда-нибудь распутали. А вот ты почему закон нарушаешь? Не догадываешься? — горько уомехнулся Левко, глядя на растерянного Карзаяна. — Ты зачем книги из одной пещеры в другую перепрятал? Вещественные доказательства укрывал? Почему полтора месяца молчал о сво-

ей находке? Может быть, ждал, когда сторож признается, где хранит свои сокровища? Ведь, согласишься, можно, теоретически, конечно, предположить другое: сторож промолчит, и тогда ты становишься единственным владельцем содержимого монастырского тайника. Ты об этом подумал? И как бы Смолянинов или я должны были реагировать на очередное заявление о том, что участковый Карзаян скрывает, а вернее, похитил у гражданина Смерницкого некие предметы, представляющие государственную ценность?

Они давно уже стояли у машины. Илья низко опустил голову и от этого казался совсем маленьким по сравнению с возвышавшимся над ним генералом Левко.

— Так, может, скажешь, что ты собирался делать с этими книгами?

Илья стоял, не поднимая головы.

— Если так и будешь молчать, я подумаю, что частью коллекции ты пополнял личную библиотеку.

Сказав так, Левко тут же пожалел об этом. Илья резко вскинул голову. Лицо его покрылось пятнами, глаза горели злобой.

— Себе? Себе? Мне ничего не надо, товарищ генерал! Я, чтобы всем досталось, чтобы не испарилось, как раньше вещдоки пропадали. Откуда я знал, будет следствие, или уголовные дела одно за другим прекратят, как по мановению волшебной палочки? Ищисвищи тогда эти книги.

— Значит, ты ни мне, ни Крымову, ни Смолянинову не веришь?

...Генерал уехал. Совсем стемнело. Зайдя ненадолго в райотдел, Карзаян отправился на общественный пункт охраны порядка, где его ждали дружинники, ребята из комсомольского оперативного отряда. Предстоял очередной рейд по дворам, проводимый, как всегда, в пятницу. До воскресенья оставалось совсем немного.

Говорят, римский император Веспасиан, изыскивая средства, как пополнить изрядно порастрепанный римскими сенаторами городской бюджет, ввел налог на общественные туалеты. Узнав об этом, его сын Тит (тот самый, что разрушил Иерусалим и построил для знати сауны, по-ихнему термы), стал брезгливо выговаривать папаше. В ответ Веспасиан взял монету из первой партии этого неаристократического налога и поднес к носу Тита: «Пахнет?» Тит отрицательно мотнул головой: «Не пахнет...» Тогда Веспасиан гордо произнес: «И все-таки они из мочи!»

Очевидно, это и имел в виду древний поэт-сатирик Ювенал, подводя философскую базу под решение тогдашнего «председателя Римского горисполкома»:

Запах дохода хорош,
Каково бы ни было его происхождение.

За два тысячелетия все это сформулировалось в лаконичную фразу: «Деньги не пахнут».

История повторяется. Наглядно я в этом убедился, увидев озабоченного гражданина, отбивающего чечетку у подворотни с вывеской «Комфорт» на легендарной Петровке в центре Белокаменной. Мужчина лихорадочно шарил по всем своим карманам, жалостливо вопрошая прохожих:

— Гривенничка не найдется?

Гривенника ни у кого не находилось. Одна добрая душа предложила мужчине, не теряя времени, бежать в такое же заведение неподалеку — на угол Неглинной и Кузнецкого моста. Увы! Там стоимость посещения была уже в два раза выше. Правда, детям до 7 лет, инвалидам войны и военнослужащим рядового состава предоставлялась льгота — бесплатный вход. В «Детском мире» пошли дальше: там по соседству два входа в однотипные заведения. Нет «пятнашки» — становись в длинный хвост очереди. Вход в другое свободен: здесь функционирует кооператив «Люкс».

Сейчас трудно найти концы и установить, кто из сенаторов Моссовета додумался воскресить веспасианский налог. Кто догадался бесплатные до недавнего времени услуги (кстати, все равно так или иначе оплачиваемые из нашего кармана, кармана налогоплательщика) передать в руки кооператоров? Им отданы лучшие помещения

и на вокзалах, хотя в стоимость покупаемого нами билета входит не только передвижение «из пункта А в пункт Б», но и все виды услуг, предоставляемые министерствами путей сообщения, гражданской авиации и других. Впрочем, если кто, скажем, захочет бесплатных услуг на Ярославском вокзале, то может пробежаться в конце 9-го пути до одинокого непрезентабельного автовагончика... А как быть, если летит целая семья, а вылет в аэропорту задерживается — и порой на сутки-двое?

Конечно, и Моссовету, и транспортникам это выгодно: не только экономия за счет «стрелочников» — обслуживающего персонала, но и доход от писуарно-цивилизованных кооператоров.

Нет, я ничего не имею против кооператоров. Даже наоборот: всячески приветствую развитие кооперативного движения. Нужны нам кооперативы по строительству дорог и домов, по производству компьютеров и промышленных товаров. Нужны и по общественному питанию, если, конечно, после знакомства с их расценками кусок в горло полезет. И крайне необходимы в сфере обслуживания. Вот только стоит ли передавать им все подряд, заменять без разбору кооперативами то, что до возрождения людей предприимчивых находилось в государственных руках. Зачем, скажем, вместо обычной закусочной (как, например, на улице Палиашвили в Москве — кафе) открывать кооперативное кафе с ценами, недоступными для посещения трудящимся со среднестатистическим заработком.

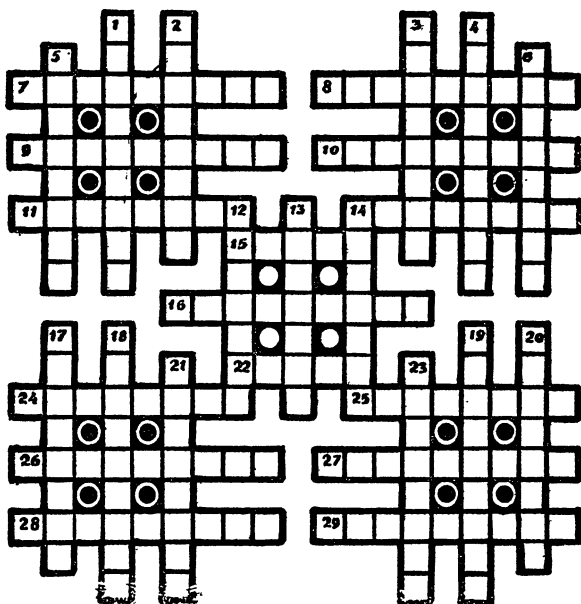
А пригревшиеся под крылышком управления культуры Мосгорисполкома и районных отделов культуры исполкомов не только Москвы, но и множества других городов так называемые «видеосалоны», в которых с утра до глубокой ночи никем не контролируемые дельцы гонят видеофильмы с омерзительными ужасами, костоломством, каратэ и «порнухой», извлекая сногшибательные доходы? Сейчас «видеосалоны» расплодятся как грибы после дождя. Как грибы-поганки...

Да, все это приносит определенный доход в бюджет райисполкомов и даже города. Так что же: «Деньги не пахнут»? Нет, пахнут! Безответственностью, беспринципностью и откровенным издевательством должностных лиц над людьми.

В. СТРЕЛКОВ

КРОССВОРД

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?

По горизонтали: 7. Преступление, заключающееся в использовании должностным лицом прав, связанных с в целях личного обогащения. 8. Преобладание либо нормативного акта. 9. Принцип ра на международных " данском праве " те"

Смертная казнь: за и против. Мнения читателей	10
Собчак А. В ногу ли со временем?	4
Хадаев В. Школе нужен кодекс	10
Хитрин В. Твой передний край	7
Хочу продолжить разговор. Мнения читателей о совершенствовании пенсионного законодательства	5

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

Губин Е. Дом на капитальном ремонте	11
Кучер В. Не беда, а вина	4
Кучер Г. Те самые неуставные	6

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

Новое в законодательстве

Бертуш С., Дюжаев А. Нарушил — отвечай!	6
Гришин И. Когда ты живешь в общезитии	2
Масевич М. В интересах арендаторов	8
О неотложных мерах по улучшению пенсионного обеспечения и социального обслуживания населения	10
О пенсиях. Комментарий Закона СССР «О неотложных мерах по улучшению пенсионного обеспечения и социального обслуживания населения»	11
О решительном усилении борьбы с преступностью	10
Ответственность за нарушение правил торговли	10
Пчелинцев А. Уволен в запас	8
Слом В. Налог с кооператоров	7
Что можно и что нельзя кооператорам? О регулировании отдельных видов деятельности кооперативов в соответствии с Законом СССР «О кооперации в СССР»	4
Шпилько М. О налогообложении кооперативов	11
Закон, комментарий, практика	
Демин В. Если вас увольняют	1, 2
Ефимов С. Несчастный случай в пути	4
Наратеев Л. Еще раз о командировках	3

Заочная юридическая консультация

Владимиров С. На принципах самоуправления и единоначалия	1
Войнам - интернационалистам	3
Комиссаренко И. Еще раз о наследовании	12
Комиссаренко И. С заботой о женщине	3
Служба военная	8
Юридические факты. Что это такое?	4
Юрист консультирует директора	1, 6, 8, 9, 10, 11, 12

Молодежи о праве

Владимиров С. Он пел — слеза прошибала	8
Владимиров В. Вооружен и очень опасен	9
Владимиров С. Покатались...	12
Владимиров С. Ходить надо уметь. Что значит — культурный пешеход	6
Исанов В. Красивый обряд	4
Исанов В. Там, где закон — владыка	5
Стрелков В. За рулем мопеда	2
Тарасов Н. Чтобы суд мог помочь	1
Тарасов Н. Случай в парке	3
Цепелев В. Дайте нам подрасться	10

От «А» до «Я»

Принудительное лечение	1
Принудительный обмен	2
Раздел общего имущества супругов	3
Размер пособий по временной нетрудоспособности	4
Расписка	5
Распорядительное заседание суда	6
Родство	7
Самонадеянность	8
Самоуправство	9
Совет колхозов	10
Специалист молодой	10
Срок выплаты пособия по временной нетрудоспособности	11
Сроки процессуальные	11
Ставки квартирной платы	12
Студенческая стипендия	12

Прочитайте — может пригодиться

Третейский суд	6
Семейная хроника	
Бородин Л. Нелишний доход	6

Виноградова Р. Дом в наследство	3
Славин В. «А где он будет жить?»	12
Славин В. «Наводнение» в квартире	9
Славин В. «Не хочу, чтобы он ушел!»	11
Славин В. Происшествие в отпуске	8
Славин В. Разрыв	10
Столякин Г. Сломался телевизор	1

Судебная хроника

Залогодержатель	2
Тарасенко Г. «Познакомьтесь»	12
Шишова Е. Ночной звонок	11
По протесту прокурора	10, 12
Книжная полка	6, 8, 10
Быть гражданином	10
Владимиров С. Драматические веки истории	11
Искусство речи на суде	10

СОБЕСЕДНИК

Александрович С. Невинно вен!	7
Аносов А. «Внимание! Всем постам ГАИ»	5
Аносов А. «Любовь, это когда бесплатно?»	7
В осаде спекулянтов. На вопросы читателей отвечает доктор экономических наук А. Орлов	3
Главная военная прокуратура полагает... Беседа с первым заместителем Главного военного прокурора генерал-майором юстиции И. Зайкой	2
Дешевое правосудие. Беседа с членом Кочетавского областного суда В. А. Николайчуком и членом Донецкого областного суда Н. С. Стельмах	10
Жунов Ю. Тяжба. Размышления после суда	11
Ищенко Е. Фальшивомонетки	9
Как это делается у вас? Беседа специального корреспондента журнала с заместителем Генерального прокурора Швеции Сольвейг Рибердаль	4
Карышев М. Трудная судьба героя	5
Комиссаренко И. Дела семейные	2
Кооперация в кооперации	1
Купить квартиру. На вопросы читателей о продаже гражданам в лич-	

ную собственность квартир отвечает М. Зенин	5
Логинов В. Закон судьбы. О трагедии Александра Галича	6
Миронов М. Атака на памятник	7
Моргунов П. Неистовый «Гринпис»	12
Москва. Проезд Серова. О Всесоюзном центре юридического всеобуча рассказывает его председатель В. Меркулов	3
Моя милиция меня бережет? На вопросы специального корреспондента отвечает начальник Политического управления МВД СССР А. Аникиев	8
Наши общие заботы. Встреча с работниками московского завода «Калибр»	5
Пермиловская А., Волконская Л. Дорога, которая не ведет к храму. О проблемах сохранения памятников деревянного зодчества	9
Поволяев В. Круговая порука. Заметки публициста	1
По следам выступлений «ЧиЗ»	7
Признание прокурора района нашему корреспонденту. Беседа с прокурором Октябрьского района Ростовской области И. П. Самойленко	6
Процессы прошлых лет. Расстреляны без вины	11
Семейный юрист. Беседа с начальником управления юридической помощи населению Министерства юстиции СССР Г. В. Шумским	11
Сколько стоит свадьба в Одессе? «Круглый стол» в горисполкоме Одесского городского Совета народных депутатов	9
Смирнов А. Вспоминая забытый мотив	4
Стерин В. Вновь открывшиеся обстоятельства	11
Стерин В. «Калитка закрыта, и во дворе собака...»	12
Стерин В. Командировка по вашей просьбе	1
Уразова С. Капля яда в напиток любви	9
Хромова К. Вы чья мама?	4
Почтовый ящик «ЧиЗ»	
Арапов В. Награды вручены	7
Борисов А. Ни к чему нам «перегибы»	9
Волнова Т. Я не одна	11
Комарова И. Кто захочет меня понять?	10

Мальшев В. Сделки в Южном порту	12
Маршалова А. Как нам жить после детдома?	7
Оганджанов К. По неуставному «уставу»	1
Редакции отвечают	1, 2, 8, 9, 10, 11
Розенберг А. Отказали? Мотивируйте!	10
Рядом никого нет	8

Обзор почты

Жуков Ю. О самом обыденном. Заметки юриста о правовой культуре и правовой безответственности	10
--	----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Корнешов Л. Драма тридцать восьмого	3
-------------------------------------	---

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

Столярский М. Меньше предписаний, затрудняющих жизнь	5
--	---

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

Бычков Ю. Жаркое лето	7
-----------------------	---

ПУБЛИЦИСТ РАЗМЫШЛЯЕТ

Александров С. Дом для министерства	9
Аносов А. Кривое зеркало, или Сообщающиеся сосуды	2
Аносов А. Мыльный пузырь	11
Линин В. Не отбирать надежду	2
Линин В. Хроника катастрофы	3
Михайлова М. А за словом наступит дело	5
Позднухов Е. Укрощение	10
Свердлов Ю. Эх, Арбат...	5
Старостина И. Крымский синдром, или Потери плюс... потери	8

ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ

Бутлицкий А. Азиатская сеть мафии	10
-----------------------------------	----

Война В. Ральф Нэyder против «Дженерал Моторс»	10
Елин Л. Тайна агента	12
Мусаелян Г., Семенихин И. Острые когти «обакэ»	1
Нью-Йоркская полиция: борьба с наркотиками и проституцией	12

ПУБЛИЦИСТИКА, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

Акопян К. Бросить камень... Углицкие хроники	6, 7
Арестова Л. Накануне приговора	1, 2
Горай Б. Либерея раритетов	11, 12
Захарова Л., Сиренко В. Три сонета Шекспира	3, 4, 5
Ищенко Е. Смерть на сцене	7
Кононенко В. «Посмертно... репрессировать?»	1
Куняев С. Смерть поэта	8
Моспан Т. Овес для попугая	6, 7
Словин Л. «Кара-Дори» — «черное лекарство»	9
Уваров Г. Катастрофа без тайн	8
Черняк В., Геевский И. «Тридцать пятое сентября»	8, 9, 10

ФЕЛЬЕТОН

Галнин В. Гермесов узел	9
Зумакулов Д., Борода А. Козни Лже-Гименя	5
Квитко Н. Бедное богатство	10
Квитко Н. Случай с деревенским экстраенсом	6
Стерин В. Для чего человеку ноги?	7
Ухватов А. Строго между нами	11
Хазин М. По ком звонит колокол	2

ЮМОРЕСКА

Мукин Д. Про Вовку, козла и дядю Кузю	1
---------------------------------------	---

КРОССВОРД

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12	
---------------------------------------	--

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА**Задача 1**

Заключение трудового договора действительно должно оформляться приказом или распоряжением администрации. Однако часть 3-я статьи 18 Кодекса законов о труде РСФСР устанавливает, что фактическое допущение к работе считается заключением трудового договора независимо от того, был ли прием на работу надлежащим образом оформлен. При этом следует иметь в виду, что выполнение работы должно быть поручено должностным лицом, имеющим право приема на работу, либо с его ведома. В нашей задаче это условие соблюдено, поэтому считается, что с наладчиками заключен трудовой договор, и выполненная ими работа подлежит оплате.

Задача 2

В соответствии с пунктом 2 статьи 254 КЗоТ РСФСР администрация вправе уволить работника, непосредственно обслуживающего денежные или товарные ценности, за совершение виновных действий, которые дают основания для утраты доверия к нему со стороны администрации.

Таким образом, сам факт недостачи (если установлена вина заведующей секцией) является достаточным основанием для увольнения, а доводы Бакиной неосновательны.

Задача 3

Трудовые споры преподавателей высших учебных заведений и работников научно-исследовательских учреждений, должности которых замещаются по конкурсу, в случае увольнения их с работы в связи с неизбранием на новый срок или признанием в установленном порядке не соответствующими занимаемой должности, рассматриваются вышестоящим в порядке подчиненности органом (пункт 2 статьи 220 КЗоТ РСФСР). При увольнении по другим основаниям (в том числе и за нарушение трудовой дисциплины) споры разрешаются в судебном порядке. Так что Алиеву следует обратиться в министерство, в ведении которого находится институт, а Коваленко — в народный суд.

Сдано в набор 25.09.89.   Подписано в печать 20.10.89.   А 00686.
Формат 84×108^{1/2}. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56.
Уч.-изд. л. 9,40. Зак. 1260   Цена 60 коп.

Адрес редакции:

129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68-12.

Отпечатано 3 000 000 экз. (из общего тиража 10 000 000 экз.) с матриц ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда» в типографии № 2 ордена Ленина комбината печати издательства «Радницька Україна». Киев, Анри Варбюса, 51/2. Зак. 333

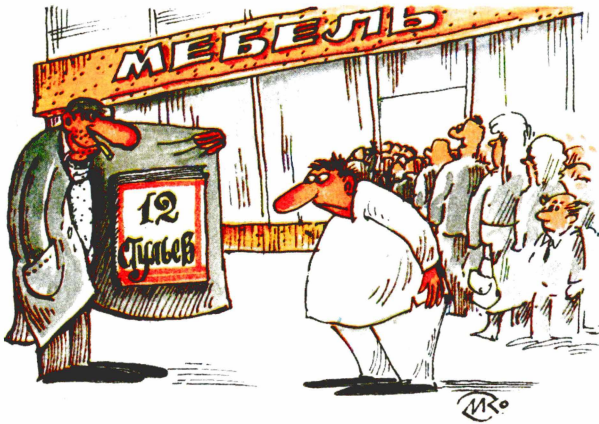
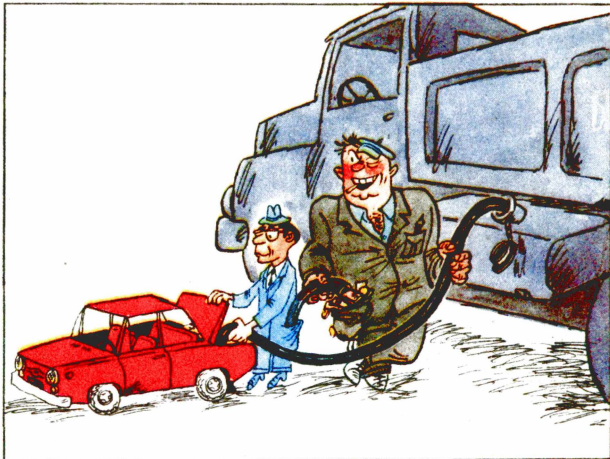

Рис. К. Мальцева, г. Челябинск

«Заправился...»

Рис. А. Штабеля, г. Уфа

60 коп.
Индекс 71075

Фото в номере В. ЗИМИНА

ISSN 0132-0631. Человек и закон. № 12. 1—128.